АНДРЕЙ СНЕГОВ



3

КОДЕКС АГЕНТА

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 3

Андрей Снегов

Аннотация
#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 3
Глава 1. Таинство Инициации
Глава 2. Расплата
Глава 3. Она уходит
Глава 4. Темный авантюризм
Глава 5. Несвобода — сладкий плен
Глава 6. Лик Апостола
Глава 7. Щенка бросают в воду
Глава 8. Месть — смертельно опасное блюдо
Глава 9. Баловень судьбы
Глава 10. Откровение в Музее Трубецких
Глава 11. Атака Клонов
Глава 12. Во все тяжкие
Глава 13. Дар: первые уроки
Глава 14. Долгожданные откровения
Глава 15. В роли мавра
Глава 16. Долг крови
Глава 17. Корни родового древа
Глава 18. Вторая Инициация
Глава 19. Рыбак рыбака видит издалека

Глава 20. Секс по расчету
Глава 21. Еще одна блондинка
Глава 22. Время прощания
Глава 23. Яблочко от яблони
Глава 24. Прозрение
Глава 25. Сущность Разделенного
Глава 26. Кодекс Бога
Nota bene

Аннотация

Российская Империя окружена врагами. Темные маги сжимают кольцо все плотнее, и от поражения нас защищают лишь аристократы, обладатели Дара Разделенного Бога.

Это ложь для бездарей, на самом деле все обстоит иначе.

Я ненавижу высших цветных аристо: все семь Великих Родов Империи и Его Величество Императора лично.

Я – будущий киллер. А еще я – сирота, бесцветный бездарь и бастард какого-то аристо в придачу.

В сокрытом от всех Приюте из нас создают агентов, которые должны положить конец тирании одаренных аристократов, и я просто обязан сделать все, чтобы этого добиться!

Постойте-ка! Я – не бездарь?! Да еще и чистокровный аристократ?! И, возможно, единственный наследник сильнейшего Великого Рода?!

Это чья-то злая шутка: я же ненавижу аристо и призван их уничтожить?!

Первый том цикла:

https://author.today/work/323729
Второй том цикла:
https://author.today/work/330350

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 3

Глава 1

Таинство Инициации



Инициация — это таинство причастия для всех одаренных. Тысячу лет назад Разделенный принес себя в жертву и одарил своим духом семерых сыновей. Так гласит Легенда. Теперь частицу его Духа принимает каждый цветной одаренный и получает Дар творения, и это — реальность.

Сжимаю в кулаке висящий на груди Осколок и по очереди разглядываю семь Кристаллов, спрятанных в хрустальных куполах Храма. В отличие от Кристаллов на шпилях высоток, они излучают столбы цветного света не в небо, а в центр огромного помещения, в то место, где стояла реплика Светлого Кристалла до того, как я снес ее с постамента.

Обычно Инициация проводится в алтаре. Главы Великих Родов обращаются к Силе Кристаллов и транслируют ее юному претенденту на Дар Разделенного Бога. Они накачивают энергией Осколок на его груди, и, начав испускать световые волны определенной длины, он устанавливает волновую связь с соответствующим Кристаллом.

Если я ничего не путаю, примерно так объяснял суть Инициации преподаватель физики в Приюте. Но дело не в физике и не в противоречии ее законам. Священный обряд должны выполнять высшие одаренные. Именно их опыт и хранимые

втайне древние знания обеспечивают его успех.

Покров, окутывавший мою фигуру, исчез, и я ощущаю разлитую в пространстве Силу каждой молекулой кожи. Ощущаю, но воспользоваться не могу: я потерял свои способности столь же быстро, сколь и обрел. Я сосредотачиваюсь и пытаюсь вновь взять под контроль эту мощь, но что-то во мне блокирует доступ к ней.

Осколок на моей груди едва теплый, но я не знаю, каким он должен быть. Про Инициацию я вообще ничего не знаю и информацию получить не у кого: древнее таинство — один из главных государственных секретов Российской Империи. Главы Великих Родов не имеют права открывать ее даже собственным детям до тех пор, пока они не обретут Дар.

На мгновение отвлекаюсь от невеселых мыслей и оглядываюсь. Через разрушенные проемы дверей я вижу серую пелену, защищающую меня от внешнего мира, но не знаю, как долго она просуществует. Как только мерцающий полог исчезнет, по мою душу явится вооруженный до зубов спецназ и подоспевшие ему на помощь маги. Вот только Сила мне уже не подчиняется, а время течет своим обычным чередом.

Бросаю взгляд на мерцающие радужными пе-

реливами Врата Силы, отделяющие Алтарь от Наоса, и решительно направляюсь к ним. Створки гостеприимно распахиваются, и я вспоминаю древние легенды о вратах алтарей, покоряющихся лишь чистым душой и непорочным юношам и девушкам. Насчет души не знаю, а непорочность — это точно не про меня.

Переступаю порог и оказываюсь в небольшом в сравнении с размерами Храма полукруглом помещении. Прямо напротив входа, у белой стены возвышается беломраморная статуя Разделенного с простертой вперед дланью. Под растопыренной пятерней стоит Престол. Обитое белым бархатом стеклянное кресло — символ власти одаренных над людьми и место, куда я должен сесть, чтобы Таинство Инициации свершилось.

Медленно приближаясь к креслу, я осознаю, что не чувствую волнения или величия, которые обычно сопровождают мои контакты с Силой. Нет чудовищных эманаций, разрывающих мою плоть, нет ощущения единства с непостижимой мощью Вселенной, которое я испытывал в Александровском Дворце. Мои руки, тогда исполненные власти, теперь кажутся слабыми и беспомощными. Я провожу пальцами по креслу,

но не ощущаю ничего, кроме гладкого и безжизненного стекла.

Осторожно сажусь на мягкое сидение, облокачиваюсь на спинку и рассматриваю семь портретов Основателей Великих Родов, висящих на противоположной стене. Сходство моей физиономии с ними прослеживается, но не столь явное, как с бронзовым лицом Основателя Великого Рода Синих.

Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан. Семь пар глаз и семь цветов радуги. Кажется, что укоризненные взгляды направлены прямо мне в душу. Могучие мужи на парадных портретах разве что головами не качают, осуждая захват Храма, который я только что совершил.

Закрываю глаза и представляю себе Купола на крыше Храма. Воображаю светящиеся Кристаллы, упрятанные в глубину бронированного стекла. Тянусь к Силе, которая в них таится. И снова ничего не чувствую. По коже не пробегают электрические разряды, клетки тела не наполняются. Силой, а мысли остаются запертыми в тесных чертогах моего и лишь моего разума.

— Тьма меня забери! — кричу я и вскакиваю с Престола.

Я понимаю, что все идет не так, как должно.

Чувства и интуиция, которые всегда были моим надежным компасом, кажется, предали меня. Волнение и сомнения нарастают, а страх охватывает меня, словно темная тень. Неужели я совершил фатальную ошибку? Неужели работающая как часы интуиция дала сбой, первый и последний сбой в моей недолгой жизни?

Опускаю взгляд и рассматриваю истертый тысячами подошв мраморный пол. Он усеян тщательно затертыми подпалинами. Это все, что осталось от аристо, оказавшихся здесь по ошибке. Судя по всему, вскоре на белоснежном полу появится еще одно черное пятно.

Время струится словно песок сквозь пальцы, я чувствую, что его остается все меньше и меньше. Выхожу из Алтаря и в задумчивости оглядываю внутреннее убранство Храма. По окружности помещения расположены семь статуй Разделенного. Фигуры напоминают полуобнаженных атлетов, которые, упершись могучими ногами в пол, держат на плечах расписанный фресками свод Храма.

Над каждой статуей расположен купол с Кристаллом внутри, но взгляды каменных истуканов направлены не на светящиеся купола, не на фрески и даже не на чудесные цветные витражи.

Глаза из цветного стекла смотрят вниз, точно в центр, в то место, где еще недавно стояла копия Светлого Кристалла.

Повинуясь безотчетному порыву, я бросаюсь к выемке в мраморном полу и становлюсь лицом к Вратам Силы, ведущим в Алтарь. Осколок на груди вспыхивает ярким белым светом, а тело окутывает ослепительно-белый покров. С удивлением и страхом я наблюдаю за тем, как моя одежда начинает дымиться, а затем загорается и исчезает в ревущем пламени.

Я не чувствую боли, не катаюсь по полу в надежде сбить пламя и не ищу защиты в Алтаре. Мое сознание вырывается за границы тесной черепной коробки, и я вижу свою обнаженную светящуюся фигуру со стороны. Мои ноги расставлены на ширину плеч, руки распростерты в стороны, а голова запрокинута назад.

Цвет собственных радужек я различить не могу, но глаза семи статуй Разделенного вспыхивают как боевые лазеры и обрушивают на меня потоки цветного света. Они закручиваются в спираль, поглощают маленькую человеческую фигурку и превращаются в огромный радужный цветок, семь разноцветных лепестков которого разворачиваются и тянутся к Кристаллам в куполах.

Сознание возвращается в телесные чертоги, и я, наконец, ощущаю в себе Силу. Ее мощь просто чудовищна. Семь Кристаллов над головой полыхают сверхновыми звездами, и я мысленно тянусь к их ослепительному пламени.

В памяти снова всплывают лекции приютского физика о длине и частоте световых волн, но это лишь слова и формулы, которые невозможно прочувствовать и использовать, чтобы совершить Акт Творения.

Я обращаюсь к Свету. Просто тянусь к каждому Кристаллу поочередно и пытаюсь слиться с ним, вызвать то состояние, которое испытывал, стоя перед Темным Кристаллом в подвале Александровского Дворца. Храм превращается в огромный калейдоскоп, в центре которого нахожусь я.

Красный.

Видение мира искажается под воздействием Кристалла, каждый предмет, каждый уголок превращается в ареал моей абсолютной власти. Кровавые оттенки заливают мое восприятие, а окружающий мир превращается в поле битвы, на котором я — единственный непобедимый воитель.

В мозг врывается обжигающий огонь, опаляет

пространство и пластуют его на пылающие вертикали и горизонтали. Огибая препятствия, они искажаются и гнутся, обтекая непроницаемые для света предметы, и превращают их в объемные формы и огненные плоскости.

Я окутан пламенем, которое разжигает внутреннюю ярость. Пламя течет сквозь мои жилы, обволакивает каждую клетку моего существа, превращая меня в орудие разрушения. Агрессия и насилие наполняют меня до предела, и я готов сорвать себя с цепи, чтобы утопить мир в огне моей ярости.

Я резко встряхиваю головой и избавляюсь от морока. Почему я вижу красный цвет?! Я же потомственный фиолетовый маг?! Возможно, Темный или Светлый, чем Разделенный не шутит, но не Красный?! И Осколок на моей груди…

Опускаю взгляд и вижу, что он превратился в сияющий алый рубин!

Оранжевый.

Сознание заливает кипящая лава. Оранжевые медленно текущие волны захлестывают его, и я знаю, что увижу, открыв веки. Храм стал оранжевым, и Осколок — тоже! В горячем свете все становится ярким и живым, словно пламенное море, готовое поглотить все на своем пути.

Я закрываю глаза, пытаясь избавиться от этого ощущения, но оно охватывает меня полностью. Мое сознание погружается в кипящую магму, и она пленяет меня с головой. Оранжевые волны медленно текут, заливая все вокруг ярким светом, который проникает сквозь мою сущность и затрагивает каждую клетку моего существа.

Открываю глаза и вижу, что мир вокруг меня преобразился. Храм, в котором я нахожусь, словно погружен в оранжевый свет, пропитанный мощью и энергией. Осколок на груди тоже стал оранжевым и ярко светится, выплескивая наружу мой внутренний огонь разрушения.

Желтый.

В мысли врывается яркое солнце, заливая мое сознание кипящим, ослепительным светом. Храм погружается в вязкую массу ярко-желтого цвета, напоминающую куриный желток. В густом пожелтевшем пространстве плавает маленькая звездочка — мой желтый Осколок. Его свет манит, словно огонь в темной ночи, и не позволяет сознанию раствориться в непостижимой силе и мощи и обрушиться на мир.

Зеленый.

В ноздри врывается свежий аромат весеннего леса, полный жизни и обновления. Я тону в гу-

стой листве, быстро погружаясь в изумрудное море, окружающее меня со всех сторон. Храм как будто стал частью древнего леса, где пронизывающая пространство энергия течет вокруг и сквозь меня, создавая круговорот жизни и силы. Осколок светится ярким изумрудом и наполняет меня ощущением вселенского баланса.

Голубой.

Я погружаюсь в чистые речные воды, ощущая прохладу, которая проникает в каждую клетку моего существа. Храм погружается в эту лазурную глубину вместе со мной, словно становится частью бескрайнего озера. Стены, полы и каждый предмет внутри Храма наполняются голубым светом, отражающим ясное небо над головой. На моей груди пылает яркий карбункул, и я, наконец, успокаиваюсь, окончательно подавив в себе ярость и агрессию.

Синий.

Меня поглощает холодный океан, окружая волнами цвета индиго. Пространство окрашивается в этот насыщенный, темный оттенок, словно погружаясь в непроглядные морские глубины. Внутри меня разражается шторм, но на груди сияет путеводный синий огонь, освещая темные воды и указывая путь сквозь царящую вокруг

бурю.

Фиолетовый.

Я погружаюсь внутрь исполинского сапфира, окруженный мерцающими фиолетовыми гранями. Все вокруг пронизано этим волшебным цветом, который окутывает меня, словно вожделенный Покров. Мое тело и разум становятся частью этого фиолетового мира, а Осколок на груди наливается приятной теплотой и становится частью фиолетовый Кристалла над головой.

Безумный калейдоскоп останавливается, и я возвращаюсь в реальность. Глаза на бронзовых лицах статуй Разделенного Бога погасли, слепящий свет Кристаллов померк, а на моей груди пылает фиолетовый Осколок.

Я должен веселиться и прыгать от счастья, потому что Тьма и Свет обошли меня стороной, но радости нет. Меня захлестывает разочарование, похожее на внезапное падение после долгого подъема. Это чувство неполноценности и обмана овладевает мной, словно тень, поглощающая свет.

Вместо радости и удовлетворения я ощущаю горечь и пустоту. Я чувствую себя ребенком, которому посулили коробку разноцветных конфет, а затем нехотя вручили лишь один леденец на

палочке. Что-то важное ускользнуло у меня из рук, оставив лишь ощущение обмана и пустоты.

Вновь обращаюсь ко всем семи Кристаллам над головой, но чувствую лишь Силу фиолетового. Моя душа встречает его с благоговением, но вместо волнения и восхищения я снова ощущаю разочарование. Эта Сила не идет ни в какое сравнение с мощью Темного Кристалла, которая пленила мое сердце. Слабое подобие левой руки, как говорится в каком-то бородатом анекдоте.

Взываю к обретенной Силе, и мои радужки вспыхивают. Я подношу ладони к лицу и вижу на них тусклые фиолетовые отсветы, но мир остается прежним. Нет цветных линий и плоскостей, нет мерцания фотонов и ощущения всемогущества тоже нет. Есть лишь древняя Сила, которую я могу черпать из глубин Кристалла.

Физика говорит, что воздействовать на световые волны можно лишь одним способом: поместить на их пути непрозрачный предмет, но любой одаренный цветной разобьет эту догму в пух и прах и создаст множество материальных предметов из чистого света. Со временем они исчезнут, распадутся на фотоны, но в течение нескольких секунд или минут будут вполне осязаемы.

Я выбрасываю физику из головы, замыкаю на себя воображаемые фиолетовые волны цвета и пытаюсь заставить их сформировать вокруг меня Покров. Ничего не происходит. Радужки светятся, Осколок — тоже, а Покрова нет.

Упрощаю задачу и пытаюсь создать полый невесомый шар, эдакий фиолетовый мыльный пузырь, но ничего не получается. Ощущение неудачи и разочарования нарастает. В глубине души я чувствую, что что-то блокирует мою способность объять всю полноту и мощь древней Силы, но я не могу определить, что именно.

Бегу к разрушенному входу в Храм и всматриваюсь в отполированную до блеска позолоченную табличку и выдыхаю с облегчением: мои радужки светятся как две миниатюрные фиолетовые лампочки.

Есть! Это зримое подтверждение того, что я обрел Силу Фиолетового Кристалла, хотя мое владение ею кажется неполным и неуклюжим. Я закрываю глаза, пытаясь снова увидеть цветные волны и испытать мощь, которую чувствовал еще недавно, стоя перед входом в Храм.

Ничего не меняется. Ощущение, что я стою перед закрытой дверью, только усиливается и кажется, что все впустую, но моя решимость

остается непоколебимой. Чувство разочарования бурлит внутри меня, я отказываюсь от мысли, что все было зря. Я осознаю, что эта неудача — всего лишь временное препятствие, испытание на пути к моей истинной силе.

Серый купол, отделяющий Храм от мира, вздрагивает, и на его мерцающей поверхности расцветают цветные всполохи. Они делят полусферу на части, она идет трещинами, распадается на лоскуты и опадает на землю истончающимися фрагментами.

Перед разрушенным входом в Храм стоят семеро Глав Великих Родов во главе с Императором. За их спинами ревут винтами черные вертолеты с золотыми гербами Империи на блестящих бортах. Глаза магов светятся — они готовы к атаке.

Бежать некуда. Ни защищаться, ни атаковать я не могу и потому стою, высоко подняв подбородок, прямо глядя в глаза многоглавой смерти. Аристо разглядывают меня молча и не предпринимают никаких действий. Фиолетовый свет, струящийся из моих радужек, недвусмысленно указывает, что я — не Темный, но, видимо, это недостаточно серьезное алиби.

Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов бьет без предупреждения. Между его сведенных

ладоней возникает фиолетовая вспышка. Она растет, растекается в воздухе в ширину и высоту, и срывается на меня смертоносной волной.

Глава 2
Расплата

Вал фиолетового огня врывается в Храм, катится на меня смертоносной волной, но я не двигаюсь с места и даже не закрываю глаза. Встречая вызов лицом к лицу, я стою в огненном вихре, словно в самом сердце бушующего шторма. Уж если умирать, то с высоко поднятой головой.

Фиолетовый шквал обрушивается на меня, Осколок на груди раскаляется, обжигая грудь, а по коже струятся электрические разряды. Световой вихрь, созданный Великим Князем, вырывается из Храма через разрушенный дверной проем за моей спиной, а восстановленные после пожара витражи Храма разлетаются в стеклянную пыль и пропадают в голубом московском небе.

Я живой! Живой и невредимый! Фотонный шторм обогнул меня, не причинив никакого вреда, я его почти не почувствовал. Он рассеялся, и я вижу великолепную семерку Глав Великих Родов, все так же стоящих у входа в Храм. Я поднимаю руки и с удивлением оглядываю окутавший меня фиолетовый Покров.

Счастливый Игорь Всеволодович Шувалов срывается с места и бежит ко мне, подпрыгивая на неровных камнях брусчатки. Старик врывается в Храм, хватает меня за плечи, поднимает над землей и начинает кружить в сюрреалистическом вальсе. Через несколько секунд он останавливается, смущенно кашляет и ставит меня на горячий мрамор.

— Ты — цветной, Сашка! — с чувством произносит Великий Князь. — Родовая магия не может причинить вред члену Рода — ты прошел проверку! Добро пожаловать в ряды одаренных и в наш Род, теперь уже по-настоящему!

В уголках глаз старика стоят слезы. Он оборачивается к Главам Великих Родов и победно вскидывает правую руку.

— Парень наш! — кричит старик. — Фиолетовый до мозга костей!

Спохватившись, Князь снимает пиджак и накидывает его мне на плечи. Только в этот момент я вспоминаю, что обнажен.

— Пойдем, — говорит Шувалов, не разжимая губ. — Не лучшее время для официального знакомства с Главами Родов, но выбора нет!

Шувалов покровительственно обнимает меня за плечи, и мы выходим из Храма. Аристократы

старательно смотрят мне в глаза, не опуская взглядов вниз, на голые ноги. На их лицах блуждают плохо скрываемые улыбки.

Останавливаюсь перед сильными мира сего и не знаю, как начать разговор.

— С боевым крещением тебя, сынок! — неожиданно тепло произносит Император всея Руси и крепко жмет мою руку. — Еще неделю потерпеть не мог?!

Я глупо улыбаюсь и развожу руками. Государь должен казнить меня на месте, прямо перед парадным фасадом Храма, казнить прилюдно и жестоко, чтобы другим неповадно было, но он поздравляет меня с обретением Дара. Хочу крикнуть ему в лицо, что разгромил Храм Разделенного, уничтожил два вертолета и покалечил десятки гвардейцев…

— Простите, Ваше Величество! — смиренно произношу я. — Это было не самое умное решение, и я готов понести за него всю меру ответственности!

— Успеешь еще! — он кладет руку мне на плечо, и широко улыбается.

— Я хотел доказать, что Тьмы во мне нет! — оправдываюсь я.

— И ты доказал это! Поздравьте парня! — обращается Император к Главам Родов. — Вы же

еще помните, как радовались Дару двадцать лет назад?!

Романов задает тон, и остальные послушно его поддерживают. Я погружаюсь в пучину приветствий, неискренних поздравлений и пожеланий дальнейших успехов. Люди, которые пришли меня убивать, улыбаются и жмут руки — теперь я для них свой. С гарантией. Фиолетовое тавро проставлено и одобрено Храмом.

Я смотрю в красные глаза Юсупова, крепко жму руку оранжевоглазому Апраксину, улыбаюсь желтоглазому Нарышкину, внимаю речам голубоглазого Воронцова и выслушиваю елей синеглазого Трубецкого.

Я не хочу их видеть. Никого. Даже Императора. Даже Шувалова, который смотрит на меня, не скрывая гордости и торжества. Он громогласно заявляет, что наш Род полностью оплатит восстановление Храма, оплатит закупку новой военной техники и медицинскую помощь пострадавшим гвардейцам.

Наконец, тягостная церемония оканчивается, мы прощаемся с сильными мира сего и идем к любезно предоставленному Императором вертолету. Справа от трапа, облокотившись на черный бронированный борт «Сикорского», стоит князь

Бестужев. Встречаю его холодный взгляд и вижу в нем лишь холодное равнодушие.

— Поздравляю, князь! — сухо произносит он, обращаясь к Шувалову. — Этот раунд за вами!

Великий Князь кивает и, не удостоив собеседника ответа, поднимается по трапу.

— Держись от меня подальше, щенок!

Эти слова адресованы мне — провокация чистой воды. Подавляю детское желание продемонстрировать вновь обретенную Силу и следую примеру Шувалова.

В роскошной, обитой белой кожей кабине мы с Князем садимся друг напротив друга. Глаза Шувалова вспыхивают, и нас окружает светящаяся фиолетовая сфера. Улыбка медленно сползает с лица Великого Князя и проступает другой лик — раздраженный и злой.

— Какого хрена ты творишь? — с нажимом спрашивает старик. — Возомнил себя бессмертным?

Перемена просто разительна. Я начинаю подозревать, что Князю не чуждо искусство актерской игры. Если бы он начал разговор по-другому, спросил бы, чего мне стоила эта Инициация, почему я пошел на чудовищный риск, я бы сам рассыпался в извинениях, но после его упрека…

— Победителей не судят! — с вызовом говорю я и отворачиваюсь, глядя в окно.

— Это не победа, а ошибка выжившего! — цедит сквозь зубы Шувалов. — Ты обещал думать, прежде чем действовать, и что?

— Вам стало жалко обещанных Императору денег?! — я старательно подливаю масло в огонь.

В фиолетовом коконе воцаряется молчание. Вопреки моим ожиданиям, Шувалов не злится, не истерит и не сжимает мои яйца в виртуальных тисках. Он смотрит на меня снисходительно, как многоопытный отец на непутевого сына.

— Мне жалко тебя! Сегодня ты прошел по лезвию бритвы три раза! — спокойно произносит он и начинает загибать пальцы. — Первый — когда прорвался в храм! Второй — когда прошел Инициацию! И третий — когда избежал праведного гнева Императора!

Шувалов лезет в несуществующий карман на груди, удивленно оглядывает себя и недовольно поджимает губы, глядя на свой пиджак, болтающийся на моих плечах.

— Доставай смарт из левого внутреннего кармана, набирай номер и рассыпайся в благодарностях! — уже спокойнее говорит он. — Обещай душу и тело за спасение своей никчемной жиз-

ни!

— Кому?! — нехотя спрашиваю я и беру в руки смартфон Великого Князя.

— А сам не догадываешься?! — с усмешкой спрашивает он.

— Цесаревич?!

— Нет, но тепло!

— Наталья Романова?!

— Она самая! — Шувалов язвительно улыбается. — И поразмысли на досуге, какое ей подаришь кольцо!

— К-кольцо? — ошарашенно спрашиваю я, и вся моя бравада улетучивается без следа.

— Помолвочное — с большим бриллиантом! — Князь утвердительно кивает. — Эта малолетняя дура спасла тебя от верной смерти, заверив батюшку, что вы любите друг друга, и ты так же далек от Тьмы как она сама!

— От смерти?! Любим друг друга?! — повторяю, будто попугай и с ужасом смотрю на Князя.

— Один Разделенный знает, что в точности она наплела, но Император сменил гнев на милость, и сейчас ты летишь домой, а не в подвалы Тайного Сыска!

Шувалов откидывается на кресле и разглядывает меня, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Ну чего ты испугался? — ухмыляется старик. — Не любишь ее? Ничего страшного, на царском ложе у тебя встанет как миленький — не ты первый, не ты последний!

— Тьма меня раздери! — восклицаю я и разбиваю костяшки пальцев правой руки об иллюминатор.

Мысли в голове путаются. Я думаю об Ольге, о своих чувствах к ней, точнее о том, насколько они сильны. Сравниваю ее с Натальей, сравниваю с Ми… Нет, я выбросил ее из памяти! Правда состоит в том, что мне нравится каждая симпатичная девчонка, и с каждой я хочу оказаться в постели.

— А ты всерьез думал, что, разгромив Храм Разделенного, избежишь расплаты? — прерывает мои размышления Шувалов. — Думал, что тебе это сойдет с рук также, как и все в твоей легкомысленной жизни? Радуйся, что расплачиваться придется членом, а не жизнью!

— Сбежать было бы лучшим решением? — спрашиваю я, стараясь не сорваться на крик.

— Не знаю, я не пророк! — отвечает Шувалов предельно серьезно. — Я пытаюсь донести до тебя, что у каждого решения есть последствия!

— Тогда объясните Разделенного ради, что вообще произошло?!

— Бестужев заподозрил тебя в работе на Темных и покушении на Цесаревича. Пока его доклад дожидался рассмотрения Государем-Императором, ты сбежал и эти подозрения укрепил. Твой визит к Цесаревичу лишь усугубил ситуацию. А сегодня утром на заседании Совета Глав Великих Родов выступил Князь Грибоедов и заявил, что ты — Темный! Великие Князья проголосовали за твой срочный арест, и колеса государственной машины закрутились…

Великий Князь на мгновение замолкает и задумчиво рассматривает мое лицо.

— Симпой тебя прозвали за симпатичную мордашку? — интересуется он.

— Да! — нехотя подтверждаю я.

— Благодари за нее Разделенного — незаурядная внешность спасла тебе жизнь! — продолжает Князь. — И Храм ты захватил весьма своевременно — во время заседания Совета, на котором присутствовала Наталья. Цесаревич при смерти, и Романов начал вводить в курс дела дочь. Когда доложили о твоих подвигах, было принято решение уничтожить тебя как Темного террориста…

— Единогласно?! — с иронией уточняю я.

— А ты во мне сомневался?! — Шувалов вопросительно выгибает бровь и поджимает губы.

— Мы прервали Совет и вылетели на набережную, чтобы тебя убить. Наталью оставили в Кремле, но она позвонила отцу, поручилась за тебя дурака и вымолила прощение на тот случай, если ты не окажешься Темным. Я не знаю, что именно она наплела Императору, так что будь готов к сюрпризам!

— Значит, пока речь о помолвке не идет? — с облегчением спрашиваю я.

— Можешь планировать свадьбу! — уверенно произносит Шувалов и широко улыбается.

— Ваши планы сбываются, да?! — со злостью спрашиваю я.

— Они в процессе реализации! — Князь наклоняется вперед, берет меня за плечо и крепко его сжимает. — Объясни: почему тебя пугает брак с будущей Императрицей? Каждый российский аристократ, не задумываясь, отдал бы за это половину своей никчемной жизни!

— Хочу управлять своей жизнью, а не страной, и хочу управлять самостоятельно, — нехотя признаюсь я. — Это — главная причина. Я не исключаю, что приду на прием к Императору и попрошу руки его дочери, но по собственной воле, понимаете?!

— Понимаю! — на удивление серьезно отвечает

Шувалов. — Но для большинства аристократов полная свобода — это несбыточная мечта! Такова плата за положение в обществе и в государственной иерархии!

Шувалов во всем прав. Умом я и сам все понимаю, но куда деться от мятежной и непутевой души.

— Как ты прошел Инициацию? — спрашивает он.

Великий Князь задает самый важный вопрос. Я боюсь на него отвечать, потому что не знаю, какой Инициация должна быть. Начнем с того, что моя случилась вне пределов Алтаря. История полна легенд о великих воителях прошлого, Дар у которых проявился спонтанно, и ни о каких семицветных Храмах тогда и речи не шло, но все это — преданья старины глубокой.

Если Князь поймет из моего рассказа, что я совмещаю в себе Дар Тьмы или Света…

— Ты меня боишься? — неожиданно спрашивает Великий Князь. — Я ударил тебя Силой по двум причинам…

— Вы увидели во мне фиолетовый огонь и знали, что Сила не причинит мне вреда, а какая вторая?

— Я должен был опередить остальных! — от-

вечает Князь.

— Кто-то из Глав Великих Родов желает моей смерти?!

— Конечно, мы с тобой это уже проговаривали, но речь о другом, — Шувалов на мгновение замолкает и смотрит в окно вертолета сквозь фиолетовую пелену. — Инициация у всех проходит по-разному. Процесс не важен, важен результат. Меня интересует как ты прошел ее, ничего не зная о процессе?

После минутного колебания я принимаю решение рассказать правду. В конце концов, в этом мире нет человека, которому я могу доверять больше, чем Великому Князю.

— Догадался, наверное, — отвечаю я. — В алтаре ничего не получилось. Сидел как дурак на стеклянном кресле, обливался потом от волнения и отсчитывал секунды. Затем вернулся в Храм. Встал в центре, в перекрестье лучей Кристаллов, и Инициация началась сама. Храмовый зал превратился в огромный калейдоскоп. Менялись цвета: красный, желтый, оранжевый, голубой… На фиолетовом все остановилось, Осколок вспыхнул, и я почувствовал огонь в собственных глазах.

О белоснежном покрове в начале и светящихся глазах статуй Разделенного Бога я решаю

умолчать. На всякий случай. Осторожного Разделенный бережет.

— Молодец! — удовлетворенно произносит Князь. — Обычно потоки лучей направляют Главы Великих Родов, а ты компенсировал их отсутствие. Сам догадался или подсказал кто?

— Некому было подсказывать, — обиженно говорю я. — Ведь рядом со мной нет многоопытного одаренного, одного из сильнейших магов Империи…

— После Инициации одаренные подписывают обязательство не рассказывать о ней никому, даже собственным женам и детям, — поясняет Князь. — Бумагу ты тоже подпишешь, но дело не в ней. Храни в тайне все, что мне поведал!

— Почему?

— Потому что в древности, когда все аристократы были либо Светлыми, либо Темными, Инициация проводилась именно так, как прошел ее ты…

— Значит, я все же…

— Нет! — перебивает меня Шувалов, не позволяя закончить фразу. — Ты цветной, чего я и ожидал. Но учитывая подозрения Бестужева и Грибоедова, эта история может стать опасной! А теперь самый интересный вопрос! — Шувалов

ухмыляется, наклоняется вперед и ерошит волосы у меня на макушке. — Почему ты голый?

— Одежда сгорела дотла, — отвечаю я. — И сумка с документами, деньгами и телефонами — тоже…

— Как это — сгорела? — удивляется Князь.

— Вспыхнула ярким пламенем и исчезла, — я пожимаю плечами. — Даже пепла не осталось…

Старик внимательно на меня смотрит и озабоченно потирает подбородок.

— Ожогов нет, и волосы на месте, — бормочет он себе под нос. — Никогда такого не видел…

— Меня будут проверять дознаватели?

— Сейчас — вряд ли, а вот перед заключением брака с Романовой — наверняка!

— Вы говорите о браке, как о решенном деле, но…

— Саша, ты — идеальный кандидат для Рода Романовых, мы с тобой это уже обсуждали, — снова перебивает меня Князь. — А с учетом состояния Цесаревича и отсутствия других прямых наследников ваша свадьба практически неизбежна!

— Значит, покушения не закончатся?

— Их станет больше! — Шувалов кивает. — А после объявления о помолвке, я не поставлю на твою жизнь и ломаной копейки!

— Меня снова ждет заточение в золотой клетке? — с отчаянием спрашиваю я.

— В фиолетовой, — поправляет меня Князь с улыбкой. — Наш с тобой договор в силе, ты вправе совершать любые глупости, но с сегодняшнего дня ответственность за них будешь нести сам! Теперь ты можешь за себя постоять, и в схватке один на один тебя сможет убить лишь несколько аристократов Империи!

— Не могу! — честно признаюсь я. — Я не совершил Акта Творения! Не получилось! Мне даже Покров недоступен!

Глаза Великого Князя вспыхивают ярче, огромные кулаки сжимаются, и я впервые слышу, как он ругается пятиэтажным матом, виртуозно используя великий и могучий русский язык на зависть всем дворникам и портовым грузчикам.

Глава 3
Она уходит

Темная фигура передо мной застыла в стойке ожидания с кинжалом в левой руке. На девятом уровне сложности тренировочный манекен одинаково хорошо владеет и правой и левой рукой. Его атакующее движение я считываю заранее — призрак, сотканный магией Силы, полностью имитирует поведение человека, и напрягшаяся мышца на толчковой правой ноге выдает его с головой. Отбиваю удар его кинжала клинком своего и уклоняюсь от летящего в лицо кулака.

Я в боевом тактическом модуле. В отсутствие достойных соперников выплескиваю агрессию и злобу на создании бездушном, но во всех отношениях совершенном. Лучшего бойца нашей Службы Безопасности я уложил за пару минут, и Бекетов лишь развел руками. Ты молодец, мол. Признал высокий уровень моих боевых навыков и предложил заниматься с виртуальным противником.

Манекен стоит напротив и перебрасывает кинжал из руки в руку. Если бы у него было лицо, на

нем расплылась бы зловещая улыбка. Слежу за манипуляциями с оружием и мелкими шажками пячусь назад — чем больше между нами расстояние, тем больше времени у меня на реакцию.

Соперник атакует стремительно. Он ловит кинжал правой рукой и совершает обманный выпад. Я поворачиваюсь боком, уходя от удара, манекен крутится вокруг собственной оси, и мой правый бок пронзает резкая боль — лезвие оставляет виртуальный порез. Место удара вспыхивает фиолетовым цветом, и я начинаю контратаку. Серия из нескольких моих выпадов оставляет на фигуре соперника три цветных пятна.

Мы останавливаемся на границе дуэльного круга, тяжело дыша. Во время подобных спаррингов мне кажется, что под черной маской созданного с помощью Силы морока прячется живой человек. Такой же живой, как я, которому не чужды эмоции, слабости и ошибки.

Я чувствую усталость, но упрямо продолжаю бесполезный бой, потому что не хочу выходить из боевого модуля. Не хочу возвращаться в реальность, где меня ждет одиночество и бесконечные мысли о собственной судьбе. Не хочу закапываться в груду пыльных книг, чтобы отыскать жемчуг среди плевел.

Я атакую с максимальной скоростью, на которую только способен. Выдаю максимум ударов в секунду, уклоняюсь от ответных выпадов, как заведенная механическая игрушка, но чувствую, что проигрываю. Мне мешают сражаться уже ставшие привычными навязчивые мысли.

Великий Князь снова укатил в Кремль решать проблемы мирового значения, а оба отпрыска Трубецких не выходят на связь. Мне отчаянно хочется поделиться своими проблемами хотя бы с кем-то, но в моем распоряжении лишь безмолвная темная фигура манекена.

Мы снова застыли друг перед другом. Я смотрю в черный овал «лица», а манекен выбирает новую тактику боя. Его задача не просто победить человека, нанеся пару смертельных ударов, а найти мои слабые места и отработать системные ошибки в технике боя.

Черная фигура бросается на меня и наносит серию молниеносных ударов на предельной для человеческого восприятия скорости. Клинок мелькает перед моими глазами, жалит мою грудь, словно жвала гигантского насекомого, оставляет в воздухе темные инверсионные следы, и мне становится скучно.

Мне надоедает бесполезно размахивать кин-

жалом, я опускаю руки и сразу получаю два «смертельных ранения» — оба в шею. Виртуальный противник останавливается на краю круга, а механический голос сообщает, что я снова проиграл. На этот раз проиграл не по очкам, а фатально. Я не особо расстраиваюсь: мой противник сражается на предтоповом — девятом уровне, который мне пока недоступен.

Черная фигура тает в воздухе, как и кинжал в моей руке, я включаю экранирование магического воздействия и уже в который раз пытаюсь совершить Акт Творения. Пытаюсь увидеть в пространстве цветные росчерки Силы и создать маленький фиолетовый шарик, но ничего не получается. Я чувствую присутствие Силы, но не могу к ней обратиться, не могу управлять ей, не говоря уже о слиянии, которое ощущал, когда делился ею с Цесаревичем.

Это катастрофа. Крест на моей аристократической карьере. Теперь я официально инициированный одаренный, и любой такой же имеет право вызвать меня на дуэль с применением магии, которая убьет за долю секунды. Я не боюсь смерти, но сдохнуть по глупости не хочу. И пребывание в привилегированной среде аристократов теряет всякий смысл — уж лучше быть бездарем,

чем обладать имитировать обладание Даром.

А Шувалов… Шувалов пообещал бесконечные тренировки, и укатил в Кремль, в офис Тайной Канцелярии.

Опускаюсь на пол, облокачиваюсь спиной на холодное стекло и вспоминаю, как мы с Цесаревичем сидели так же в Царском Селе. Он сражался со мной в учебном бою, зная, что я не тот, за кого себя выдаю. И не убил лишь потому, что чувствовал во мне Темный потенциал. Чувствовал и доверял. Он единственный человек, способный ответить на множество терзающих меня вопросов, но сейчас лежит при смерти в своей аскетичной спальне.

И без того обширный список загадок сегодня пополнился еще одним пунктом. Почему, будучи неинициированным, я мог управлять серой Силой, магией слабых одаренных, на уровне обладателя полноценного Дара? Почему, стоя на ступенях Храма Разделенного, ощущал мощь, которая могла уничтожить столицу? Почему, получив, наконец, Дар, я стал слабее, чем был?

От невеселых размышлений меня отвлекает телефонный звонок. На экране смарта возникает улыбающаяся физиономия Андрея Трубецкого.

— Привет, террорист! — с сарказмом произно-

сит он, и на душе сразу теплеет. — Что делаешь?

— Привет! — отвечаю я, и встаю на ноги. — Получаю тумаки в боевом тактическом модуле!

— Составил бы тебе компанию, но ты теперь владеющий Силой — еще пришибешь ненароком!

В горле возникает ком, и я с трудом подавляю желание признаться другу в своей неполноценности прямо сейчас.

— Хочу к тебе в гости напроситься! — продолжает Андрей. — С ответным, так сказать, визитом! Обещаю, что твоих охранников бить не буду!

— У меня нет охранников, приезжай! Отыграешься на мне!

— Через двадцать минут буду! — говорит Андрей и связь прерывается.

Набираю номер его сестры, но снова слышу длинные гудки — Ольга не отвечает.

Захожу в душевую кабину, вспоминаю обнаженную Трубецкую, секс под душем, и у меня встает. Это спермотоксикоз, убеждаю я себя, чувства ни при чем. Убеждаю и не опускаю руки ниже пояса. Проклятые гормоны, Тьма их забери!

Обжигающие струи смывают пот и поднимают настроение. Я нажимаю мягкий обдув, кайфую

в плотных потоках теплого воздуха, а затем облачаюсь в фиолетовый халат и мягкие тапочки, украшенные моими инициалами.

По коридорам высотки я передвигаюсь с каменной физиономией, не обращая внимания на удивленные лица охранников. Как же меня достали эти аристократические традиции! Даже по собственному дому я должен расхаживать чуть ли не в смокинге! Заваливаюсь в комнату, падаю в кресло на колесиках, и кручусь в нем, глядя на вращающийся над головой потолок.

— Открыто! — кричу я в ответ на негромкий стук в дверь.

Дверь отворяется, и на пороге возникает Андрей Трубецкой. Он одет в синий костюм с отливом и яркий галстук, похожий на павлинье перо. Его густые черные волосы блестят от геля и соперничают с глянцевыми остроносыми туфлями.

— У нас намечается костюмированная вечеринка? — спрашиваю я, вскинув бровь. — Ты будешь ведущим?

— Я к тебе с официальным визитом! — смущенно отвечает Андрей. — Хорошо, что ты не видел длину лимузина, на котором я приехал! Ты бы о размерах моего члена до старости шутил!

— Выкладывай! — коротко прошу я.

Настроение хохмить нет, а актерствовать перед Андреем я не хочу.

— Ольга уходит из вашего Великого Рода, — произносит Трубецкой, мигом растеряв наигранную веселость. — Вчера она долго говорила с отцом, и он был против ее возвращения, но после твоего утреннего подвига изменил мнение…

К горлу снова подступает ком. Уходя из Рода, Ольга уходит от меня. И в этом нет ничьей вины, интересы Рода и ничего больше. Так, по крайней мере, мне хочется думать. Также, как мне и Андрею, ей подберут подходящую партия, и мы будем вспоминать о сумасшедших ночах, обнимая нелюбимых.

— Что же изменил мой подвиг? — сухо спрашиваю я.

— Дело не в тебе, дело в Великом Князе Шувалове, точнее в том, как он сражался за твою жизнь на Совете в Кремле…

— Если старик так бьется за бастарда, которого знает всего несколько недель, то родной отец просто обязан…

— Да, все так! — прерывает меня Трубецкой.

— А Великий Князь Шувалов не будет против? — спрашиваю я, лелея в душе тайную надежду.

— Уже дал согласие, но пока устно…

Что ж, перед Великим Князем Шуваловым стоит снять шляпу. Он опытный гроссмейстер и интриган: чего не отнять, того не отнять. Все разыграно как по нотам. Перед намечающейся помолвкой с Натальей нужно освободить меня от уз предыдущего, неудачного проекта. Логично, цинично и весьма прагматично! «Браво, Князь, браво!» — мысленно кричу я, жонглируя чепчиками любопытной прислуги.

— Я уже говорил тебе, что ты — мудень? — хмуро спрашивает Андрей.

— Нет, но я и сам это знаю…

— Хочу поблагодарить тебя за умопомрачительный секс с Аллочкой в Царском Селе!

— Андрюха…

— Я лежу пристегнутый к кровати, воображая горячий минет в исполнении твоей медсестрички, и у меня стоит, как Останкинская башня! Дверь открывается, и заходит Бестужев-старший! Хорошо, что ты выключатель разбил, иначе я бы сдох со стыда!

Трубецкой замолкает, выплеснув злость, краснеет и обжигает меня недовольным взглядом.

— Бестужев, кстати, ничуть не удивился, когда увидел на кровати меня! Сказал лишь, что я пойду на эшафот вместе с тобой в качестве

соучастника. Как изменник Родины! Сказал и, хлопнув дверью, вышел!

— А Аллочка?! — спрашиваю я.

— Далась тебе эта Аллочка — я ее больше не видел! Вместо девки явились гвардейцы и меня освободили! А через час Бестужев пригнал вертолеты и вывез всех нас в Москву!

— И ты так на меня обиделся, что даже объяснения слушать не захотел!

— По-твоему, я должен был рассыпаться в благодарностях?! — возмущается Трубецкой.

— Андрюха, прости меня! — прошу его со всей искренностью, на которую способен. — Я больше никогда не буду использовать тебя втемную!

— Во что ты вляпался?! — спрашивает Трубецкой. — И зачем бойню в Храме Разделенного устроил? Я уж думал, что в следующий раз увижу тебя на твоих же похоронах!

— Не было другого выхода! — честно отвечаю я. — Либо Инициация и фиолетовый свет в глазах, либо арест и иголки в яйцах.

— Ясно! — Андрей кивает, но я вижу по глазам, что ни хрена ему не ясно. — Ты разнес Храм Разделенного, и сидишь передо мной, а не в застенках Бестужева?! Почему?!

— Я не могу тебе этого объяснить! Пока не

могу!

— Ладно, расскажешь, когда посчитаешь возможным…

— Обязательно расскажу, но дай мне время! Не хочу тебя впутывать в опасную историю, исход которой туманен!

— Договорились! — Андрей кивает.

— Ко мне тебя отец послал? — спрашиваю я, надеясь услышать утвердительный ответ.

— Нет, Ольга попросила…

Вот так, значит. Что и следовало ожидать. Официальное объявление о разрыве отношений устами родного брата, сама не решилась.

— И чтобы сообщить обо всем об этом, ты вырядился в этот павлиний прикид?! — желчно спрашиваю я.

— Ну не в банном же халате к тебе ехать! — парирует Трубецкой.

— Гребаный аристо!

— Гребаный бастард!

Андрей подходит ко мне и кладет ладони на плечи.

— Я с тобой, друг мой! — твердо произносит он. — Моя семья — это моя семья, а я — это я! В следующий раз, если тебе нужно будет сбежать или захватить Кремль, просто попроси меня о

помощи, ладно?!

Поднимаю взгляд и смотрю в темно-синие глаза. Такие же, как у Ольги. Они всегда будут напоминать мне о ней.

— Спасибо! — искренне благодарю я и крепко жму протянутую руку.

Драма затянулась, и я чувствую себя не в своей тарелке. Пора окончательно вернуть в наше общение привычный насмешливый тон.

— На этом официальная часть визита закончена? — спрашиваю я, и Андрей от меня отстраняется.

— Мне уйти? — спрашивает он, прищурившись.

— Наоборот — отпускай лимузин!

Я встаю с кресла и, хлопнув Трубецкого по плечу, подхожу к кофемашине.

— Спорим, что ты никогда не пил такой кофе?!

— У тебя нет охраны, и кофе сам делаешь — как же низко ты пал! — с иронией произносит Андрей.

— Ты не поверишь, я и задницу себе сам подтираю! — заговорщицки шепчу я. — Только не говори никому!

— Ладно, давай твой кофе! — обреченно говорит Трубецкой и становится рядом.

Он удивленно смотрит на работающую кофемашину, а я продумываю план дальнейших действий. Как всегда, спонтанный и сумасбродный.

— Как Цесаревич? — спрашиваю уже в гостиной, где мы сидим, развалившись на мягком диване.

— Отец говорит, что Алексей умирает, — Андрей пожимает плечами. — Ему не могут помочь ни Целители, ни высшие одаренные — цветная магия бессильна!

Я подозреваю, что его могла бы спасти магия Темных, но благоразумно об этом помалкиваю. Во-первых, ни одного Темного за исключением дознавателей к Кремлю на пушечный выстрел не подпустят, во-вторых, обсуждать это я еще не готов. Даже с Трубецким.

— За его здоровье! — я бью краем своей чашки о чашку с кофе, которую Андрей держит в руках.

Он обреченно смотрит на коричневую пенку, жмурится, словно перед прыжком в бездну, и, решившись, делает глоток. На лице парня проявляется удивление, которое сменяется удовлетворением.

— Очень вкусно! — признается он. — Буду периодически захаживать к тебе на чашечку, другую.

— Заходи, конечно! — отвечаю я и вскидываю бровь. — Но кофе не бесплатный!

Делаю паузу, с удовольствием глядя в удивленные синие глаза, и искренне улыбаюсь — больше никакой актерской игры и манипулирования.

— Кофе в обмен на тренировки в боевом модуле!

— Согласен! — отвечает Трубецкой, не раздумывая. — Но ты уже владеешь Силой, зачем тебе неинициированный соперник?

Колеблюсь буквально пару секунд, а затем совершаю очередную глупость: признаюсь в том, что в Храме мне не покорился даже Покров, не говоря уже о сотворении примитивного меча или кинжала.

— То есть, твой Дар бесполезен?! — спрашивает обалдевший Андрей.

— Спецэффект, не более, — подтверждаю я и мои глаза вспыхивают. — Только напугать могу!

— Тьма меня забери! — восклицает Андрей. — Может, последствия самостоятельной Инициации?

— Не знаю, — неуверенно отвечаю я. — Даже Великий Князь теряется в догадках!

— Интересно, как пройдет моя Инициация? — задает риторический вопрос Андрей. — Ты же

знаешь историю Воронцовой?

— Да, Ольга мне рассказала…

— До смерти брата Воронцова не была шлюхой, — говорит Андрей с горечью в голосе. — А после решила, что ее ждет то же самое, и берет от жизни все…

— Ты все еще ее любишь?

— А ты любишь мою сестру?!

— Не знаю, — честно отвечаю я.

— Вот и я не знаю!

Мы замолкаем, и каждый думает о своем. Андрей — о будущей свадьбе с некогда любимой, а теперь презираемой девушкой, а я — о том, что совершенно не знаю Ольгу и даже предположить не могу, что на самом деле творится в ее душе. Остается лишь надеяться, что рано или поздно мы встретимся и поговорим.

— Думаю, что соплей на сегодня достаточно! — заявляю я и вскакиваю с дивана. — Снимай этот дерьмовый костюм!

— Очень романтичное соблазнение! — с сарказмом говорит Трубецкой и громко хохочет.

— Не волнуйся, у меня на тебя не встанет! Надевай мою майку и джинсы — видеть тебя в этом синем дерьме не могу!

— Сказал мне парень в фиолетовом банном

халате!

— Я тоже переодеваюсь и валим отсюда! — я показываю рукой на окно, за которым простирается огромный город и решительно иду к шкафу. — Ты же, наверняка, знаток элитных злачных мест Москвы?!

— По борделям я не ходок! — Андрей отрицательно качает головой. — За этим к Апраксину обратись!

— Я — тоже, и в этом мы с тобой сходимся! — усмехаюсь я. — Где в Москве тусуются молодые Темные?!

Глава 4
Темный авантюризм

Наш лимузин мчит по Камер-Коллежскому валу, и я жадно рассматриваю самый опасный район Москвы сквозь тонированное стекло. Многочисленные сомнительные заведения зазывают гуляк ярко освещенными фасадами, но здесь не стоит появляться даже при свете дня, не говоря уже о темной ночи.

Отворачиваюсь от окна и утопаю в мягком кожаном сидении. Трубецкой развалился рядом, закрыв глаза: самое опасное место столицы его не интересует.

— Ты еще не передумал? — спрашивает он, повернувшись ко мне. — Тьма меня забери, никак не привыкну, что ты на себя непохож!

На себя я, действительно, непохож: серые контактные линзы и волосы, заплетенные в конский хвост, изменили меня до неузнаваемости.

— Я не передумал, но тебе идти со мной необязательно — ты же по борделям не ходок! — я подмигиваю и коварно улыбаюсь.

— Извини, но мне удалось найти лишь одно

место в Москве, где ты с гарантией встретишь Темных! — Андрей пожимает плечами. — И то — лишь благодаря Апраксину!

Мой визит в закрытый клуб для мужчин «Белый шум» устроил Олег Апраксин, и за это пришлось простить ему половину карточного долга. Впрочем, большая его часть пошла на оплату услуг этого темного во всех отношениях заведения.

— Я не могу бросить друга в минуту столь тяжкого испытания! — заявляет Андрей с притворным беспокойством. — Придется принести себя в жертву и пойти с тобой!

— Нет! — твердо заявляю я. — Это исключено!

— Ты предлагаешь вздрочнуть в машине, пока тебя будет обрабатывать парочка Темных жриц любви?!

— Я предлагаю не вляпываться в то дерьмо, в котором я уже по уши! — возражаю я. — Приезжай сюда без меня и кувыркайся хоть с тремя одновременно!

— Ладно, не бери в голову, я пошутил! — Трубецкой улыбается. — В отличие от Апраксина, мне не нужны шлюхи!

— Кстати, как тебе удалось от него отбиться?

— Делов-то: сказал, что со мной идешь ты! — Трубецкой ухмыляется. — Классовая ненависть

в классическом ее проявлении, уж извини за каламбур!

На самом деле девицы легкого поведения мне неинтересны. Я хочу выйти на Темного, от которого я получил Осколок и амулет. Мне нужны ответы, и дать их может только он. По крайней мере, я надеюсь на это.

План сумасбродный. Появиться в логове Темных, и попытаться выйти на загадочного старика. Пойти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что — все как в русской народной сказке.

Руссо-Балт въезжает на пустую неосвещенную парковку и останавливается перед двухэтажным кирпичным зданием с узкими темными окнами и наглухо закрытыми дверями. Фасад без вывески производит мрачное впечатление: он больше походит на заброшенный склад, нежели на элитный бордель, цена за ночь в котором соответствует стоимости апартаментов в пределах садового кольца.

— Интересно, кто назвал его «Белый шум»? — спрашиваю я, разглядывая неосвещенный облупившийся фасад из черного кирпича. — Новое слово в конспирации, не иначе?!

— А как нужно было назвать место, где Темные жрицы любви обслуживают Цветных аристо?

— стебется Андрей. — «Темный омут»?

— Твой вариант мне нравится больше, — я улыбаюсь и поворачиваюсь к Андрею. — Я погружаюсь в пучину разврата, а ты уезжаешь домой, договорились?

— Да! — неохотно соглашается Трубецкой. — С условием, что ты поделишься впечатлениями во всех подробностях!

— С удовольствием! — я подмигиваю, пожимаю руку друга, и два раза хлопаю по бронированной перегородке, изолирующей отсек с пассажирами.

Водитель пулей вылетает из-за руля, обегает машину спереди и открывает широкую пассажирскую дверь. Я выхожу из салона, и в ноздри врывается аромат благовоний. Дурманящий запах прорывается даже сквозь закрытые двери, намекая на множество сладких соблазнов, таящихся внутри.

— Думай только о сексе! — приказываю я себе и начинаю распалять воображение.

Темные как минимум считывают мои намерения, а как максимум — мысли, и они должны увидеть во мне накачанного тестостероном, озабоченного юнца. Каким в сущности я и являюсь.

Я неспешно иду к черным бронированным

дверям, и с каждым шагом в мою кровь поступают новые порции тестостерона и адреналина. Останавливаюсь на крыльце у входа и терпеливо жду. Картинки перед глазами становятся все более и более откровенными, а возбуждение — реальным.

Маленькое окошко со встроенным считывателем кодов открывается лишь через пару минут, когда я начинаю жалеть о том, что отпустил Лимузин и ввязался в откровенную авантюру. Закрытый клуб для аристо, ищущих запретных удовольствий — явно не самое безопасное место в Империи.

Я прикладываю к оптическому датчику смартфон с присланными Апраксиным кодом, и двери открываются. За ними меня встречают два сероглазых парня в черных костюмах, с внешностью классических киношных вышибал. У меня возникает стойкое ощущение, что они — Темные.

После формального приветствия парни меня осматривают. Осматривают довольно бегло, не опускаясь до обыска. Сканируют на предмет наличия Осколка и амулетов, догадываюсь я. Как известно, главное оружие одаренного — он сам, но эту опасность они могут купировать, лишь не пустив посетителя в клуб.

— Проходите, сударь! — говорит один из амбалов.

Парочка расступается, и передо мной распахиваются следующие двери. Сделав несколько шагов, я попадаю в небольшое прямоугольное помещение. Успеваю рассмотреть кирпичные неоштукатуренные стены и бетонный пол, а затем узкий проход позади закрывается, и наступает темнота.

Едва я успеваю подумать, что все это похоже на ловушку для самонадеянных богатеньких дураков, как пол под ногами вздрагивает и начинает медленно опускаться. Над головой вспыхивает тусклая лампочка, и я понимаю, что нахожусь в кабине лифта.

Он опускается неглубоко — всего на два этажа. Кабина останавливается, и кирпичная стена отъезжает в сторону, и передо мной открывается широкий проход, ведущий в полутьму. Впервые за вечер в голову приходит мысль, что если Апраксин хотел от меня избавиться, то своей цели он уже добился.

Впереди вспыхивают настенные светильники и освещают фигуру высокого худого человека, одетого в черный длиннополый мрак. У него редкие прилизанные волосы, узкое лицо и нос с

небольшой горбинкой. Верхнюю часть его лица скрывает черная бархатная маска с узкими прорезями для глаз.

— Доброй ночи, сударь! — произносит он ровным поставленным голосом. — Добро пожаловать в клуб «Белый шум»! Вы у нас первый раз?

— Я по рекомендации…

— Никаких имен, прошу вас! — укоризненно говорит мужчина, прерывая меня на полуслове. — В «Белом Шуме» нет чинов и званий, нет имен и фамилий: все наши гости — прекрасные незнакомцы!

Неуловимым движением он достает из-за спины бархатную черную маску на толстой резинке и протягивает ее мне, любезно улыбаясь.

— Наденьте, пожалуйста, и не снимайте, пока находитесь в общественных зонах! — администратор отходит в сторону и жестом указывает на зеркальную стену.

Беру в руки бархатную тряпицу, подхожу к зеркалу и надеваю на лицо. Маска закрывает верхнюю часть лица, оставляя свободной скулы, подбородок и губы. В черном смокинге, белой рубашке и остроносых туфлях я похож на отрицательного героя игры «Супер-аристо», князя Тьмы.

— Следуйте за мной! — мягко произносит адми-

нистратор клуба и берет меня под локоть.

Он ведет меня за собой по ярко освещенному коридору, стены которого украшены большими картинами, изображения на которых граничат с откровенной порнографией. Миновав коридор, мы заходим в небольшой, но уютный зал.

Полутемное пространство освещено тусклыми светильниками в бронзовых канделябрах.Большую его часть занимают небольшие столики на четыре персоны, а меньшую — сцена. Я единственный посетитель, и администратор усаживает меня за ближний к сцене столик.

Передо мной материализуется официант в неизменном смокинге и предлагает приветственный напиток от заведения. Естественно, шампанское, и, естественно, Крымское. Осушив бокал, заказываю бутылку и, наконец, расслабляюсь.

Через пару минут тихая инструментальная музыка становится громче, и на сцену выходит дюжина обнаженных девушек. Они останавливаются у самого края и награждают меня многообещающими улыбками. Мое дыхание сбивается — я еще не видел столько умопомрачительных красавиц сразу, да еще и раздетых.

— Просто смотрите и выбирайте мысленно,

— шепчет мне на ухо невесть откуда взявшийся администратор. — К вам подойдет та, которая понравится больше всего. И это еще не все, сударь! Догадываетесь, что ждет вас в постели?

— Она будет предугадывать каждое мое желание?

— Именно так сударь, именно так! — подтверждает администратор с липкой улыбкой на лице.

Я любуюсь идеальными телами и лицами, встречаюсь с наэлектризованными девичьими взглядами и чувствую, что во мне просыпается животная похоть. Я знаю, что все они — Темные, знаю, что воздействуют на меня, как когда-то Кара, но сопротивляться не могу. Мой мятущийся взгляд все чаще и чаще останавливается на одной из девушек. Обладательница густой, ниспадающей на хрупкие плечи, гривы черных волос завораживает меня. Ее карие, почти черные радужки прожигают дымящиеся дыры в моей душе, и моральные бастионы падают один за другим.

Я с трудом отвожу взгляд от сцены и осушаю бокал шампанского до дна. На самом деле не я выбираю девушек, а они — меняв, и побеждает та, чей темный зов мощнее. Запрокинув голову, я подношу к губам еще один бокал и начинаю

пить.

Шампанское идет не в то горло, я вскакиваю на ноги, наклоняюсь над столиком и начинаю судорожно кашлять, закрыв руками лицо. Администратор бросается ко мне и стучит по спине, бормоча извинения. Через полминуты благодарю его и распрямляюсь, глядя на сцену.

На моем лице нет маски, а в глазах — контактных линз. Зов исчезает, магия соблазнения улетучивается, а девушки принимают напряженные позы. По вмиг изменившимся взглядам я вижу, что они меня узнали. Перед ними стоит одаренный террорист, захвативший Главный Храм Империи и вышедший сухим из воды.

В обитой черным бархатом стене открывается дверь и ко мне подходит очаровательная кареглазая брюнетка примерно моего возраста. Она одета в черное облегающее платье и туфли на высоком каблуке, а в глубоком соблазнительном декольте виден Темный Осколок.

— Оставьте нас с Князем Шуваловым наедине! — приказывает она, и зал мгновенно пустеет.

Девушки испуганной стайкой покидают сцену и скрываются за кулисами, а испуганный администратор пятится к выходу из зала, путаясь в длинных полах фрака.

— Доброй ночи, Ваша Светлость! — мягко произносит Темная и на ее совершенном, кукольном личике появляется соблазнительная улыбка.

— Доброй ночи, эээ…

— Алина, — представляется красавица.

— Доброй ночи, Алина!

— Не составите мне компанию? — спрашивает девушка и, улыбнувшись, берет меня под руку. — Вы нарушили главное правило клуба — анонимность, а на подходе следующие гости!

Меня захлестывает вожделение и неконтролируемое желание — животная похоть в чистом виде. Я тону в карих глазах Алины и хочу только одного — обладать ею здесь и сейчас.

Она берет меня под руку и ведет к выходу. Мы покидаем зал, сворачиваем в неприметный темный проход и оказываемся в узком полутемном коридоре. Девушка открывает вторую дверь слева, хватает меня за лацканы фрака и вталкивает в шикарно обставленную гостиную.

Она прижимает меня к стене и жарко целует. Из глубин памяти, с трудом преодолевая туман возбуждения, всплывает фраза: «С проститутками не целуются!»

— Я не сплю с мужчинами за деньги! — сообщает мне Алина, прервав поцелуй, и нежно

проводит большим пальцем по губам.

— Только из любви к искусству?

— Только когда хочется разнообразия! — она игриво улыбается, и мы вновь сливаемся в обжигающем поцелуе.

Дверь в гостиную распахивается и в комнате появляется человек, которого я искал. Темный старик останавливается в дверях и с улыбкой наблюдает, как я судорожно отстраняюсь от Алины.

— Здравствуйте, молодые люди! — говорит он, вскинув брови. — Не помешал?!

— Нисколько, папа! — отвечает Алина и отходит в сторону. — Юный Князь Шувалов к твоим услугам!

Папа?! Возбуждение рассеивается, и ко мне возвращается способность мыслить трезво.

— Ты нашел меня сам, а значит, что-то пошло не так?! — с усмешкой спрашивает Темный, закрывая дверь за спиной. — Алина, доченька, будь добра — подожди Александра в спальне, нам предстоит короткий, но очень важный разговор.

Девушка послушно кивает и скрывается за еще одной дверью.

— Ты не внял моему совету и поступил по-своему, — спокойно произносит Темный. — Теперь ты

Цветной Одаренный, и перед тобой простираются сияющие фиолетовые вершины. Зачем ты сюда пришел?! Не за плотскими же удовольствиями?!

— Как мне стать Темным?! — спрашиваю я, проигнорировав колкость.

— Разве что вернуть время назад! — старик равнодушно пожимает плечами. — Да и зачем тебе это теперь?

— Потому что я — Темный!

— Все несколько сложнее, это лишь часть твоей сущности!

Темный насмешливо смотрит на меня из-под седых бровей и недовольно покачивает головой.

— Сложно с вами, молодыми и уверенными в себе! — на его лице появляется ироничная улыбка. — Просишь дочь не целоваться с симпатичными незнакомцами — и все впустую! Пытаешься помочь симпатичному незнакомцу — получаешь тот же результат!

Старик замолкает и пристально смотрит мне в глаза. Я молчу, терпеливо ожидая продолжения назидательного монолога.

— Путь только один, — прерывает паузу старик. — Ты должен пройти вторую Инициацию с Темным Осколком на шее, но это смертельно опасно! И никакие амулеты уже не сработают, ты

сможешь скрыть свою сущность только научившись управлять и Цветом, и Тьмой!

Прекрасная перспектива, учитывая, что я не владею даже Фиолетовой Силой!

— Значит, можно для всех быть Цветным, а на самом деле — Темным, не применяя амулеты? — осторожно уточняю я.

— Теоретически да, но мне подобные случаи не известны!

Внимательно смотрю в глаза старика, но ничего в его взгляде старика не указывает на то, что он знает о тайне Цесаревича.

— Я смогу управлять и Фиолетовой и Темной Силой?

— Ты сможешь являть собой обе сущности — и Тьму, и Свет!

— Чтобы пройти Инициацию еще раз, мне нужно снова проникнуть в Храм…

— Теперь это исключено — там постоянно дежурят четверо высших одаренных!

Старик говорил, что в России не осталось Темных Кристаллов, но как его дочь прошла Инициацию?

— Значит, я должен найти Темный Кристалл?

— В этом я тебе не помогу, — старик вновь разводит руками. — Нельзя найти то, что давно

уничтожено!

Я пытаюсь определить его эмоциональный фон, пытаюсь понять, лжет он или нет, но наталкиваюсь на непроницаемую стену.

— Как вы оказались здесь так быстро, вы за мной следили?

— Конечно, с момента появления тебя в «Белом Шуме»! — лицо Темного расплывается в лукавой улыбке. — Такой же вопрос могу задать тебе я: ведь это ты пришел в мой дом, а не я — в твой!

Говорить, что я нашел его дом случайно, нет смысла, Темный наверняка прочитал это в моих мыслях.

— Наш разговор немного затянулся, а время уже позднее! — произносит старик с улыбкой. — Я уже немолод, знаешь ли, меня ждет кефир, клистир и теплый сортир, а тебя — красивая девушка!

Он подходит ближе и крепко жмет мою руку, пристально глядя в глаза.

— Прощайте, Ваше Сиятельство! Даст Разделенный — свидимся!

— До свидания! — говорю я вслед уходящему старику.

Меня переполняет уверенность, что как минимум один Темный Кристалл в России все же сохранился. И у меня есть лишь один способ его

найти.

Я подхожу к двери в спальню и тихо стучу. Она распахивается, и Алина повисает у меня на шее.

— Твой отец меня убьет! — обреченно говорю я, уклоняясь от поцелуя.

— У нас договор: он не лезет в мою личную жизнь, а я — в его!

— Чем я тебя прельстил?

— Девчонки говорят, что во время оргазма у одаренных сияют радужки, а мне нравится фиолетовый цвет, — Алина заговорщицки улыбается. — У меня нет знакомых аристо, а ты, слава Разделенному, не похож на наших постоянных клиентов!

Она снова целует меня, глядя в глаза. На этот раз очень нежно и не включая Зов.

Глава 5
Несвобода — сладкий плен

Боевой тактический модуль в высотке Трубецких ничем не отличается от приютского. Тот же дуэльный круг, стеклянные стенки и система имитации боя последнего поколения с автоматическим подсчетом очков.

Андрей отрабатывает удары холодно и спокойно, синие глаза потемнели, а лицо приобрело хищное выражение — от привычной насмешливости и легкомысленности не осталось и следа. Фиолетовый кинжал в его руках порхает как бабочка, и я едва успеваю уклоняться от точных и стремительных ударов.

Я дразню Андрея, ничего не рассказывая о ночи в заведении Темных, а он вымещает на мне детскую обиду. Парень чувствует себя обманутым: ведь без него поход в логово Темных состояться не мог. Апраксин удавился бы, но мне не помог.

Я отвлекаюсь на пустопорожние размышления, и серия выпадов Андрея достигает цели: он прижал меня к стеклу, навалился всем весом на грудь и приставил синий кинжал к горлу.

Колючий взгляд Трубецкого источает ярость, и я решаю поделиться хотя бы чем-то.

— Семь! — произношу я, сдерживая улыбку.

— Я не буду отвлекаться на табло, ты меня не обманешь! — зло говорит Андрей и сильнее давит локтем на горло.

— Семь раз за ночь, — поясняю я. — Отвечаю на вопрос, который ты задал уже раз двадцать!

— Ты принес жертву всем семи воплощениям Разделенного?! — на лице Андрея появляется саркастическая усмешка, и он вонзает виртуальный клинок мне в шею.

Трубецкой дергается еще до того, как механический голос присуждает ему победу, отпрыгивает от меня и смотрит на свой пах, на котором расплывается синее светящееся пятно.

— Твой противник умер, но яйца тебе отрезать успел! — я не могу удержаться от смеха, глядя на разочарованное выражение лица друга.

— Три — три, ничья, — медленно произносит он. — Еще раз — решающий бой?!

— Ты меня уже загонял, — устало говорю я и наигранно вздыхаю. — Давай остановимся на ничьей?! Или ты хочешь совершить седьмое виртуальное кровопускание во славу Разделенного Бога?

— Система, к бою! — приказывает Андрей, и я вновь захожу в пределы дуэльного круга.

У Трубецкого хорошая техника, недаром его считают лучшим бойцом среди наследников после Цесаревича. После победы в этом раунде обязательно поинтересуюсь именами его учителей. Сразу после того, как поделюсь подробностями восхитительной ночи с Алиной.

Андрей атакует стремительно и с азартом. В отличие от сестры, ему нравится сражаться. Он погружается в бой с головой, и чувство обиды делает его образцовым соперником.

Клинок Андрея мелькает у меня перед глазами, я и едва успеваю уклониться вправо, чтобы не проиграть в первые же секунды боя. Отскакиваю назад, уходя от сильного удара ногой и опершись рукой на пол, делаю подсечку. Трубецкой подпрыгивает и обрушивается на меня сверху с занесенным кинжалом.

Перекатываюсь вперед, оказываюсь у Андрея за спиной, вскакиваю на ноги и бью клинком в шею сбоку. Он пригибается, как будто чувствуя направление моего удара, падает на спину и бьет меня обеими ногами в живот. Врезаюсь в них правым боком, обхватываю левой рукой и по инерции падаю вперед.

Мы падаем на пол, и я вонзаю клинок в левое бедро Андрея. Место удара окрашивается синим, и костюм ограничивает подвижность соперника, имитируя последствия ранения. Трубецкой рычит, пробивает меня подошвой другой ноги в живот и освобождается от захвата.

Мы поднимаемся на ноги и смотрим друг на друга как злейшие враги. Без тренера в азарте боя можно убить соперника, и я в очередной раз радуюсь, что мы сражаемся в боевом модуле дополненной реальности, а не на настоящем ристалище.

Андрей прищуривает глаза, переносит тяжесть тела на правую ногу и меняет тактику. Он совершает серию быстрых обманных выпадов, которые должны рассеять мое внимание, чтобы я пропустил момент главного удара.

Синий клинок со свистом рассекает пространство и постепенно подчиняет меня асинхронному ритму. Я уклоняюсь, отбиваю удары и контратакую, входя в состояние, похожее на прострацию. Андрей похож на заклинателя змей, а я — на раздувшую капюшон кобру, выжидающую удобного момента, чтобы ринуться в атаку.

Я увлекаюсь и в какой-то момент забываю, что должен поддаться. Закрываюсь от удара кинжа-

лом голой рукой, он вонзается в мою ладонь, а я бросаюсь вперед и наношу смертельный удар в сердце.

Звучит сирена, и система сообщает о моей победе. Андрей недовольно морщится и опускает кинжал. На левой стороне его груди расплывается ярко-синее пятно. Мне приходит в голову, что в боевых модулях Красных ранения окрашиваются в алый цвет, и тренировочные сражения, должно быть, очень похожи на реальные.

— Это было круто! — признается Андрей со все еще кислой миной на физиономии. — Я отыграюсь в следующий раз!

Оружие в наших руках исчезает, виртуальный режим отключается, и стеклянные двери разъезжаются в стороны. Андрей кивает мне, поворачивается спиной и выходит из модуля. У меня на языке вертится множество колкостей, но я молча следую за ним в раздевалку.

— Эй, ну не дуйся! — я кладу руку Андрею на плечо, разворачиваю его к себе и смотрю прямо в глаза. — Спасибо, что помог с логовом Темных — без тебя ничего не вышло бы! И за тренировку тоже благодарю — следующую предлагаю провести у меня!

— Ага, если понадобится срочный перепих

— обращайся! — желчно отвечает Трубецкой, выныривает из-под моей руки, сбрасывает костюм и заходит в душевую кабину.

— Я же не за сексом туда шел! — кричу я вслед оправдываясь. — Да и секс был обычным -она даже Зов не включала! Просто дурная трата денег — ничего важного я так и не узнал!

Трубецкой не удостаивает меня ответом и в его капсуле начинает шуметь вода. Я пожимаю плечами и хочу посоветовать ему пару раз сдрочить, чтобы уменьшить граду агрессии, но снова сдерживаюсь. Зло шутить сейчас не время и не место.

Я занимаю соседнюю и с наслаждением встаю под обжигающие струи. Горячая вода смывает пот и запах черноокой красавицы, который, кажется, въелся в каждую пору кожи. Прошлой ночью я впервые занимался сексом, не приправленным эмоциями. Животная похоть и страсть в чистом виде и с ее, и с моей стороны.

Мы с Алиной обменялись номерами телефонов, но не прислали друг другу ни одного сообщения. Про Кристалл девчонка ничего мне не расскажет, это я понял в первые же минуты общения, со мной она просто экспериментировала и получала удовольствие. Равноценный обмен оргазмами,

и не более того.

От приятных во всех отношениях мыслей меня отрывает стук в стекло. Трубецкой призывно машет рукой и показывает на выход. Киваю, с сожалением выключаю воду и отдаюсь во власть потоков теплого воздуха. Определенно, некоторые функции капсульных душевых кабин — не хуже, чем секс.

В апартаменты Андрея мы поднимаемся молча. В хитросплетениях коридоров высотки Трубецких я ориентируюсь прекрасно, она является точной копией нашей. Отличается лишь внутреннее убранство. Оно более современное, и потому нравится больше.

Перед охранниками, стерегущими подходы к апартаментам Андрея, я появляюсь в синем халате с атласными инициалами «АТ» на полах. На лицах парней не дергается ни один мускул, хотя они с удовольствием закопали бы меня в мрамор прямо здесь, перед дверью.

— Бить в этот раз не будешь?! — спрашиваю я у Андрея, намеренно останавливаясь в дверях.

— Два часа этим занимался, пора и честь знать! — парирует он.

Я захожу внутрь и оглядываю гостиную. Идеально ровные плоскости, грани и прямые углы.

Встроенные в потолок светильники, однотонная покраска стен, мебель, будто собранная из параллелепипедов, и минимум аксессуаров.

Я вспоминаю вопрос, заданный Натальей Романовой у меня в гостях. Комната Андрея абсолютно стерильна, как и моя. Нет ни следа индивидуальности. Если мы с Трубецким поменяемся апартаментами, ничего не изменится ни для нас, ни для наших гостей.

— Ты ищешь что-то, иллюстрирующее мой характер или мои увлечения? — с иронией вопрошает Трубецкой. — Не трать время понапрасну, считай, что я здесь не живу!

Я оборачиваюсь и вопросительно вскидываю брови.

— Пойдем! — говорит он и жестом зовет меня за собой.

Мы направляемся в кабинет, он расположен в той же комнате, что и мой. Когда стеклянная матово-белая дверь открывается, у меня отвисает челюсть. Я вижу комнату-мечту тринадцатилетнего мальчишки. Свою овеществленную мечту.

Стены оклеены плакатами с изображением супер-аристо и рок-звезд, в углу стоит игровой комплекс последней модели, а вдоль длинной стены — огромные акустические колонки. Я с

разбега запрыгиваю в компьютерное кресло, и оно послушно принимает форму моего тела.

— Здорово! — только и могу вымолвить я.

Именно о таком я мечтал в детстве, но строгие правила Приюта это категорически запрещали. Портрет же аристо из игровой вселенной мог стоить мне пары недель карцера.

— Одного не понимаю! — с усмешкой говорю я, еще раз оглядывая комнату. — Где фото порно-звезд?!

— Здесь! — отвечает Андрей и стучит указательным пальцем по виску. — А у тебя в сиротском доме они висели на всеобщем обозрении?!

Насмешливо спрашивает Андрей и сразу поправляется, сглаживая противопоставление. Завороженный обстановкой, я вскакиваю с кресла и подхожу к стеллажу с виниловыми пластинками.

— Расскажи мне о своем детстве в сиротском доме! — смущенно просит Трубецкой, и я застываю перед рядами виниловым изобилием.

Я знал, что рано или поздно услышу этот вопрос, но аристократическое воспитание моих новых друзей сдерживало их любопытство. Все они не хотели подчеркивать разницу в происхождении и делали вид, что я такой же, как и они.

Все за исключением Олега Апраксина.

Набор фальшивых воспоминаний я заготовил давно и мог бы поделиться ими с фальшивой же искренностью, достойной актеров лучших имперских театров, но не хочу так поступать с Андреем.

— Ты сериалы смотришь? — спрашиваю я, ведя пальцами по глянцевым корешкам коллекционных изданий.

— Только «Кремлевские Курсанты» смотрел, — смущенно отвечает он, сразу поняв, на что я намекаю.

Я размышляю о том, как озвучить правду, не разоблачив себя.

— В раннем детстве я жил так же, как они, — тихо говорю я. — Меня били каждый день. Били из-за моих фиолетовых глаз. А я бил в ответ потому, что глаза мучителей были серыми. Ты же догадываешься, что вас, — я запинаюсь и исправляюсь, — то есть, нас, аристократов, ненавидят?!

— Догадываюсь, — отвечает Андрей. — А ты? Ты тоже ненавидишь?

— Нет! — твердо отвечаю я, хотя на самом деле еще не определился. — В последние годы все изменилось. У меня были крутые преподаватели, прикольные друзья и любимая девушка. Я часто

тоскую по той жизни…

Преподаватели врали и манипулировали, друзья и девушка пытались убить, и сам я ничем не лучше их. Можно вытравить мальчика из Приюта, но вытравить Приют из мальчика невозможно. Я хочу завершить этот разговор как можно скорее. Когда-нибудь я обязательно расскажу все, но не сейчас.

Я достаю с полки пластинку группы «Осколки Мечты» и поворачиваюсь к Андрею. Он улавливает мое настроение, подходит к проигрывателю, берет из моих рук пластинку и устанавливает ее на тяжелый вращающийся диск.

На винил опускается головка звукоснимателя и меня обволакивают тяжелые гитарные аккорды.

— Нет, так музыку не слушают! — говорит Андрей и недовольно кривит губы.

Он усаживает меня в одно из двух кресел, стоящих перед колонками у противоположной стены, открывает винный холодильник, встроенный в тумбу с аудиотехникой, и достает бутылку красного вина.

— Отказ не принимается — даже не думай! — говорит он, перекрикивая музыку. — Знаю, что ты не любишь, когда прислуживают, поэтому открою ее сам! Семейные виноградники в Крыму

— ты просто обязан попробовать!

Трубецкой достает из шкафчика два тонкостенных стеклянных бокала, ставит их на тумбу и разливает кровавые слезы виноградной лозы.

— Угощайся! — предлагает он, садясь в соседнее кресло, и протягивает бокал.

Я подношу его к носу, закрываю глаза и вдыхаю легчайшую смесь божественных ароматов. Вино превосходное, это я понимаю уже по запаху. В Приюте нас учили не просто пить спиртное, но и разбираться в нем.

Делаю маленький глоток и перекатываю вкус на языке, прислушиваясь к ощущениям.

— Великолепно! — восклицаю я. — Виноградники Трубецких укладывают виноградники Шуваловых на обе лопатки!

— Ну, не скажи! — возражает Андрей улыбаясь. — Я слышал, что ты не против пропустить бокальчик другой семейного коньяка!

— Ольга сдала? — спрашиваю я и выпиваю остатки вина.

— Она самая! — Андрей кивает. — Надеюсь, сестра не выдала главную тайну Великого Рода Шуваловых?

— Я скучаю по ней, — признаюсь я, расслабившись в мягком кресле. — И к тебе пришел, в

надежде ее увидеть…

— Когда ты был с Темной, тоже думал об Ольге?

В голосе Андрея слышна горькая насмешка, и он смотрит не в лицо, а в бокал, будто надеясь прочитать там ответ на свой вопрос.

— Думал! — подтверждаю я. — Хочешь — верь, хочешь — не верь…

Стереосистема великолепна, и звук обволакивает меня плотной колеблющейся пеленой. Парни из «Осколков Мечты» поют о рассыпающейся на фрагменты жизни, и настроение песни сейчас полностью созвучно моему.

В постели с Алиной я не просто думал об Ольге, а закрывал глаза и представлял ее на месте девчонки. Я мог бы оправдаться перед Андреем и рассказать о свободных отношениях, которые связывали меня с его сестрой, но не хочу. Это будут ничего не значащие слова. Слова ненужные и неуместные.

— Почему она не отвечает на мои звонки и сообщения? — спрашиваю я вместо ненужных объяснений.

Андрей берет из моих рук бокал, наливает вино и протягивает обратно. Затем поворачивает голову к окну и задумчиво смотрит на сквер во

дворе высотки. Смотрит долго, явно о чем-то размышляя и принимая решение. Я ему не мешаю. За окном, как раз на высоте расположения его апартаментов находится бронзовое лицо основателя Рода Трубецких. Бронзовое лицо, которое так похоже на мое.

— Я отвечу тебе, если ты пообещаешь остаться здесь и не рваться к ней, что бы я ни сказал! — Андрей поворачивается ко мне и пристально глядит в глаза.

— Обещаю! — я киваю и чувствую поднимающийся по спине холодок.

Я уже догадался, что услышу сейчас от Андрея, и прилагаю все силы, чтобы сохранить безмятежное выражение лица.

— Они с отцом заключили сделку, — говорит Андрей и замолкает, не решаясь продолжить. — Он принимает ее в Род в обмен на замужество…

Я замираю без движения и смотрю в синие глаза Трубецкого не мигая. В такие же глаза, как у нее — глубокие и завораживающие. Только не за Апраксина, только не за этого жирного ублюдка…

— Мы породнимся с Великим Родом Апраксиных, — заканчивает Андрей и напрягается как взведенная пружина, чтобы броситься на меня и

скрутить, если у меня сорвет крышу.

Я встаю с кресла и махом осушаю бокал. Затем медленно, будто во сне, бреду к широкому панорамному окну. Прижимаюсь лбом к толстому стеклу и смотрю в глаза еще одного Трубецкого, на этот раз бронзовые.

Андрей неслышно подходит сзади, становится рядом и кладет руку мне на плечо.

— Такова жизнь проклятых аристо, бастард, — с горечью произносит он. — Нам не суждено прожить жизнь с теми, кого мы любим…

— И по-настоящему дружить с теми, с кем дружить хотим, — добавляю я. — Ольга предостерегала меня от общения с тобой, говорила, что ты гениальный и чрезвычайно опасный манипулятор. А со мной ты ведешь себя как легкомысленный мальчишка. Какой ты — настоящий?

— Оба! — не задумываясь отвечает Трубецкой. — Тот же вопрос я мог бы задать тебе…

— Чтобы получить такой же ответ…

Я крепче прижимаюсь лбом к прохладному стеклу, чтобы выдавить его и взлететь в голубое августовское небо, но меня удерживает горячая ладонь одного Трубецкого, крепко сжимающая плечо, и холодный взгляд бронзовых глаз другого,

пронзающий до глубины души.

Глава 6
Лик Апостола

Музей Великого Рода Шуваловых занимает добрую половину стилобата высотки и расположен на двух этажах. Хранитель Рода добросовестно провел меня по открытой части экспозиции и показал много интересного. Экскурсия вышла замечательной, и я с удовольствием внимал рассказам старика, терпеливо дожидаясь, когда мы перейдем в хранилище, закрытое от посторонних глаз.

За десять веков Род Фиолетовых накопил огромный объем экспонатов, но на всеобщее обозрение выставлено не более двадцатой их части. Полуистлевшие берестяные свитки, одежда и оружие воинов, ювелирные украшения, макет городища, заложенного Разделенным на берегу Ильмень-озера, картины и фрески, на которых запечатлены знаковые сражения прошлого — все призвано подчеркнуть величие и древность аристократической фамилии.

Настоящие же сокровища спрятаны за несколькими бронированными дверьми, открыть

которые можно только с помощью комплекта амулетов. Доступ сюда есть лишь у Великого Князя и Хранителя Рода.

Я видел полную родословную Шуваловых, включающую в себя всех Темных и Светлых, как невинно убиенных, так и казненных или изгнанных из Рода за тысячелетие. Я держал в руках макет первого фиолетового меча, созданного Основателем с помощью Акта Творения. Я разглядывал его Осколок, хранящийся в вакуумной стеклянной капсуле за несколькими слоями бронированного стекла.

Все это было очень познавательно, но эффекта разорвавшейся бомбы на меня не произвело. Я проанализировал полную родословную в попытке вывести зависимость появления Темных и Светлых от родовой принадлежности жен Фиолетовых предков, но в этом не преуспел. Их портреты были столь же однотипны, сколь и парадные полотна в высотке.

А вот портрета Разделенного Бога в архиве не нашлось. Его сына, основателя Рода Фиолетовых, каждый художник изобразил по-своему. Лица настолько разнились, что узнать в них одного и того же человека не представлялось возможным.

Экскурсия закончилась, мы с Хранителем си-

дим в его рабочем кабинете, и старик молчит, обозревая бесконечные ряды древних фолиантов у меня за спиной. На столе стоит неизменный самовар, в пузатых чашках плещется травяной чай, а стальной поднос завален всевозможными видами баранок и бубликов.

Хранитель хмурит седые брови и напряженно раздумывает о чем-то, поглаживая бороду. Я с трудом сдерживаю желание обернуться. У меня возникает иррациональное ощущение, что я увижу статую Основателя Рода Фиолетовых и столкнусь с взглядом бронзовых глаз, направленным мне в спину. Воображение рисует бронзовое лицо, похожее на мое до степени смешения.

Я отгоняю бесполезные мысли и обращаю взгляд на собеседника, не проронившего ни слова после окончания осмотра экспонатов. Хранитель Рода все еще не считает меня своим, несмотря на все приказы и объяснения Великого Князя Шувалова. И старик явно чем-то обеспокоен или расстроен, чем-то, имеющим прямое отношение ко мне.

Я молчу и терпеливо жду. Жду, когда он решиться заговорить и задать терзающие его вопросы. Судя по затянувшемуся молчанию, вопросы волнуют старика весьма сильно. Наконец, взгляд

темно-серых глаз обращается на меня.

— Как вы могли?! — с упреком спрашивает он, и я сразу понимаю, что речь идет о нападении на Храм Разделенного. — Вы понимаете, что поставили на карту безопасность нашего Рода и всей Российской Империи?!

— Я не планировал уничтожать Кристаллы, если вы об этом…

— Специально вы и не смогли бы этого сделать, но окажись вы Светлым…

Я подаюсь вперед не в силах скрыть свое любопытство. Молча смотрю на старика, прикидывая, как лучше выстроить диалог, чтобы получить максимум столь необходимой мне информации. Намечается тяжелейшая спецоперация по преодолению недоверия.

— Светлые способны навредить Кристаллам?! — удивленно спрашиваю я. — Вы мне этого не говорили! Да и как бы я стал Светлым, не надев на грудь соответствующий Осколок?!

— Юноша, не считайте меня глупее, чем я есть на самом деле! — обиженно заявляет старик, оглаживая седую бороду. — Осколок Светлых висел на вашей груди, когда мы с вами и Великим Князем поднимались к родовому Кристаллу! Чуть позже вы задали мне множество недвусмыслен-

ных вопросов, касающихся возможности стать Светлым!

— У меня нет Осколка Свтелых, — заявляю я в ответ и пристально смотрю в глаза старику.

Я не вру, и он это чувствует. Сейчас у меня, действительно, нет Осколка, и я ничуть не грешу против истины. В любом разговоре можно не сказать ни слова правды и при этом не быть уличенным во *лжи*. Меня этому хорошо научили.

— Никто не вправе подвергать опасности главное достояние Империи — цветные Кристаллы, созданные самим Разделенным! — гневно заявляет Хранитель. — Их всего четырнадцать: семь в Храме и по одному в высотках Великих Родов!

— Всего четырнадцать? — удивляюсь я. — На всю Империю? А что же установлено в провинциальных Храмах?

— Муляжи! Именно поэтому Инициации всегда проводятся в Московском Храме — отвечает старик и замолкает, явно сожалея о сказанном. — Но это секретная информация, ее даже мне знать не положено, и если вы озвучите ее кому-нибудь…

— Тогда не сносить мне буйной головы! — покорно киваю я, иронично улыбаясь. — Вот только голова у меня всего одна, а поводов ее лишиться — уже десяток!

— Если вы не умерите молодецкую дурь… — старик замолкает и закусывает губу, осознав, что перешел границы дозволенного. — Молодецкий пыл, я хотел сказать… Если вы не умерите молодецкий пыл, то лишитесь ее в мгновение ока!

Хранитель пристально смотрит мне в глаза, пытаясь донести всю серьезность сказанного.

— Захватив Храм Разделенного, вы пошли на чудовищный риск, и существует лишь один мотив пройти Инициацию ценой такого риска — желание не быть сожженным в алтаре Великого Храма! — медленно произносит старик, не в силах успокоиться.

— Не только, — возражаю я, и мои глаза вспыхивают фиолетовыми сапфирами. — Я хотел доказать, что не являюсь Темным до того, как окажусь в подвалах доблестного Тайного Сыска!

— Как раз в них вы и должны были оказаться после нападения на Храм! После столь вопиющего попрания Имперских законов вас должны были казнить на Красной Площади! Обезглавить на Лобном месте, как в стародавние времена! — горячится старик. — Но вы почему-то сидите передо мной, меланхолично попивая чай и закусывая его баранками!

— Милость нашего самодержца не знает гра-

ниц! — с придыханием заявляю я и закатываю глаза к потолку за неимением портрета Императора перед глазами.

— Именно так! — соглашается Хранитель с желчной усмешкой на лице. — А все потому, что Разделенный одарил нашего Императора великим множеством талантов! Вот только это множество не включает в себя милосердие!

— Ладно! — я согласно киваю. — Допустим, Император простил меня по иной причине. По расчету, например! Что это меняет?!

— То, что вы тотально от него зависите! — с торжеством сообщает мне Хранитель. — Уголовное дело заведено?! Вас осудили, и Николай Александрович Романов собственноручно подписал указ о помиловании?! Нет?! Значит, все это может случиться в любой момент, и вы у него на крючке!

Еще недавно я бы поразился простоте, с которой меня поймали на упомянутый крючок, но сейчас лишь пожимаю плечами. По мере погружения в мир аристо, я удивляюсь все меньше и меньше, особенно изяществу придворных игр, участником которых поневоле стал.

— Благодарю за предупреждение, — говорю я. — Думаю, что Императору нет нужды выстраивать многоходовые комбинации, ведущие юнцов

вроде меня в заранее расставленные ловушки. Ему достаточно пожелать моей смерти, и одаренные верноподданные выстроятся в очередь, желая исполнить волю монарха!

— Все так, но юридические зацепки никогда не помешают! — парирует Хранитель, наставляя на меня костлявый указательный палец. — Зарубите это на вашем идеальном носу!

Он замолкает и стушевывается, мгновенно растеряв весь свой пыл.

— Игорь Всеволодович рассказал, что в древности Инициация проходила не в алтаре, а в главном зале Храма, и Главы Великих Родов в ней не участвовали?! — спрашиваю я, переводя разговор в практичное русло.

— Все так и было, если верить дошедшим до нас летописям, — подтверждает Хранитель. Инициация — таинство, получение Дара из рук самого Разделенного, и древние аристократы проходили ее в одиночестве, как это сделали вы, оставаясь с Богом один на один. На ступенях Храма юношей и девушек встречал лишь глава их Рода и подносил им хлеб-соль, если видел волшебный свет в очах…

— А если не видел?

— Изгонял из Рода прилюдно!

— Почему же традиция изменилась?

— После свержения Ивана Темного и его опричников Совет Семи взял власть в Империи под полный контроль и принял решение контролировать обретение Дара и удерживать равновесие между Великим Родами…

— Равновесие?! — уточняю я. — Это означает контроль численности одаренных в каждом Великом Роду с учетом мощи их Дара?! Убийство лишних цветных?!

— Ну почему же убийство, — возражает старик. — Все можно обставить так, что неугодный претендент навсегда останется серым…

Я в молчании таращусь на старика, переваривая услышанное. Баланс сил, сложившийся между Великими Родами — не естественное состояние, а созданное искусственно, и в теории фиолетовых магов может быть столько же, сколько красных или даже больше! Но в этом случае никто и ничто не сможет помешать им захватить и удерживать власть бесконечно!

— Главы Великих Родов знают об этом? — на всякий случай спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

— Конечно! — Хранитель кивает. — Они поддерживают равновесие добровольно.

— А кто определяет достойных и недостойных получения Дара?

— Глава соответствующего Великого Рода, — отвечает старик.

— Тогда как получилось, что Фиолетовые вымирают?

— Ваше Сиятельство, вы же изучали эволюцию и теорию естественного отбора? — спрашивает старик, и в его голосе звучит ирония. — Когда потенциальных представителей вида остается чрезвычайно мало, вид может исчезнуть с лица Земли в результате череды нелепых случайностей.

«Или целенаправленных действий!» — добавляю я мысленно.

— Появление Светлых и Темных в рядах Цветных — тоже часть процесса регулирования численности одаренных? — спрашиваю я.

— Нет, это тоже случайности, вносящие сумятицу в отлаженный механизм, — поясняет старик. — Именно они привели наш Род к катастрофе.

— То есть, сколько бы я ни настрогал детей, одаренными будет позволено стать лишь шести или семи из них?

— Вы умеете считать, Князь! — с сарказмом замечает Хранитель. — Но если будете и дальше

идти на неоправданный риск…

— Риск был оправдан! — возражаю я.

— Александр Игоревич, — спокойно произносит старик. — Если в следующий раз вы решите захватить Кремль, например, посоветуйтесь сначала с вашим покорным слугой — я подскажу, как это можно провернуть с наименьшими потерями!

— Ловлю вас на слове! — отвечаю я и широко улыбаюсь.

Хранитель снова замолкает и пристально смотрит мне в глаза, пытаясь распознать: подействовало на меня его короткое нравоучение или нет, а затем тяжко вздыхает и отводит взгляд.

— Позвольте поздравить вас с обретением Дара, Ваша Светлость, — произносит он официальным, лишенным эмоций, тоном. — Отныне вы имеете право обладать любой информацией, даже совершенно секретной! Остались лишь две небольшие формальности: контракт о вступлении в Великий Род Фиолетовых и подпись на договоре о неразглашении!

— То есть, вы предлагаете продолжить наш разговор после улаживания упомянутых вами формальностей?

— Думаю, что это излишнее следование букве

закона, — с улыбкой отвечает старик. — Мы не нарушим его дух, если обсудим волнующие вас загадки уже сегодня!

— Вчера я был в особняке Синих, — с деланным беспокойством произношу я, нервно барабаня пальцами по столу. — Меня поразила скульптура Основателя их Рода…

— Первого Великого Князя Трубецкого? — уточняет старик, с интересом глядя мне в глаза. — И чем же она вас поразила?

— Чертами лица…

— Чертами лица?! — переспрашивает Хранитель, откидывается на спинку кресла и начинает, прищурившись, внимательно изучать мою физиономию.

— Остались ли прижизненные изображения или скульптуры Разделенного Бога? — спрашиваю я, не дождавшись ответной реакции. — Или хотя бы его сыновей?

— Как вам хорошо известно, Основатель запретил свои прижизненные изображения, а все созданные после его смерти были уничтожены в тринадцатом веке после решения Совета Семи. Но его кровь течет в жилах каждого одаренного, и тем более — его сыновей, — говорит Хранитель. — Учитывая, что за столетия гены всех Великих

Родов перемешались, нет ничего удивительного в вашей похожести на одного из сыновей Разделенного, которого он одарил синим, а не фиолетовым даром…

Я хочу выпалить, что убитый сын Шувалова похож на меня как две капли воды, что Светлый, встреченный мной в Приюте — тоже, что фото моего двойника в сиротском доме не дает мне спать по ночам, но произношу совершенно иное.

— Куда делась бронзовая статуя нашего Основателя, такая же, как стоит во дворе высотки Синих?

— Она была уничтожена после уничтожения Темных представителей нашего Рода, захвативших Престол, это открытая информация, ее вы можете найти во множестве источников…

— Я думал, что статуя может быть спрятана от посторонних в закрытом хранилище…

— Нет! — старик качает головой. — Синие — единственные, кто сохранил статую Основателя их Рода, созданную на основе его посмертной маски. Остальные монументы утрачены в процессе многочисленных междоусобных войн.

— А посмертная маска нашего Основателя сохранилась? — спрашиваю я.

— Конечно, это одна из главных реликвий на-

шего Рода! — отвечает Хранитель. — Если быть точным, сохранилась ее бронзовая копия, снятая с древней скульптуры, лицо которой ваятели создали по гипсовой маске…

Мое сердце начинает биться чаще, и я совершаю невероятное усилие, чтобы не выдать свой интерес.

— Вы желаете ее лицезреть? — уточняет удивленный старик. — Должен предупредить вас, что эта ничем не примечательная вещица интересна лишь профессиональным историкам и биографам…

— Вы мне ее покажете?! — прерываю я разглагольствования старого Хранителя.

— Как скажете, Князь! — соглашается он, пожав плечами. — Следуйте за мной!

Мы возвращаемся в закрытую зону музея, проходим мимо многочисленных стеклянных витрин, в которых выставлены отработавшие свое амулеты и Осколки уже умерших Шуваловых и оказываемся перед неприметной дверью без надписи, которую я принял за вход в туалет.

Срабатывают амулеты, спрятанные в карманах Хранителя, периметр дверного проема вспыхивает фиолетовым светом, а затем щелкает замок. Старик открывает дверь и приглашает меня

войти в небольшую квадратную комнату, в центре которой установлен невысокий постамент с плоским навершием.

— В помещении поддерживается оптимальная температура и влажность воздуха, — поясняет старик. — Это позволит сохранить реликвию для грядущих поколений нашего Рода.

«Если они появятся!» — мысленно добавляю я и делаю шаг через порог.

Фиолетовая маска лежит на фиолетовом бархате, ярко освещенная направленным светом четырех светильников. Я рассматриваю реликвию, пытаясь нарисовать в воображении портрет Основателя, но мне это не удается. Фиолетовый полупрозрачный материал не дает ясного представления о том, как в реальности выглядел родоначальник.

Я подхожу к постаменту, снимаю маску с бархатного ложа, и прикладываю ее к лицу. Стекло идеально облегает каждый изгиб моего лица, даже нос и подбородок. Посмертная маска Основателя Рода Фиолетовых как будто сделана с меня. В кожу лица вонзаются сотни игл, Осколок на груди вспыхивает, и возникает ощущение, что маска прирастает к лицу.

Сквозь узкие прорези я наблюдаю за выраже-

нием ужаса, застывшем на побледневшем лице Хранителя. Взывают сирены, и я вздрагиваю от удара об пол четырех бетонных плит, надежно изолирующих нас в небольшой комнате.

Глава 7
Щенка бросают в воду

— Да что с тобой происходит, Тьма тебя забери?! — гневно восклицает Великий Князь, наставляя на меня указательный палец. — Сначала Храм, теперь — маска Основателя?! Тебе не пришло в голову, что можно отключить сигнализацию и спокойно изучать ее хоть до второго Пришествия Разделенного?!

Я стою перед Шуваловым в центре его кабинета, опустив взгляд долу, как провинившийся школьник, и терпеливо выслушиваю справедливые обвинения. Я не готов делиться с ним размышлениями по поводу собственной внешности и моем двойнике в Выборгском Сиротском Доме. Пока не готов.

Князь нервно ходит по кабинету и изливает на меня злость вкупе с недоумением.

— Знаешь, какие аристо обычно не доживают даже до средних лет? — цедит сквозь зубы Игорь Всеволодович, подойдя ко мне на расстояние вытянутой руки. — Непредсказуемые! Их пристреливают, как бешеных собак! Пушкин

и Лермонтов — яркие тому примеры! Ты тоже хочешь сдохнуть, не дожив и до сорока?

— У меня в любом случае нет шансов! — оправдываюсь я и горько усмехаюсь. — Дар мне неподвластен, и рано или поздно меня прикончат на какой-нибудь дуэли!

— Веди себя так, чтобы не прикончили! — приказывает Шувалов, выделяя каждое слово.

— Это был порыв, — признаюсь я. — Мне даже в голову не пришло, что маска подключена к сигнализации…

— Дело не маске, Саша, Тьма ее забери! — устало произносит Игорь Всеволодович. — Дело в тебе! Дело в самоконтроле! Ты не должен вести себя как восемнадцатилетний юнец, хотя им и являешься! Положение обязывает! Бери пример с Андрея Трубецкого, он…

Началось. Процесс воспитания подрастающего поколения во всей красе. Нашкодившему ребенку ставят в пример его друга, который на самом деле ничем от него не отличается. Я бы мог рассказать, как в Царском Селе этот самый друг позволил привязать себя к кровати ради призрачных ласк красивой медсестры, но помалкиваю и выслушиваю похвальбы в адрес Трубецкого молча. Не думал — не гадал, что наши отношения с Ве-

ликим Князем трансформируются в извечный конфликт отцов и детей.

— Расскажите лучше о его сестре! — я прерываю нескончаемый поток славословий Шувалова в адрес Андрея Трубецкого, потому что в моей душе зарождается острое желание прирезать примерного мальчика острым же кинжалом.

Великий Князь замолкает и сразу сдувается, будто проткнутый воздушный шарик. Его отеческий пыл угасает, а душу захлестывает чувство вины, вызванное моей короткой репликой.

Он плюхается в свое любимое кресло за необъятным письменным столом и предлагает сесть мне. Наполняет ароматным кофе две чашечки и одну протягивает мне. Затем достает сигару и начинает ритуал ее раскуривания. Присоединиться к нему он ни разу не предлагал, потому что осознает пагубность влияния табачного дыма на здоровье молодого поколения. А мне еще наследников Рода предстоит зачинать! В мечтах Великого Князя я должен заниматься этим не покладая рук. Пардон муа, не рук, конечно, а совершенно иного органа.

— Со вчерашнего дня Ольга Юрьевна Трубецкая — наследница Рода Синих, — тихо говорит Князь и выпускает в потолок густую струю табачного

дыма. — И это ее выбор!

— А помолвка с этим ублюдком Апраксиным — тоже ее выбор?! — горячусь я, переходя в наступление.

— Тоже! — Шувалов кивает. — Как ни горько это признавать!

— Она просто поддалась шантажу!

— Ты тоже ему поддался, сделав в выбор в пользу нашего Рода!

Я бью кулаками по приставному столу, выплескиваю горячий кофе на брюки и вскакиваю с кресла. Оно падает, Шувалов невидимой тенью перемещается мне за спину и ловит его за спинку в нескольких сантиметрах от пола.

Я оборачиваюсь. Мое лицо горит от прилившей крови, глаза светятся двумя сапфирами, а душу переполняет гнев. Мне хочется убить Великого Князя здесь и сейчас, наплевав на последствия.

Старик делает шаг вперед и заключает меня в медвежьи объятия. Как тогда, на набережной, после смерти Мины. Чертов манипулятор! Простейший же психологический прием, я сам применял его в Приюте, но ведусь на него, как неопытный мальчишка.

Я не вырываюсь, не отталкиваю Князя и не выбегаю из его кабинета, чтобы покинуть Род

Фиолетовых навсегда. Я мысленно прощаюсь с Ольгой, вспоминая бессмертные строки: «Я уж другому отдана и буду век ему верна».

Игорь Всеволодович отстраняется от меня, глядя в глаза и продолжая крепко сжимать мои плечи.

— Свободы выбора не существует, — печально произносит он. — И чем больше у тебя возможностей и ресурсов, тем меньше свободы. Поверь мне: самый несвободный человек в России — Император, но ты поймешь и прочувствуешь это, лишь оказавшись на его месте!

Великий Князь кладет свою огромную лапищу мне на плечо и ведет к выходу из кабинета.

— Давай займемся твоим Даром, — говорит он. — И с горячим кофе будь поаккуратнее — я все еще надеюсь понянчить вн… — Князь осекается и продолжает после небольшой паузы. — Внеплановых продолжателей нашего Великого Рода!

Я спотыкаюсь от неожиданности. История моей жизни стремительно превращается из боевика в классическую мелодраму. Шувалов чуть было не сказал: «понянчить внуков». Это простая оговорка, или он все же мой отец?! Нет, не может такого быть! Не верю!

В спортивный зал я бреду, словно во сне. Шу-

валов в несвойственной ему манере трещит без умолку, оживленно жестикулируя и неся какую-то чушь. Кажется, что он пытается нивелировать свою оговорку с помощью словесного мусора, заливая его мне на подкорку.

Я раздеваюсь, захожу в душевую кабину, включаю максимальный напор и каждой клеточкой кожи ощущаю сладкую боль, причиняемую острыми как иглы струями. Мне хочется стоять под ними вечно. Стоять, выбросив проблемы из головы и дожидаясь, когда они сточат мою плоть до костей. До состояния, когда я буду неспособен мыслить.

Я нехотя выключаю воду, обсыхаю под потоками горячего воздуха и натягиваю на себя костюм. Путь к Боевому тактическому модулю похож на короткую прогулку к эшафоту. Модуль активирован лично Князем и окружен мерцающей фиолетовой сферой. Мне предстоит первая тренировка с сильнейшим магом Империи, и я мандражирую. По протоколу Службы Безопасности ее должны лицезреть как минимум четверо серых охранников в активированной броне, но Шувалов отослал всех прочь.

На нас специальные костюмы. Естественно, фиолетовые. Тонкая ткань плотно облегает мощ-

ную фигуру Великого Князя, подчеркивая рельеф мышц. Его физическая форма близка к идеалу. Правильная осанка и бугрящиеся мышцы молодят старика на несколько десятков лет и делают похожим на героя комикса «Супер-аристо». Я впервые рассматриваю версию, что он может быть моим отцом. Если это так, то необъяснимая симпатия Князя к моей скромной персоне обретает твердую основу.

— Для того чтобы эффективно управлять Даром, ты должен четко осознавать его природу, — произносит старик с интонациями школьного учителя. — Все теории яйцеголовых для бездарей, отсылающие к потокам фотонов, длине световой волны и прочим законам оптики, априори ложны. Да, творя осязаемые предметы, ты используешь энергию света, но лишь используешь! Ты ваяешь не из света, ты создаешь силовые поля, от которых он отражается! А в зависимости от частоты используемых фотонов, мы видим созданный тобой конструкт в определенном цвете! Цвета как такового вообще не существует — он лишь интерпретация видимой световой волны нашим мозгом!

— А как мы творим предметы в кромешной тьме?

— Для этого на твоей шее висит Осколок! Это аккумулятор энергии и ретранслятор, позволяющий черпать ее из Кристалла. Чем ближе ты к Кристаллу, тем большим объемом Силы можешь располагать!

— Значит, общедоступная теория неверна по своей сути?

— Это — простая обманка для обывателя! — кивает Шувалов. — И ей потчуют даже потомственных аристо до тех пор, пока они не обретут Дар и не научатся применять его самостоятельно!

— Почему я мог управлять серой энергией, но не способен контролировать фиолетовую?

— Она не серая, мой юный Князь, она Светлая!

— Светлая?! — удивляюсь я и отступаю на шаг назад. — Это и есть Светлая Сила?!

— Всего лишь тень ее истинной мощи! — с улыбкой подтверждает Шувалов.

— Но…

Я замолкаю, лихорадочно обдумывая полученную информацию. Мир в очередной раз раскалывается, и я рискую погибнуть, рухнув на его острые грани.

— А Темные? — тихо спрашиваю я. — Откуда черпают Силу они?

— Они создают поля, которые вообще не отра-

жают свет, только и всего! — Шувалов улыбается. — А пользуются при этом всем спектром, как и Светлые!

«Две стороны одной медали!» — мысленно кричу себе я и отталкиваю эту мысль от себя, чтобы позже обязательно к ней вернуться.

— А как же целительство, создание артефактов и чтение мыслей?

— Более тонкая работа с волновыми полями — только и всего! — Шувалов улыбается и разводит увитые мышцами руки в стороны. — При желании ты сможешь ей обучиться, но сначала должен обрести контроль над Даром.

Великий Князь закрывает глаза и сводит ладони перед собой. В небольшом промежутке между ними загорается фиолетовая искра. Она увеличивается в размерах, и яркость ее свечения растет. Шар наливается слепящим пламенем, и старик опускает руки.

Он открывает глаза, и шар разворачивается в полупрозрачную плоскость, рассекающую боевой модуль на две части. Затем она обволакивает меня, лишая возможности дышать и двигаться, и осыпается на пол сотнями фиолетовых искр.

— В древности рожденные бездарями одаренные часто промышляли фокусами, я показал тебе

один из них, — сообщает Князь. — Теперь пробуй ты. Закрой глаза, успокойся и отбрось любые волнения и сомнения.

Я повинуюсь, расслабляя мышцы и отгоняя суетные мысли.

— Вообрази мир вокруг себя темным ничто, пронизанным потоками Силы, — продолжает наставлять Князь. — Вообрази и попытайся увидеть перед собой фиолетовый сгусток — меня! Если получится — кивни, если нет — покачай головой.

Я выполняю указание и вхожу в медитативное состояние. Замедляю сердцебиение и погружаюсь в сумрак, пытаясь объять его панорамным взглядом. Пытаюсь разглядеть пронизывающие его фиолетовые потоки, как разглядывал серые на пороге Храма Разделенного. Пытаюсь снова и снова, погружаясь в нирвану всю глубже, но ничего не выходит. Я не вижу ни фиолетового сгустка перед собой, ни энергии, наполняющей пространство. Открываю глаза, выныривая из необъятных глубин, и молча качаю головой.

Великий Князь явно разочарован, но пытается это скрыть. Он с воодушевлением выдает новые инструкции, пересказывая то же самое иными словами, и ждет от меня действий. Я внимаю словам учителя и снова пытаюсь добиться ре-

зультата. Пытаюсь погрузить себя в состояние, которое испытывал, стоя перед Темным Кристаллом, но ничего не получатся.

Я слеп как крот. Медленно качаю головой и вижу, что Шувалов раздосадован.

— Ладно, давай пойдем другим путем, — задумчиво произносит он. — Я поделюсь с тобой Силой. Направлю ее в твой Осколок, а ты попытайся это почувствовать!

Радужки старика вспыхивают, но я не ощущаю ничего, кроме легкого жжения в груди — мой Осколок нагрелся и наверняка ярко светится под светонепроницаемой тканью костюма.

— Ничего не чувствую, — признаюсь я и пожимаю плечами. — Могу лишь зажечь яркий огонь в глазах…

— А так?! — спрашивает Шувалов, и в мою грудь врезается таран.

Я вылетаю из дуэльного круга, врезаюсь спиной в стекло и медленно сползаю на пол. Тщетно пытаюсь вдохнуть, в глазах темнеет и мир начинает меркнуть. Вот только благодатный фиолетовый огонь на меня не снисходит.

Игорь Всеволодович приседает передо мной на корточки и смотрит в сузившиеся зрачки.

— Спонтанная реакция на атаку отсутствует,

— недоуменно произносит он и вливает в меня Силу.

Тьма отступает, боль в груди проходит, а живительный кислород начинает поступать в легкие.

— Все это очень странно, — вполголоса бормочет он. — Ты — одаренный, в этом нет никаких сомнений! Более того, твой потенциал воистину грандиозен, но ты не можешь сотворить даже искру! Быть может, всему виной твоя Инициация?!

— Не знаю! — я развожу руками и придаю туловищу вертикальное положение. — Вы же видели, что я сотворил перед Храмом до нее?!

— В Храме что-то пошло не так, — Шувалов продолжает озвучивать собственные мысли, не обращая внимания на мои реплики. — Но изменить сделанного нам не дано! Если ты попытаешься пройти Инициацию еще раз, то погибнешь! А этого я не допущу!

Еще бы, ведь я живой сосуд драгоценного семени, от которого могут родиться десятки одаренных младенчиков с фиолетовыми радужками. По-настоящему одаренных, а не таких, как я. Меня нужно привязать к кровати и выкачивать животворную жидкость по несколько раз на дню, прибегая к помощи полногубых и полногрудых красавиц…

— Мы можем пытаться пробудить твой Дар до бесконечности, но это вряд ли принесет результат, — говорит Шувалов сам себе, глядя на меня сверху. — Я вижу лишь один действенный способ — научить тебя плавать путем бросания в воду…

Я успеваю лишь открыть рот, чтобы ответить, и слова застревают в горле: Великий Князь погружает меня в стазис. Он играючи берет меня на руки, поднимает с пола, словно тряпичную куклу, и отключает тренировочный режим модуля. Затем вышибает ударом Силы стеклянную перегородку и выходит наружу.

Князь размашисто шагает по мягкому покрытию спортивного комплекса, и моя голова болтается в такт его стремительным движениям. Сказать, что старик раздосадован, значит не сказать ничего. Он в гневе. И гнев этот может пролиться на мою бедовую голову сжигающим все фиолетовым пламенем.

Ожидающие за дверью охранники пятятся от страха и опускают взгляды. Им кажется, что Великий Князь несет на руках мое мертвое тело. От них отчетливо несет страхом за собственную жизнь, я чувствую это безошибочно, но сам не боюсь. Я лишь раздосадован и заинтригован.

Что удумал старик? Он сбросит меня со шпиля

высотки, чтобы, падая, я создал парашют или летающее крыло? Отдаст приказ стрелять в меня боевыми патронами, чтобы я сотворил фиолетовый щит, закрывающий от свинцовых пуль? Как он собирается заставить меня совершить Акт Творения?

Старик безостановочно бьет Силой по стенам и потолку, и объективы всех камер на нашем пути взрывается каскадами стеклянных брызг.

— Не хочу, чтобы тебя видели в таком состоянии, — сообщает он уже в лифте.

Я хочу нарушить табу и послать старика по матери русским трехэтажным и многоярусным, но продолжаю висеть на его огромных руках недвижимым манекеном. Кабина лифта несет нас ввысь, и я закрываю глаза.

Представляю себе, как Великий Князь сбрасывает меня с края крыши и внутренне усмехаюсь. Умереть в полете — не самая мерзкая смерть, бывает много хуже. Хотя бы в последние мгновения своей жизни я почувствую себя свободным. Буду падать, цепляясь взглядом за голубое до одури московское небо, и улыбаться одними глазами.

Лифт останавливается на верхней площадке. Старик выходит в холл, и краем глаза я вижу винтовую лестницу, ведущую к Родовому Кристаллу.

Он поднимается по ступеням, и пространство передо мной раскачивается, словно в семибалльный шторм. Круглый люк над головой открывается, и меня обволакивает густой фиолетовый свет.

— Мы пришли, Саша! — сообщает Великий Князь и аккуратно усаживает меня на пол. — Концентрация Силы здесь просто чудовищна, ты можешь черпать ее без ограничений. Твоя задача — освободиться от уз.

«Уз?! Каких еще уз?!» — хочу спросить я и чувствую появившиеся на руках и ногах оковы.

— Браслеты созданы с помощью Силы, и ты легко сможешь открыть их, воспользовавшись Даром! — инструктирует меня Шувалов. — Достаточно приложить небольшое усилие — и ты свободен!

Стазис проходит уже после того, как старик покидает помещение, и круглая плита у моих ног закрывает люк. Теперь я могу высказать все, что накипело в душе, но высказать лишь самому себе. Я разглядываю темно-фиолетовые браслеты на руках и ногах, а затем поднимаю взгляд к Кристаллу. Бездна в его недрах манит меня к себе.

Глава 8
Месть — смертельно опасное блюдо

Щенок плавать научился. Не прошло и трех дней. Таинственная и жеманная Сила покорилась мне, как площадная девка. Не с первого, правда, раза. Поначалу мои жалкие потуги овладеть энергией Фиолетового Кристалла вызывали скепсис даже у меня самого.

Я перепробовал все возможные способы слияния с Кристаллом, даже те, вспоминая которые буду краснеть до кончиков волос. Все было тщетно. А затем, потеряв счет времени и обессилев от голода и жажды, я лежал на холодном металле и смотрел в бездонную фиолетовую глубину над головой. Смотрел и воображал ночное августовское небо. Представлял себе, как взмываю в недостижимую высоту, распахиваю огромные крылья и лечу под яркими звездами, обретя, наконец, долгожданную свободу.

Я понял, что воображение завело меня очень далеко, когда почувствовал под лопатками посторонние предметы. Это были крылья. Фиолетовые,

как и свет, излучаемый Кристаллом. В испуге я вскочил на ноги, попытался их сбросить, и огромные перепончатые полотнища растаяли в воздухе.

Потрясенный, я стоял в фиолетовом сиянии и разглядывал наручники, стягивающие мои запястья. Если у меня получилось воплотить что-то в реальности, то и развоплотить тоже должно получиться?!

К успеху я шел долго. Часы, сутки или недели — сознание отказывалось фиксировать ход времени. Я настойчиво учился управлять силовыми полями, используя щедро разлитую в пространстве Силу.

Поначалу созданные мной фиолетовые конструкты были уродливы и недолговечны: они таяли в воздухе уже через мгновение после появления. Но я был упорен и создавал их вновь и вновь. Сначала простые геометрические формы — линии, плоскости и сферы, затем более сложные, и наконец, первые мечи и кинжалы. Мои творения приобретали все более сложную форму и не таяли в воздухе.

А браслеты не поддавались.

Мучаясь от жажды, я рисовал в воображении огромные сосуды с чистой родниковой водой и

вновь, и вновь пытался уничтожить оковы, созданные Великим Князем. После сотой, тысячной или десятитысячной попытки, браслеты, наконец, сдались. Рассеяв свернутые в форму оков силовые поля на руках и ногах, я сел на железную плиту, отделяющую меня от внешнего мира, и попытался успокоиться.

Несмотря на чудовищную усталость, меня переполнял гнев. Гнев и чудовищная Сила, щедро транслируемая Кристаллом в Осколок на моей груди. Я снова ощущал невообразимую мощь, не только чувствовал ее, но контролировал и мог осознано ею управлять.

Гнев не утихал, несмотря на попытки успокоиться и воспринять ситуацию разумно. Великий Князь снова окунул меня в дерьмо по самую макушку, но результата добился. А я таю в сердце обиду и, закусив губу, рисую в воображении картины мести, как маленький несмышленый мальчишка.

Месть! Это слово сладко звучит даже в мыслях. Наверное, во мне говорит мое темное начало — в душе снова просыпается неукротимая жажда разрушения. Мной овладевают те же ощущения, что и на ступенях Храма Разделенного. Несколькими этажами ниже горит яркий фиолетовый

сгусток — я вижу его сквозь стены и перекрытия. Великий Князь сидит в своем кабинете.

Мощным ударом Силы я выбиваю железную плиту под ногами из пазов, прыгаю на нее и опускаюсь под скрежет сминаемых ступеней лестницы. Стены окрашиваются в фиолетовый цвет, выгибаются наружу, и сирены сигнализации взрываются истошным воем. Я крушу все кроме камер — пусть они запишут последние минуты моей непутевой жизни!

Система безопасности останавливает движение скоростных лифтов, но они мне не нужны: я окутываю тело мерцающим фиолетовым Покровом, выламываю железные створки из проема и отбрасываю их за спину.

Прыгаю в шахту лифта, хватаю трос и скольжу вниз с головокружительной скоростью. Достигнув нужного этажа, срываю очередные лифтовые двери с креплений и прыгаю в холл. На меня испуганно таращатся шестеро гвардейцев в боевой броне. Они даже шлемы не надели, вояки плюшевые!

Ускорившись, вырубаю парней точными ударами в грудь. Они даже пистолеты достать не успевают. Бесчувственные тела оседают на мраморный пол, а я иду дальше.

В коридоре мне навстречу бежит еще десяток бойцов Императорской гвардии — что они все здесь делают? Перегораживаю коридор и методично выбиваю их одного за другим. У двух последних вырываю из рук автоматические пистолеты и разряжаю их в потолок.

Конибродский с округлившимися от страха глазами выскакивает из Приемной и выставляет перед собой руки, будто может защититься от моих атак.

— Остановитесь, Князь! — истошно вопит он. — Там Им…

Я отбрасываю его в сторону и врываюсь внутрь. Между мной и дверью в кабинет Шувалова стоит Бестужев-старший. Его Зеленый Покров ярко мерцает, а глаза светятся двумя изумрудами. В них нет страха — князь готов к бою. Что ж, умирать — так с музыкой!

Мечу два магошара из-за спины и смещаюсь вправо. Затем — еще два и ухожу влево. Пуляю следующую двойку, отступаю и делаю шаг влево. Отправляю в полет новую пару, пригибаюсь и перекатываюсь вправо, за секретарский стол.

Удар длинной зеленой булавы превращает его в груду щепок, и я едва успеваю уклониться от обрушившегося на меня наконечника. Сжимаю

его в ладонях словно в тисках и дергаю на себя. Бестужев подается вперед, а затем конструкт тает в воздухе, и, влекомый инерцией, я падаю на спину.

Князь атакует меня зелеными плетьми в руку толщиной. Они со свистом режут воздух, и я попеременно перекатываюсь вправо и влево, уходя от смертоносных ударов. У меня нет опыта сражений с применением Силы, и я не уверен, что мой Покров защитит от подобных атак.

В коридоре слышится топот множества ног — видимо, прибыло подкрепление. Я запечатываю дверь непроницаемым щитом, бросаю в Бестужева горсть вращающихся фиолетовых лезвий и бросаюсь вперед вслед за ними. У меня за спиной вспыхивает яркий зеленый огонь, я падаю на пол плашмя и вжимаюсь в дымящийся османский ковер. Над головой проносятся осколки, и запоздало приходит понимание, что я действую неправильно!

Мое тело защищает Покров, его энергия защитит меня даже от автоматных пуль, но я по привычке бьюсь так, будто моя плоть остается уязвимой для острой древесной щепы. Медленно поднимаюсь во весь рост и иду на ошалевшего Бестужева. Он явно не знал, что я овладел Силой.

— Я был прав, красавчик! — медленно произносит он и выставляет перед собой руки, предлагая поговорить. — Ты — агент Темных?!

Я криво улыбаюсь. Все это похоже на третьесортный сериал, в котором антагонист и протагонист сотрясают воздух, вместо того, чтобы решить давний спор в старой доброй драке.

— Может быть, я и сам — Темный?! — вопрошаю я, зажигая фиолетовые радужки на полную. — И читаю твои гнусные мыслишки?!

В зеленых глазах мелькает сомнение и испуг. Они мимолетны и едва заметны, но сигнализируют, что Бестужеву есть, что скрывать. Князь делает шаг назад и отрицательно мотает головой.

— Блеф! — говорит он и улыбается. — Для настоящего Темного в твоих глазах слишком много цвета!

Князь атакует серией прямых ударов в лицо. Я блокирую их и чувствую острую боль в пальцах. Приседаю и провожу подсечку. Князь делает кувырок назад. Он двигается слишком быстро для его возраста, или я — слишком медленно для своего.

Я наступаю и бью ногой по голени. Бестужев его не блокирует. Удар неблагородный, но действен-

ный. Действенный, если соперник не защищен Покровом. Князь лишь недовольно морщится, и выражение его окрашенного зеленым мерцанием лица кажется зловещим.

Наношу удар другой ногой и встречаю блок. Князь переходит в контратаку и наносит серию прямых ударов в голову. Похоже, это его конек в рукопашной. Блокирую и уклоняюсь, пропуская боковой в корпус. Слишком быстро, я не успеваю вовремя реагировать.

Дыхание сбивается, я делаю шаг назад и получаю удар ногой с разворота. Левое плечо взрывается болью, и я понимаю что, не будь Покрова, Бестужев проломил бы мне грудную клетку вместе с костью руки.

Он сокращает дистанцию и бьет левой. С трудом успеваю отбить, но открываюсь и мне прилетает прямой в челюсть. Теряю равновесие и с размаха бью правой. Бестужев ожидал, что свалил меня нокдауном и потому пропускает удар в голову. Покачнувшись, он делает шаг назад и крутит головой.

Стряхнув оцепенение, князь атакует стремительно. Прыгает вперед и бьет правым кулаком в грудь. Левым целится в горло, но я уворачиваюсь и пробиваю ему правой в челюсть. Пробиваю сбо-

ку с разворота, и зеленое мерцание на его щеке становится ослепительно-белым.

Бестужев и глазом не ведет. Даже не имитирует потерю ориентации. Мне прилетает ответный удар в челюсть. Тоже с разворота. Правой. Но это — отвлекающий маневр, основной удар он наносит левой в печень.

Уклоняюсь от первого удара и блокирую второй. На ослепительные вспышки я уже не обращаю внимания. Следует серия любимых князем прямых в лицо. Закрываюсь кулаками и блокирую их, уходя в глухую оборону.

Когда скорость и частота ударов падает, перехожу в контратаку. Бью правым коленом в печень — князь блокирует, наношу удар другой ногой — снова блок. Я все же добиваюсь своего: Бестужев на мгновение открывается.

Я молочу его по лицу, не обращая внимания на боль в запястьях. Бью прямыми в голову, возвращая долг. Один удар достигает цели, князь отшатывается и тут же резко наклоняется вперед. Выстреливает кулаками и достает меня правой в живот.

В желудок врезается тяжелый таран, а следующий летит в висок. Молниеносно пригибаюсь, уворачиваясь от смертельного выпада, и пере-

катываюсь назад. Успеваю подняться на одно колено, чтобы закрыться от очередного удара с разворота.

Блокирую его левой рукой, а правой бью князя под колено. Поворачиваюсь на своем колене и добиваю ногой его опорную ступню. Есть! Бестужев вскрикивает от боли и отступает: Покров все же не абсолютная защита.

Он пятится назад, а я, тяжело дыша, вскакиваю с пола. Таких соперников у меня еще не было. Кажется, что болит каждая клеточка, превращенного в фарш тела, кажется, что я не растекся кровавой лужей лишь благодаря Покрову, кажется, что нужно остановиться…

Тьма меня раздери, я бы не отказался от ежедневных тренировок с этим упоротым солдафоном!

Он снова бросается в атаку! Стремительно сокращает дистанцию и бьет в голову левой. А я ожидаю выпада правой или излюбленную им серию прямых. В последний момент отклоняюсь в сторону, и удар проходит вскользь. Второй почти достигает цели и чугунным молотом врезается в левое плечо.

Меня разворачивает вокруг своей оси, но я перехватываю левую руку Князя. Перехватываю

левой рукой, а правой бью в локоть. Раздаются тошнотворный хруст и сдавленный крик — Покров не может защитить от ударов одаренного, также облаченного в Покров. Выворачиваю пойманную руку и пробиваю ногой в бок.

Бестужев стонет на выдохе, сближается и правой бьет меня в живот, пытаясь высвободить руку. Я ослабляю захват и отступаю. Князь выхватывает руку, не давая возможности ее доломать, и идет в атаку, но скорость уже не та: теперь я без труда читаю его намерения и сбиваю движение ударом в правое предплечье.

Бестужев отступает и смотрит на меня обезумевшим взглядом: больше всего он хочет меня убить.

— Ты — покойник, щенок! — цедит он сквозь зубы, криво улыбаясь, и в его правой руке появляется зеленый меч.

— Только после вас, Князь! — отвечаю я и склоняю голову в поклоне.

Бестужев кричит от ярости и бросается в атаку. Он вращает клинок, и передо мной возникает сверкающий зеленый водоворот. У меня нет уверенности, что Покров меня защитит, и я создаю два коротких меча. Кручу ими перед собой и создаю непреодолимый для атак барьер.

Преимущество у меня: левая рука старика висит бесполезной плетью, и мне нужно лишь выждать момент, чтобы атаковать его с незащищенной стороны. Князь тоже понимает это и резко меняет тактику. Он увеличивает дистанцию и переходит к классическому бою на мечах. Делает быстрые выпады, молниеносно атакует и сразу отступает.

Я уклоняюсь от ударов узкого лезвия и медленно сокращаю дистанцию. Мечи в моих руках удлиняются, и наше оружие скрещивается все чаще, высекая ослепительно-белые искры. Глядя на результат, я понимаю, почему никто не может противостоять фиолетовым магам. Зеленые конструкты Бестужева не отражают моих ударов, а поддаются им, словно бронза — остро наточенной стали.

На клинке Князя появляются белые разрезы, и лезвия моих мечей погружаются в его зеленое мерцание все глубже и глубже. Магия одаренных может защитить от самого страшного оружия бездарей, но бессильна перед натиском такой же энергии более высокой частоты.

Бесполезные доспехи князя растворяются в воздухе, и между нами встает зеленая стена. Я рассекаю ее мечами, и передо мной возникает

следующая. И следующая. И следующая. Бестужев отступает и, наконец, упирается спиной в стену. Его лицо бледно, как лист бумаги, это заметно даже сквозь зеленое мерцание.

Я атакую. Просто прыгаю вперед, проламывая очередную светящуюся стену, и начинаю молотить князя кулаками. Это очень странное ощущение. Мой Покров сталкивается с его, боли я почти не чувствую, а места соприкосновения наших энергетических коконов вспыхивают слепящим белым светом.

Я останавливаюсь лишь тогда, когда Бестужев тяжело оседает на пол, и Покров, окутывающий его тело, гаснет. Князь закрывает глаза и теряет сознание. Сейчас я могу убить его одним ударом, но не делаю этого. Не потому, что боюсь, а потому, что на самом деле Командир Императорской Гвардии мне не враг. Он просто цепной пес, заблудившийся в придуманных им же подозрениях.

Я выбиваю ногой дверь и врываюсь в кабинет Шувалова. Старик расположился в кресле, напротив него спиной ко мне сидит гость в темно-зеленом костюме, и оба они заключены фиолетовую, блокирующую звуки и энергетические потоки. Великий Князь еще не в курсе моего очередного художества!

Я бью Силой за мгновение до того, как Шувалов поднимает взгляд на меня. Он мгновенно выпрыгивает из-за стола, пролетает над головой посетителя, приземляется между нами и закрывает его собой.

Защитная сфера гаснет, гостя окутывает темно-зеленый Покров, а я продолжаю наносить удар за ударом, выплескивая гнев. Я прекрасно понимаю, что они не могут причинить вред Великому Князю, но не могу устоять перед искушением отомстить, пусть даже и по-детски.

Фиолетовые волны крушат все вокруг, раздается оглушающий грохот и треск бронированного стекла, но старик не обращает на это внимания. Окутанный Покровом насыщенного фиолетового цвета, он идет мне навстречу, вздрагивая от каждого моего удара, и широко улыбается.

Я выдыхаюсь и опускаю руки. Осколок на груди пылает, словно кусок раскаленного металла, а мой костюм превратился в лохмотья. Великий Князь подходит ближе, обнимает меня за плечи, поднимает над полом и кружит в воздухе, как в Храме после Инициации. Из фиолетовых глаз катятся слезы счастья, и мой гнев улетучивается без следа.

Наконец, он прекращает сумасшедшее круже-

ние и ставит меня на пол. Я смотрю на улыбающееся лицо наблюдающего за нами посетителя, а затем поднимаю глаза на портрет на стене.

Император? Здесь? Тьма меня забери!

Остатки моего боевого пыла рассеиваются, словно туман, вместе с защищающим меня Покровом.

— На ловца и зверь бежит! — невозмутимо заявляет Самодержец Всея Руси и подмигивает, будто устроенный мной погром — нечто само собой разумеющееся.

— Простите, Ваше Величество, — только и могу промямлить я, и кланяюсь. — Мы с Великим Князем не закончили боевую тренировку…

— Хорошую смену вы себе вырастили, Игорь Всеволодович! — говорит Николай Романов, поднимаясь с кресла и оглядывая разнесенный вдребезги кабинет.

Я чувствую опасность инстинктивно, видимо, это часть дремлющего во мне Дара Темных. Стремительно оборачиваюсь и вижу в дверях едва стоящего на ногах Князя Бестужева. Вижу его прищуренные светящиеся глаза, направленные на меня руки и зеленый магошар в его ладонях.

Сгусток огня разрастается и выстреливает в меня. Я ставлю щит, но опаздываю. Опаздываю

катастрофически. Щит наливается свечением и Силой, но не успевает обрести мощь. Темно-зеленый снаряд пробивает его, врезается мне в грудь, и я сгораю в ярко-зеленом сиянии.

Глава 9
Баловень судьбы

Я открываю глаза и вижу свое отражение в потолочном зеркале. На стуле рядом с моей кроватью сидит длинноволосая девушка в оливковом кринолине. Я знаю, кто она, даже не глядя в ее изумрудно-зеленые глаза. Знаю и сгибаю ноги в коленях, потому что у меня стоит так, что дай щелбан по головке, и раздастся оглушающий звон.

— Очнулся, наконец! — радостно восклицает Наталья Романова и проводит ладонью по моей щеке.

— Меня спасла ты? — я поворачиваю голову и смущенно улыбаюсь.

— Уже второй раз! — Наталья лукаво улыбается в ответ. — Это становится традицией! Боевой костюм идет тебе больше, чем роба послушника Храма Разделенного!

По спине пробегает холодок. Она узнала во мне ряженого послушника. Пытаться разубеждать девчонку и доказывать, что я — не я, и роба — не моя, нет смысла. Она все равно не поверит.

— Ты меня узнала по лицу, надеюсь?! — с иронией спрашиваю я.

— По нему самому! — говорит Наталья, приподнимая простынь и глядя мне между ног. — Тебя сложно с кем-то перепутать!

— А список для сравнения велик? — мягко отвожу девичью руку в сторону и снова укрываюсь. — Я чувствую себя неуверенно! Рискую заработать непреодолимый комплекс!

— Тебе не о чем волноваться! — она игриво щелкает меня по носу. — Ты вне конкуренции!

— А ты снова влила в меня слишком много Силы…

— У тебя на груди места живого не было…

— Как тебя оставили наедине с террористом, посмевшим напасть на Главу собственного Великого Рода и Императора всея Руси в придачу?

— С будущим мужем, ты хотел сказать?! — Романова невинно улыбается и мягко проводит по моим волосам. — После увиденного Папа доверяет тебе! В том числе самое ценное, что у него есть — меня!

С мужем, значит. Шувалов, как всегда, оказался прав. Глядя в глубокое декольте Натальи, честно признаюсь себе, что меня такая перспектива даже радует. И я готов исполнить супружеский

долг прямо сейчас, причем не один раз.

— Если тебе необходимо мое согласие, считай что…

— Наши с тобой чувства и мнения никого не интересуют, — перебивает меня Наталья. — Долг перед Родом и Империей превыше всего!

— Значит, наша помолвка — не твоя инициатива? — спрашиваю я и чувствую реакцию наследницы Престола.

Инициатива, безусловно, ее. Темный Дар во мне работает как часы, обмануть меня теперь невозможно. Нюанс в том, что инициатива идеально соответствует планам сильных мира сего.

— Любимые папа и мама сделали мне предложение, от которого я не смогла отказаться, потому что альтернатива была слишком… — Наталья на мгновение замолкает. — Была неприемлемой!

— И что же это за альтернатива?

— Твоя смерть! — отвечает Наталья и улыбка сползает с ее идеального личика. — Во время твоей безумной атаки на Храм пришлось сказать, что в Царском Селе мы переспали, и у меня задержка…

Тьма меня забери! Мне хочется снова стать маленьким мальчиком, неспособным к зачатию детей!

— Еще я сказала, что мы любим друг друга, и ты хочешь на мне жениться…

— Но мы же не спали друг с другом, и у тебя нет задержки?! — с надеждой спрашиваю я, припоминая провалы в памяти после разгульной ночи, и чувствую, что мое предположение верно.

Романова густо краснеет, отворачивается к окну и убирает руку с моей обнаженной груди.

— Стеснительность тебе не идет, — говорю я и настойчиво заключаю маленькую ладошку в свою. — Помнится, в Царском Селе во время танцев ты ощупала каждый сантиметр моего тела, а ягодицы мои сжимала как…

— Лучше подумай о чем-нибудь другом! — прерывает меня Наталья, косясь на мои согнутые колени. — Ты тоже в долгу не остался!

— Я был пьян как сапожник! — оправдываюсь я и закатываю глаза к изголовью кровати.

— Как и я…

— Теперь нам предстоит ударно поработать, чтобы подтвердить твою версию о беременности! — с наигранным весельем говорю я и подмигиваю.

— Предлагаешь начать прямо сейчас?! — игриво интересуется она.

— Ты мои мысли читаешь! — восклицаю я,

принимая игру.

Наталья задумчиво смотрит на меня, поглаживая мои пальцы, и продолжает держать дистанцию.

— Сегодня ты остался жив чудом! — сообщает она нахмурившись. — Если бы отец вовремя не выставил щит…

— Ты бы смахнула пару слезинок на моих похоронах и упорхнула в Кремль! — я пожимаю плечами. — Такова жизнь!

— Не всем же страдать по тебе, как… — желчно отвечает Наталья и замолкает недоговорив.

Она имеет в виду Трубецкую! Значит, Ольга страдает, а Романова ревнует меня к подруге. Ох уж этот серпентарий московских аристократок!

— Мне пора, — заявляет Наталья и встает со стула. — За очередное спасение традиционно можешь не благодарить! Что-то подсказывает мне, что оно далеко не последнее.

— Я так не хочу! — неожиданно для себя самого заявляю я и вскакиваю с кровати. — Не хочу отношений от безысходности! Хочу романтики, долгих разговоров, поцелуев и прогулок под луной!

— Я заметила! — насмешливо говорит Наталья, глядя чуть пониже моего живота.

— Я приглашаю тебя на свидание!

— Ты еще сам не знаешь, когда и куда, но я согласна! — отвечает она, быстро целует меня в губы и, еще раз мазнув взглядом мои обнаженные чресла, уходит.

Как же нелепо все складывается! Мне хорошо с Натальей. Хорошо и комфортно. И девчонка меня возбуждает, да. Но она мне скорее подруга, нежели возлюбленная.

Психологи говорят, что браки по расчету — самые крепкие, но я не желаю состоять в подобных отношениях!

Не проходит и минуты, как в дверь стучат.

— Входите! — недовольно ворчу я, садясь на кровать и оборачивая бедра простыней.

На пороге появляется Конибродский.

— Игорь Всеволодович просил вас зайти! — торопливо сообщает он. — Как только придете в себя!

— Передай ему, что буду через пять минут!

Конибродский кивает, делает шаг назад и закрывает дверь.

— Нет, через пятнадцать! — ору я вслед.

Я читал где-то, что по статистике акт мастурбации у юношей в среднем занимает девять минут. Сбрасываю простынь и иду в душ, вспоминая

полуобнаженную Романову, сидящую у меня на коленях. Нужно было переспать с ней тогда, в Царском Селе. Сейчас все было бы натуральнее и естественнее, а не напоминало бы комедию положений.

Острые горячие струи обжигают кожу, смывая пот, следы копоти от сожженного на мне костюма и запах Романовой. Выливаю на себя шампунь, полбанки геля для душа и включаю режим гидромассажа. Погружаюсь в нирвану наслаждения и на девять минут выбрасываю все тягостные мысли из головы.

В кабинет Великого Князя я захожу в банном халате и с мокрыми волосами. Хочу позлить старика, как непутевый подросток, коим я иногда и становлюсь. Он критически оглядывает мое одеяние, останавливает взгляд на мокрых тапочках и молча указывает взглядом на небольшой кофейный столик у окна — место для неформальных бесед.

Провожаю взглядом направляющийся в Кремль Имперский вертолет с моей суженой на борту и сажусь в неудобное кресло. Наливаю в серебряную чашку ароматный кофе и вопросительно гляжу на Шувалова, остановившегося посреди кабинета с сигарой в руке.

— Наглеем?! — с насмешкой спрашивает он. — Будущему зятю Императора зазорно налить кофе Главе собственного Рода?!

Я недовольно морщусь и наливаю вторую порцию. Недоволен я собой, потому что старик уделал меня одной простецкой фразой! Уделал как щенка! Я теряю тонус — мне не хватает остроумного собеседника! Сразу после этого разговора поеду к Трубецкому!

— Вы все спланировали заранее, да? — лениво интересуюсь я. — Вы знали о визите Императора, прикинули время, за которое я обрету Силу и просчитали мою реакцию?

Последние слова я выкрикиваю во весь голос, но Великий Князь и ухом не ведет. Он лишь улыбается, садится напротив и с наслаждением затягивается неизменной сигарой.

— И ты оправдал мои ожидания! — с усмешкой говорит он.

Я вскакиваю из-за только что доставленного в кабинет стола и с трудом сдерживаюсь, чтобы не садануть в Шувалова всей мощью доступной мне Силы.

— Успокойся! — строго говорит он.

Ироничная усмешка сползает с губ старика, и на смену ей приходит гримаса, выражающая

торжества и величие одновременно.

— Учись, пока я жив! — произносит он, направляя на меня дымящуюся сигару. — И в следующий раз сначала Покров создавай, а не Щит. Если бы не Император, твои поджаренные яйца болтались бы на шпиле нашей высотки!

— Меня, действительно, спас Император?!

— А что еще ему оставалось делать? — старик лукаво улыбается. — Я же не успел!

Я откидываюсь на спинку кресла и, пораженный, смотрю в смешливые фиолетовые глаза напротив. Манипулятор хренов! Гроссмейстер магических наук! Неужели у старого лиса просчитаны все ходы на много шагов вперед?!

— А что с Бестужевым?

— Да что с ним станется?! — старик пожимает плечами. — Императорские целители не зря свой хлеб едят — завтра будет как новенький!

Шувалов берет в свою огромную лапищу миниатюрную серебряную чашечку и опустошает ее одним глотком.

— Почему Бестужев хотел тебя убить? — спрашивает он, глядя на меня сквозь прищур фиолетовых глаз.

— Императора защищал?! — я высказываю самое очевидное предположение. — Наверное,

лучше спросить об этом самого Бестужева?!

— Поинтересуюсь — дело нехитрое! — недовольно соглашается Князь. — Но ты не понял сути моего вопроса! Почему — убить?! Он мог обездвижить тебя, обезвредить, сбить с ног, наконец, но почему-то пошел в смертельную атаку, когда Императору уже ничего не угрожало?!

Я смотрю Великому Князю прямо в глаза и с удивлением отмечаю, что мой Темный Дар не действует. Эмоции Шувалова не читаются, и истинный мотив его интереса мне недоступен. Вполне возможно, что он уже знает ответ на свой же вопрос, и основная цель — проверить меня.

— Он изначально был настроен против меня, я же бастард, как и его сын! Бастард, ставший одаренным! А его кровиночка тянет лямку служаки, да еще и по протекции друга детства…

— Можешь не продолжать! — прерывает меня Князь. — Твоя мысль понятна, хотя и неверна. Точнее, верна лишь отчасти. Сам собой напрашивается следующий вопрос. Почему Бестужева не убил ты?

— Если я признаюсь, что не хочу убивать никого, это будет засчитано за ответ?

— Нет, ты защищался, находясь в собственном родовом гнезде! Ты был в своем праве, и мог его

убить!

Шувалов искренне негодует, но я не понимаю причину его возмущения. Возможно, старик все просчитал и хотел свести счеты с князем моими руками, а я не оправдал доверия, и все пошло не по плану?!

— Рискну предположить, что вы с Иваном Константиновичем — давние враги, и вам досадно оттого, что я упустил легальный шанс с ним разделаться?!

— В твоей версии верно лишь то, что нас связывает старая вражда, — недовольно соглашается старик. — Но ты опять не слышишь главного в моем вопросе! Почему ты не убил человека, поднявшего на тебя руку в твоем доме?! Ты забыл Дворянский Кодекс?! Если ты явишься в дом Андрея Трубецкого, нападешь на его охрану и попытаешься его убить, он, по-твоему, обнимет тебя и будет клясться в вечной дружбе?!

Старик перешел на крик, и его глаза сверкают от гнева. Он даже предположить не может, насколько близок к истине. Или знает о моей драке в высотке Синих и снова проверяет?

— Князь Бестужев — командир Императорской Гвардии, и было бы крайне неразумным убивать его на глазах самодержца, которого он должен

защищать! — спокойно отвечаю я.

— Ты оставил в живых лютого врага! — продолжает гнуть свою линию Князь. — Безусый юнец разделал под орех опытного командира гвардии в шаге от Императора! Как думаешь, что теперь ждет этого юнца со стороны Рода Бестужевых?!

Старик замолкает и делает затяжку.

— Месть, Саша! — с нажимом произносит он. — Возможно, кровная! Она не настигнет тебя уже завтра и не подскажет имена заказчиков, но рано или поздно случится! Никогда не оставляй в живых смертельных врагов!

Я согласно киваю. Великий Князь снова прав. Прав, как всегда. И неправ одновременно. В новом Кодексе Агента появилось второе правило: «Превращай врагов в друзей!».

— Хорошо! — Князь ставит точку после первой части беседы и улыбается.

Смотрит на меня мудрым отеческим взглядом и молчит, видимо, призывая догадаться, о чем пойдет речь дальше.

— Поздравляю с обретением Силы, Сашка! — голос его звучит проникновенно, интонации не вяжутся с криком, который стоял в кабинете минуту назад, но я чувствую искренность старика без всякого Дара Темных.

— Сейчас я испытываю чувство благодарности, которое не могу выразить словами! — столь же искренне отвечаю я. — А всего лишь пару часов назад готов был убить прямо в этом кабинете!

— Я заметил! — на лице Шувалова появляется ироничная усмешка. — Если бы на моем месте сидел Глава Великого Рода Юсуповых, у тебя могло бы получиться!

— Что?! Я настолько силен?!

— Да, мой юный друг, да, и еще раз да! — радостно подтверждает Великий Князь, тыча в меня окурком сигары. — И это только начало! С завтрашнего дня наши с тобой тренировки становятся ежедневными! Сегодня отдохни как следует: отъешься и отоспись!

Я киваю, переваривая информацию, и жду продолжения беседы. Интонации Князя подсказывают, что он еще не закончил.

— Ты показал себя Императору во всей красе, и теперь от свадьбы не отвертеться…

— А до этого вариант существовал?

— Да, потому Николай и явился в нашу скромную обитель, и дщерь свою прихватил! — старик ухмыляется. — Предполагалась очная ставка будущих родителей очередных Наследников Престола и откровенная беседа о вашей светлой

любви!

Великий Князь замолкает и внимательно смотрит мне в глаза, считывая реакцию.

— О любви, которой даже не пахнет! — безошибочно заключает он. — И о беременности, которой не существует в природе!

Шувалов снова делает затяжку и выпускает сизые кольца дыма в потолок.

— На любовные переживания любимой дочурки Николаю плевать с высокой башни, его интересуют лишь одаренные наследники и сильный союз. После твоего показательного выступления он видит в тебе и то, и другое. Так что готовься к откровенной беседе с самодержцем!

— А вы, естественно, благословили наш намечающийся союз?! — с сарказмом спрашиваю я. — Причем еще тогда, когда о нем никто даже не помышлял?!

— Ты преувеличиваешь мои скромные возможности, — отвечает старик, иронично улыбаясь. — Сдается мне, что это мы с тобой уже обсуждали!

— Обсуждали, но…

— Саша, Наталья — красавица, каких поискать! — перебивает меня Шувалов. — У тебя возникли какие-то проблемы с эрекцией?! Бестужев в драке

твой уд повредил? Или голову? Девчонка спит и видит тебя в своих объятиях! Поверь мне, вы первые пару месяцев будете из постели вылазить, только чтобы попить и в туалет сбегать…

— Не в этом дело…

— Трубецкая?! — старик наклоняется вперед. — Через годик — другой начнете встречаться! А еще через три пойдешь по бабам в полный рост! Все через это проходили, не ты первый, не ты последний!

— Не в этом дело! — повторяю я. — За кого Наталья должна была выйти, не будь меня?

— За друга твоего, — немного помолчав, отвечает Князь. — За Андрея Трубецкого…

— Он говорил, что его женят на Воронцовой…

— Теперь женят на ней, куда ж он денется! — спрашивает Князь нахмурившись. — Как Главы Родов решат, так и будет!

Он наливает себе кофе и пьет. На этот раз маленькими глотками, о чем-то задумавшись.

— Андрея, конечно, жалко! — неожиданно тихо говорит он. — Хороший он парень, как и его сестра. Тот случай, когда в семье муд… Когда яблочко от яблони далеко падает. Они с Натальей были бы замечательной парой. Но Цесаревич уже нежилец, и Короне нужен сильный наследник.

Сильный, понимаешь?

— Партия с Трубецкой не светила мне при любых раскладах?

— Ты сам вернул ее в Род, или уже позабыл? — отвечает Шувалов вопросом на вопрос.

— Я не думал, что, уйдя отсюда, она уйдет от меня…

— Рано или поздно это произошло бы в любом случае, — уверенно произносит Великий Князь. — Вами двигала страсть, а не любовь, а страсть не вечна! Вы просто оказались рядом, только и всего: красивые, молодые и сексуальные. И природа взяла свое…

— Значит, Романова, без вариантов? — зло спрашиваю я. — Другого выхода нет?

— Другой выход есть всегда, вопрос лишь в последствиях!

— Но помолвку Цесаревича с Императором расторгли?! — не унимаюсь я. — И последствий нет!

— Во-первых, есть, просто ты о них не знаешь! — устало отвечает Шувалов. — Во-вторых, Император до сих пор благодарит Разделенного за случившееся!

Игорь Всеволодович умолкает, а затем глаза его вспыхивают, и нас окружает непроницаемая для любого излучения фиолетовая сфера.

— Скажу тебе по большому секрету: Романовы сами организовали и провокацию, и утечку видео, на котором Воронцова ласкала какого-то парнишку!

Земля разверзается у меня под ногами. Уже в который раз. И уже в который раз я остаюсь на ногах.

Глава 10
Откровение в Музее Трубецких

Я сижу во вращающемся кожаном кресле, запрокинув голову, и наблюдаю за вальсирующим потолком. Ко множеству неразрешенных вопросов добавился еще один. Имеет Императорский Род к Приюту, в котором я вырос? А если имеет, покушения на меня были санкционированы им или лично Шефом?

Шувалов рассказал, что заказчиком провокации с княжной Воронцовой, которая дискредитировала ее и позволила расторгнуть помолвку с Цесаревичем, был Императорский Род. Учитывая поведение Елены, это не вызывает удивления, дело в другом. Исполнителем был я, а посредником — Приют.

Значит ли это, что Приют — проект Короны, и истинные его хозяева сидят в Кремле? Игорь Всеволодович Шувалов на самом деле ищет этих хозяев или создает видимость? Если он обо всем знает, то для чего вводит меня в заблуждение, и делает это столь виртуозно, что заподозрить игру невозможно?

Звонит смартфон, я останавливаю вращение и беру его в руки. На экране красуется улыбающаяся физиономия Воронцова.

— Привет! — говорит он. — Чем занимаешься?

— Приличные аристократы о таком не говорят, — отшучиваюсь я.

— Выключай порно и приезжай, мне скучно!

— А я похож на парня по вызову?

— Если честно, то да!

— Гребаный аристо!

— Гребаный бастард!

— В Телеграфе пишут, что ты снова что-то натворил…

— Да так, разнес полкабинета Шувалова и чуть не убил Императора! — отвечаю я. — Приеду через пятнадцать минут и расскажу!

— Жду — должен же я похвастаться новой кофемашиной! — Андрей отключается, а я вскакиваю с кресла.

Мне нужно срочно сменить обстановку и проветрить мозги! Заодно проверю предположение, которое не дает мне покоя с момента посещения музея нашего Рода. Да и по Трубецкому я скучаю, чего уж себя обманывать. Конечно, не так, как по его сестре, но все же.

Придирчиво оглядев себя в зеркале, я надеваю

темные очки в пол-лица, кепку с длинным козырьком и выхожу из апартаментов. При моем появлении в лифтовом холле, охранники опускают глаза и как будто становятся меньше в размерах. Видимо, весть об обретенных мной способностях вознесла меня в их глазах практически на один уровень с Великим Князем.

Широко улыбаюсь, козыряю парням и захожу в лифт. Я будто проснулся от спячки и жажду поездки на моем Урале больше, чем горячего секса. А еще мне хочется применять Силу и разбрасываться ей направо и налево. Шувалов предупредил о недопустимости подобного поведения, но, как известно, запретный плод сладок.

Оседлав мотоцикл, я выкручиваю рукоять газа и срываюсь с места. Привычно проскакиваю под поднимающимся шлагбаумом не рисовки ради, а для собственного удовольствия. Вхожу в поворот, почти положив мощную машину набок, и вылетаю на набережную. Замечаю на мосту толпу папарацци. Интересно: как долго бедные парни дежурили здесь в ожидании моего появления? Увеличиваю скорость и начинаю показательные выступления, лавируя между разноцветными машинами и ставя Урал на заднее колесо там, где это возможно. Пусть ребята заработают хотя бы

что-нибудь…

К высотке Синих я подкатываю медленно, словно старый бородатый байкер. Кованые ворота гостеприимно открываются, и я въезжаю во двор высотки. На этот раз меня встречают несколько слуг. Шестеро застыли перед входом в высотку, а двое принимают мотоцикл и откатывают его на гостевую парковку. Мои акции явно растут.

На этаже наследников диспозиция тоже изменилась. Проход в апартаменты Андрея свободен, а правое крыло, где теперь живет Ольга, блокировано сразу десятком охранников в черных костюмах. Уже знакомый мне старший предостерегающе покачивает головой, и я киваю в знак понимания.

При желании я разметал бы их, как кегли, за пару секунд, но желания нет. Я не привык навязываться, тем более — навязываться девушкам. Поворачиваю налево и сталкиваюсь с Андреем нос к носу. Парень при полном параде, даже галстук нацепил и улыбается до ушей. Я чувствую что Трубецкой, действительно, мне рад, и что улыбка искренняя. Он что, ждал меня перед дверью? Чем я заслужил подобную честь? Неужели предупреждения сестры о его коварстве все же были ложными?

— Страховка, — сообщает он, будто уловив мои сомнения. — Вдруг ты и здесь решишь все разнести вдребезги!

— Можно подумать, ты смог бы меня остановить, — парирую я, войдя внутрь и закрыв дверь.

— Мы выясним это после того, как я пройду Инициацию, — он подмигивает, берет меня за локоть, увлекает к окну и с гордостью показывает на новую кофемашину, еще более навороченную, чем у меня.

— Покажи мне ваш музей! — нетерпеливо прошу я, остановившись перед урчащим монстром, который не в каждом кафе увидишь.

— А прелюдия где? — с усмешкой спрашивает Андрей, становясь напротив и заглядывая в глаза.

— Какая прелюдия?! — настороженно уточняю я и делаю шаг назад.

— Хотя бы вид мог сделать, что рад меня видеть!

Тьма меня забери — я даже не улыбнулся другу! Даже руку не пожал! Я стремительно теряю квалификацию! Продуманный и контролирующий каждый шаг агент превращается в обычного юношу, поступками которого управляет бушующий гормональный коктейль в крови.

— Мне не нужно делать вид, — смущенно отвечаю я, подхожу к Андрею и крепко пожимаю его руку. — Я очень хотел тебя видеть! И поговорить хочу! И кофе выпить! И музыку послушать! И подраться!

Замолкаю на несколько секунд и одариваю его располагающей улыбкой.

— Но сначала — музей!

— Ты — жиголо, — беззлобно заключает он. — Беспринципный и коварный! Что тебя интересует в нашем музее?

— Посмертная Маска Основателя Рода Синих!

— Маска?! — переспрашивает ошарашенный Трубецкой. — Нашего Основателя?! Зачем она тебе?!

— Увидишь!

— Хорошо! — Андрей кивает. — Но сначала — кофе!

Он подходит к кофейному аппарату и начинает священнодействовать с россыпью кнопок, сверяясь с инструкцией. Он хмурится, беззвучно шевелит губами, следит за показаниями прибора, но машина бездействует.

— Меня женят на Романовой! — сообщаю я, чтобы еще раз прощупать Андрея.

Он вздрагивает, и немного помедлив, обо-

рачивается. Его взгляд делает его похожим на преданного, выброшенного на улицу щенка.

— Когда-то в детстве, мы с ней дружили, нас дразнили жених и невеста, — медленно произносит он и кладет инструкцию на консоль. — А почему твоя рожа такая кислая? Тебе не нравится Наталья? В царском селе ты с ней отжигал по полной, я даже вклиниться не смог…

— Я был мертвецки пьян, и был готов зажечь с кем угодно…

— С тобой пить опасно, — с сарказмом замечает Трубецкой.

— С кем угодно, не считая парней — не обольщайся!

— Так в чем дело? — серьезно спрашивает он. — Что не так с Романовой?

— Страсти нет, — пожимаю плечами. — Нет искры в отношениях! Все ровно и скучно, как у затрахавших друг друга до смерти стариков!

— Мне бы твои проблемы! — грустно вздыхает Андрей. — Вот у меня с Воронцовой будет искр хоть отбавляй! Ругань каждый день, разные кровати и дрочево на порно по ночам!

— Но ты же ее любил?!

— Мы с ней переспали, когда мне еще семнадцати не было! — с досадой произносит Трубецкой.

— О какой любви ты говоришь?! Было чистое сияние секса, прекрасное и манящее, но ссориться мы начали уже через пару недель! Она дура, понимаешь? Развязная дура с несносным характером! Себя пару лет назад вспомни, ты головой тогда думал или членом?!

— Я и сейчас думаю членом…

— Но Романова тебя не устраивает почему-то…

— А тебе она нравится? — спрашиваю я и замечаю едва заметный огонек агрессии в синих глазах напротив.

— Мы с тобой это уже обсуждали! — едва слышно отвечает Андрей. — В Царском Селе! Если бы она не была Наследницей Престола… И если бы не было тебя… Я по сравнению с тобой рожей не вышел…

Он замолкает и отворачивается.

Любит. Он любит Наталью, что бы ни говорил. Мой Темный Дар безошибочно сигнализирует об этом. Неужели любит настолько сильно, что его аналитический ум сбоит, и парень озвучивает детские комплексы по поводу собственной внешности, которая вполне тянет на модельную?!

— Иди сюда! — я хватаю его за плечи и тяну к массивному комоду, над которым висит широкое зеркало.

К моему вящему удивлению, Андрей почему-то не сопротивляется, и я ставлю его перед зеркалом, словно манекен.

— Смотри! — говорю я, обхватив ладонями его виски. — Смотри и сравнивай! Мы отличаемся лишь цветом глаз и формой носа!

— Знаю! — раздраженно кричит он и отбрасывает мои руки. — Я выразился фигурально! Дело не во внешности! Скоро ты станешь самым сильным магом Империи! И главное — не сможешь претендовать на Императорский Престол, потому что не являешься аристо по рождению! Императрицей будет Наталья Романова, а ты… Ты лучший выбор именно поэтому!

А еще потому, что мои потомки с большой вероятностью будут обладать мощнейшим даром. Так говорит генетика, а это — новое слово в науке. В ответ на слова Трубецкого по краю сознания проносится догадка, точнее, предположение о том, почему в качестве племенного производителя выбрали именно меня, но она требует проверки.

— А если бы я отошел в сторону? — спрашиваю я. — Ведь помолвка еще не объявлена, и теоретически все можно отыграть назад!

— Разве что, устроив вселенский скандал, как Воронцова с каким-то бездарем…

С каким-то! Да он стоит перед тобой! Целый агент Симпа собственной персоной!

— А Императором ты стать хотел бы? — спрашиваю я.

— Никогда об этом не думал! — отвечает Трубецкой.

А сейчас он врет. Думал и даже мечтал. Я чувствую это столь же ясно, сколь ясен августовский день за окном.

— Ага, и порно ты тоже не смотришь! — подкалываю я его. — В чем мне нужно признаться, чтобы пробудить твою искренность?

Андрей бросает на меня быстрый взгляд, отворачивается и подходит к кофемашине. Снова берет в руки инструкцию, нажимает череду кнопок, и раздается долгожданное гудение: в чашки льется ароматная кофейная жижа. Трубецкой берет в руки две маленькие чашечки с кофе по-османски, и одну протягивает мне.

— Хотел бы, — нехотя отвечает он, сделав крошечный глоток.

— Власть, толпа подобострастных фрейлин и пажей, положение в обществе, признание, наконец? — спрашиваю я и осушаю чашку одним махом.

— Это меня и без трона ожидает, — Трубецкой

пожимает плечами с горькой усмешкой на лице. — Я бы хотел кое-что изменить в России! Многое изменить!

— А что именно?

— Пустое! — Трубецкой машет рукой. — Скажи лучше — как кофе?

— Удался! — отвечаю я. — Мыслями о будущем так и не поделишься?

— Пойдем лучше в музей? — предлагает он, иронично улыбаясь. — Ты же за этим приехал?

Мы в неловком молчании выпиваем еще по кофе, а затем покидаем апартаменты Андрея. Музей Синих расположен там же, где и наш. Все высотки совершенно одинаковые, и мне в голову приходит шальная мысль, что захватить любую из них не составит труда для любого же рода.

Пока мы спускаемся в лифте, я мысленно повторяю аргументы Андрея по поводу выбора меня в качестве пары для наследницы Российского Престола. Отсутствие Императорского титула — слабый аргумент, потому что по-настоящему важны не имена и титулы, а реальная Сила и контроль над имперской бюрократией. А вот наследственность, мои гены — другое дело. И аргумент о предполагаемой магической мощи моих отпрысков не может быть главным, потому

что дети того же Трубецкого, рожденные Романовой, могут обрести мощь не меньшую, а даже большую.

Стоп! Какой же я идиот! Как я мог упустить столь очевидную и важную деталь! Цвет глаз и принадлежность к магии одного из семи цветов передается только по отцу, и мои дети должны быть фиолетовоглазыми! Пока Цесаревич не слег, цвет глаз детей Натальи не интересовал вообще никого, но сейчас…

Выбор мужа будущей Императрицы означает выбор Великого Рода, который наследует Престол! В теории Император может развестись с Императрицей и нарожать новых наследников, но Великие Рода их не признают, потому что семейный союз для высших аристо священен и нерушим, несмотря на измены, тайные гаремы и мелкие интрижки за спинами благоверных!

Можно зачать бастардов, причем, в неограниченных количествах, но, как показывает практика, бастарды не всегда обретают Дар!

— Приехали! — сообщает Трубецкой, и я отвлекаюсь от размышлений.

Мы выходим из лифта, и весь путь до входа в музей я вновь и вновь обращаюсь к мыслям о ситуации с наследованием и наследниками, и не

могу ухватить какой-то простой и чрезвычайно важный фактор, очевидный и находящийся перед самым моим носом.

— Идем сразу к маске? — деловито спрашивает Андрей и уверенно ведет меня через ряды музейных экспозиций, не дождавшись ответа.

Музей Синих не особо отличается от нашего. Многочисленные экспонаты, исторические находки и древние фолианты меня интересуют не особо, как, впрочем, и Андрея.

— Сплошной пафос и обман для непосвященных, — сообщает он, остановившись у стеклянной витрины, в которой выставлена маска, и обводит рукой музейный зал. — Как-нибудь мы с тобой придем сюда, захватив пару бутылок вина из фамильных винных хозяйств, и я буду терпеливо развенчивать рассказанные здесь мифы!

— Ловлю тебя на слове! — отвечаю я, не в силах оторвать взгляд от цели визита.

— Она — твоя! — сообщает Трубецкой и распахивает витрину. — Пользуйся, сигнализация отключена!

Я осторожно снимаю синюю маску с бархатной подставки и прикладываю к лицу. Она садится идеально. Кожу пронизывают тысячи иголочек, Осколок на груди нагревается, и меня вновь

бросает в дрожь. Все как в музее Шуваловых. Я нехотя отнимаю маску от лица и внимательно рассматриваю ее внутреннюю поверхность. По ней проносятся медленно затухающие синие сполохи.

— Ты мне друг? — спрашиваю я у Андрея, не глядя ему в глаза.

— Обычно после этого вопроса друзья просили меня о чем-то опасном, позорном или непотребном, — отвечает Трубецкой. — Правда, такие заходы прекратились лет в тринадцать, если не раньше!

— Можешь примерить? — спрашиваю я и протягиваю погасшую маску Андрею.

— Могу, конечно, но зачем? — искренне недоумевает он.

Затем берет маску из моих рук и аккуратно прикладывает к лицу.

— Не налазит, — равнодушно сообщает он через несколько секунд. — Мой нос выточен не настолько тонко, насколько — твой! И скулы слишком широки! Мама с папой недоработали!

У меня голова идет кругом. С одной стороны, взаимодействие с масками ничего не значит, это — древние артефакты, и никто не знает точно, как и для чего они сделаны. С другой — обе мас-

ки филигранно повторяют черты моего лица. Быть может, двое сыновей Разделенного были близнецами?

— Андрей, мне нужно попасть еще в один музей! — тихо произношу я. — Оранжевых, например!

— Тоже маску примерить?

— Да!

— У тебя крыша едет, бастард! — беззлобно говорит Андрей, вскидывая брови. — Здесь все древнее, как дерьмо мамонта, быть может, маска ненастоящая даже!

— Я понимаю и потому хочу сравнить!

— Обещай, что расскажешь мне все?!

— Обязательно расскажу! Сразу, как только сам во всем разберусь!

— Ко мне ты можешь приехать и сразу потащить в музей! — продолжает ныть Андрей с едва различимой обидой в голосе. — Любой другой тебя послал бы прямиком во Тьму!

— Потому мне и нужна твоя помощь с Апраксиным!

— Прямо сейчас? — Андрей кривит губы. — А как же разговоры и драка?

— К Олегу можно и завтра съездить, а сейчас мы пойдем в спортзал, и я разделаю твою синюю

задницу под орех! Без всяких прелюдий! — в шутку угрожаю я, хотя больше всего мне хочется ощутить кожей лица маску Основателя Великого Оранжевого Рода. — А после мы усядемся в твоей гостиной и будем говорить о России! Точнее, о переменах, которые ты бы вершил! Не вечно же трещать о бабах, и сексе, словно озабоченные подростки…

Мой взгляд падает на портреты, висящие рядом на противоположной стене. На одном изображена красивая черноволосая женщина с пронзительно синими глазами и в пышном синем платье, а на другом — голубоглазый мужчина с правильными чертами лица, одетый в темно-синий парадный мундир.

— Кто это? — с замиранием сердца спрашиваю я.

— Прабабка и прадед по отцовской линии, — отвечает Андрей. — В роду тогда не осталось мужчин, и ей нашли голубоглазого с редкой особенностью: его дети получали цвет глаз матери…

Андрей осекается и растерянно смотрит на меня. Точнее, смотрит в мои глаза фиолетового цвета. Цвета, который наверняка не передастся моим сыновьям и дочерям.

Глава 11
Атака Клонов

Лимузин Тайной Канцелярии мчит на Лубянку. Мчит для того, кто видит его снаружи, а для того, кто едет внутри, то есть для меня, он плывет, плавно покачивая бортами. Развалившись на мягком кожаном диване, я разглядываю проносящиеся за окном московские улицы и пью коньяк. Естественно, Шуваловский.

Срочный вызов от Великого Князя пришел сразу после окончания тренировки, когда мы с Трубецким зашли в раздевалку. Я даже душ не успел принять, и теперь остро ощущаю запах собственного пота, витающий в шикарном салоне.

Я думаю о своем будущем. Образ жизни аристо, о котором грезит подавляющее большинство бездарей, нравится мне все меньше и меньше. Первоначальный восторг и новизна ощущений ушли, а золотая клетка, прутья которой сдвигаются все ближе, никуда не делась.

Я стал одаренным, и теперь мне море по колено. Большинство опасностей отступило, любые покушения стали нипочем, и формально я об-

рел ту самую свободу, о которой мечтал. Но это лишь видимость: с двери, изолирующей золотую клетку, сняли замок. Но вместе со свободой передвижений пришла еще большая зависимость от решений сильных мира сего.

Я им интересен, и, судя по всему, мотивы у всех разные.

С Императорским Родом все более или менее ясно. Я нужен им в качестве донора спермы для Наследницы Престола и защитника собственных детей в одном лице. Женив меня на Наталье, они убивают сразу нескольких зайцев: получают сильных, и что важно — зеленоглазых продолжателей Рода, привязывают к себе лояльного консорта и лишают будущего Фиолетовый Род. Если, конечно, Великий Князь Шувалов не отыщет в еще одном Приюте еще одного Симпу.

С Темными не понятно ничего. Их интерес к моей скромной персоне я объяснить не могу, даже если предположу, что за ними стоит Цесаревич или даже сам Император. Пазл не клеится от слова совсем, и главное противоречие — взаимоисключающие желания убить и заполучить меня в собственные ряды.

Цесаревич — скрытый Темный, в этом я особо не сомневаюсь, но, если он или Императорская

семья контролирует Приют, покушения на меня не вписываются в общую картину. Даже если они постановочные. Возможно, Темные неоднородны, и действуют не согласованно, но это лишь мои предположения, требующие доказательств.

Светлые — вообще темные лошадки! Каламбур, да — но он прекрасно отражает суть! Единственный Светлый явился в мою жизнь единственный же раз и с тех пор не подавал признаков жизни. И если Темные предлагают хотя бы какую-то конкретику, то все слова похожего на меня Светлого звучат как лозунги о мире во всем мире.

Если же добавить ко всему перечисленному тайну моего происхождения, двойника в сиротском доме и темное начало, дремлющее в глубине моей сущности, впору пуститься во все тяжкие и взять от жизни все, потому что длинной она не может быть по определению.

А у меня даже девчонки нет! Есть лишь новоиспеченный друг, которому я полностью не доверяю! А он не доверяет мне!

Мы въезжаем на Лубянскую площадь, и за окном проплывает каменное изваяние Великого Князя Шувалова. Не нынешнего, а того самого, который сотни лет назад низверг Темных и стал первым десницей Царской Династии, которая

правит Империей до сих пор. Символизм, который ничуть меня не воодушевляет!

Лимузин проезжает мимо парадного входа, сворачивает во двор и останавливается у черного входа, который, впрочем, выполнен столь же помпезно, сколь и главный.

Охранник пропускает меня без документов и без досмотра, лишь мельком взглянув на мое лицо. Халатность это или правило, я не знаю, но сладить со мной он в любом случае не смог бы. В любом случае главное здание Тайной Канцелярии охраняется из рук вон плохо. Как, впрочем, и все важные здания в Москве.

Еще один охранник встречает меня у неприметной боковой двери, и мы попадаем в узкий, но со вкусом оформленный коридор. Красный ковер на полу, канделябры на стенах и неизменная лепнина на потолке навевают тоску. Мы поднимаемся по узкой лестнице на второй этаж и попадаем в помпезную приемную.

За секретарским столом сидит какая-то старая грымза в мешковатой одежде, с крашеными волосами и строгим взглядом из-под очков. Несколько секунд она рассматривает меня без всякого подобострастия, скептически оглядывая мои джинсы, мятую футболку и кроссовки.

— Вы правы, на князя я никак не тяну! — признаю я, разводя руками и вскинув брови.

— Меня зовут Виолетта Павловна, — сообщает старушка строгим голосом, пропустив мою реплику мимо ушей. — А вас, молодой человек, здороваться, видимо, не учили?!

«В детском доме»: явно хотела добавить секретарь Великого Князя, но проявила воспитанность.

— Прошу прощения, — виновато произношу я, натягивая на лицо виноватую улыбку. — Александр Игоревич Шувалов к вашим услугам!

— Великий Князь ждет вас, — удовлетворенно кивает Виолетта Павловна и указывает взглядом на дверь.

— Благодарю! — я киваю и иду к высоким резным дверям.

Рабочий кабинет Великого Князя является точной копией домашнего. Даже цвет стен такой же. Даже парадный портрет императора над головой старика. Размеры помещения и высокие потолки призваны задавить непосвященного посетителя имперским величием, но я привык и пиетета или робости не испытываю.

— Присаживайся! — хмуро говорит Шувалов, кивнув на стул для посетителей и даже на меня

не взглянув.

Послушно выполняю распоряжение Руководителя Тайной Канцелярии и терпеливо жду, когда он закончит заполнять убористым почерком лист дорогой пергаментной бумаги.

— Ты пил?! — спрашивает старик, не отрывая взгляд от старинного пера, выписывающего витиеватые узоры.

— Был повод, — признаюсь я и откидываюсь на спинку неудобного кресла. — Буду очень признателен, если угостите еще одним бокалом…

— Обойдешься! — резко отвечает Шувалов и отбрасывает ручку в сторону.

Она катится по лакированной поверхности стола, оставляя на нем растекающиеся чернильные кляксы, но старик не обращает на это внимания. Он смотрит мне в глаза. Нехорошо смотрит. Таким я его еще не видел. Даже после моих на него покушений.

— Что за повод?! — спрашивает он, прищурив веки.

— Узнал о себе кое-что новое! — я пожимаю плечами. — И шаловливые пальчики девочек мадам Ву мне не помогали!

Великий Князь не произносит ни слова. Ждет, когда моя ирония выдохнется, и я приступлю к

изложению сути.

— У меня нет императорских амбиций, мне наплевать на должности и положение в обществе — уж так воспитан, извините! — начинаю эскападу я. — Но почему вы не озвучили главную причину, по которой меня избрали в мужья Романовой?!

— Сам догадался или подсказал кто? — холодно спрашивает Шувалов.

— Сам…

— Тебя волнует цвет глаз твоих детей или невозможность стать Императором?!

— Мне наплевать и на то и на другое! — взрываюсь я. — Но карты открыть было можно? А не рассказывать сказки про принцев и принцесс?!

— Можно, и в свое время я бы тебе об этом обязательно рассказал! — недовольно отвечает старик. — Пока помолвка — всего лишь намерение, зачем обсуждать нюансы? К тому же всплыли они совсем недавно: расширенную спермограмму сделали лишь пару дней назад, когда надежды по поводу Цесаревича испарились окончательно.

— Значит, фиолетовоглазых наследников Великого Рода Шуваловых я тоже зачать не смогу? — с издевкой спрашиваю я.

Старик молча качает головой. Взгляд его оста-

ется холодным. Холодным и подозрительным.

— Ты ничего о себе рассказать не хочешь? — спрашивает Шувалов, вскинув брови.

От его тона по спине бегут мурашки. В нем звучит неприкрытая угроза. С Бестужевым они пообщались, что ли? Или речь о Тьме внутри меня? Или все дело в том, что теперь я не могу претендовать на племенного быка-производителя и потому потерял ценность?

— Что именно? — уточняю я. — Намекните хотя бы?!

Великий Князь молчит и держит паузу. Театральную и зловещую.

— Да что случилось?! — снова взрываюсь я. — Вы говорите со мной загадками!

Старик открывает верхний ящик стола, достает оттуда несколько фотографий и бросает их на лакированную поверхность.

Беру в руки цветные прямоугольники, и мое сердце пропускает удар. На первом фото изображен я. Мое мертвое тело распростерто на булыжной мостовой, я лежу на окровавленных камнях, раскинув руки, и смотрю в небо ясными, голубыми глазами. Голубыми, не фиолетовыми!

На втором снято лицо. В том, что это мое лицо, нет никаких сомнений! Те же высокие острые

скулы, тонкий, чуть загнутый нос, массивный подбородок, идеально белые зубы и глаза!

На третьем и четвертом запечатлены мои голубые радужки. Крупным планом. Одна и вторая.

Я роняю фото на приставной стол и непонимающе смотрю на Великого Князя.

— Это тот самый парень из Выборгского Сиротского дома, чьими документами я пользуюсь?! — спрашиваю я и слышу, что мой голос ощутимо дрожит.

— Нет! — Шувалов отрицательно качает головой и достает из ящика новые фотографии.

Снимки сделаны в морге. Обнаженное мужское тело на них изуродовано и изрядно обожжено, но это тоже я. Без всяких сомнений. Вот только радужки у меня синие. Такие же синие, как у Андрея Трубецкого.

Мир снова переворачивается.

Я поднимаю взгляд на Великого Князя и вижу, что его глаза источают угрозу и ярко светятся.

— Даже не думай! — цедит он сквозь зубы.

Я и не думаю! Не планирую нападать, бежать и совершать прочие подобные глупости! В голове у меня творится полный сумбур, обрывки мыслей бьются в черепную коробку, словно испуганные птицы, и не могут ни вырваться наружу, ни вы-

строиться в цепочку.

Групповые фото, висящие на стенах выборгского сиротского дома, были черно-белыми. Это — единственное, что я осознаю ясно.

— Мне нечего сказать, — с трудом выдавливаю из себя я и качаю головой, не в силах больше произнести ни слова.

Князь считывает мое состояние, и его фиолетовые радужки гаснут.

— Голубоглазого нашли в Питере, — угрюмо сообщает он. — После твоего побега из Царского Села Бестужев запустил всеимперский поиск. Через сутки его отменили, но машина сыска уже заработала, и остановить ее не так просто. Первые результаты начали приходить только сейчас. Агенты сыска попытались взять парня, но он вывалился из окна седьмого этажа. То ли сам, то ли кто-то помог…

— А синеглазый? Он из сиротского дома?!

— Да! — подтверждает старик. — Сразу после нападения Темных мы изъяли фото в местном полицейском управлении, но особо его не изучали.

— Можно мне выпить? — прошу я, постепенно приходя в себя.

— Можно, если это поможет! — Шувалов кивает и достает из бара бутылку неизменного коньяка.

Разливает янтарную жидкость в бокалы, один из которых придвигает ко мне. Разливает не на два пальца, как обычно, а почти до краев. Поднимает бокал и осушает его одним махом.

— Твоими стараниями Бестужев валяется в больничке, и вся информация поступает непосредственно ко мне, — сообщает Князь. — Но шила в мешке не утаишь! Ты — личность известная и даже популярная, а топтуны и агенты — вовсе не идиоты…

— Эти мои двойники — не единственные?

— А почему ты об этом спросил? — спрашивает Великий Князь с подозрительным прищуром.

— Не знаю! — честно отвечаю я. — Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан. Возможно, ключ в этом, и вы найдете еще четверых…

— Красноглазого уже нашли, уже везут сюда! — кивает Шувалов. — Остальные трое на подходе!

— Я ничего не понимаю! — с отчаянием говорю я и выпиваю коньяк.

Выпиваю залпом. Обжигающий сгусток проваливается вниз по пищеводу, но не приносит ни опьянения, ни облегчения.

— Я смогу скрывать информацию о твоих двойниках не больше недели, — тихо произносит Князь, задумчиво глядя на меня. — И за это время

мы должны раскопать все, с ними связанное!

— Не проще ли уничтожить меня, как и прочих? — я киваю на фотографии. — Меня же все равно убьют, какое бы объяснение мы ни нашли или ни придумали?!

— Не торопись — помереть завсегда успеется! — с усмешкой произносит Великий Князь, перейдя на простонародное наречие. — Ты же Шувалов, а Шуваловы не сдаются!

— Признайтесь честно: зачем вам со мной нянчиться? — тихо спрашиваю я. — Я теперь проблема, а не возможность. Бестужев вцепится мне в горло и будет сжимать челюсти, пока он или я не испустим дух!

— Я — не твой Шеф, и без веских причин своих не бросаю! — раздраженно заявляет Князь, плотно сжимает губы и отворачивается к окну. — Знаешь, о чем я жалею больше всего?

— О сыне? — озвучиваю очевидное предположение я.

— О том, что убил его, поставив государственную необходимость выше кровных уз…

Мне хочется заявить старику, что я не его сын, а с учетом появления трупов двойников могу оказаться кем угодно, но благоразумно молчу. Мне снова отчаянно хочется жить. Как тогда, во

время второй встречи с ним, и первой — с Ольгой Трубецкой.

На коммуникаторе Князя загорается красный сигнал, он срывает с него допотопную трубку и плотно прикладывает к уху. Мужской голос звучит приглушенно, и я не могу разобрать ни слова.

— Везите ко мне в кабинет! — приказывает Князь невидимому собеседнику. — Да, прямо сюда! Или вам повторить в третий раз?!

Старик медленно опускает трубку на аппарат и пристально на меня смотрит. Смотрит с настороженностью и жалостью.

— Третьего привезли! — сообщает он. — Обнаружили в Москве. Тоже мертвый. Посиди пока в комнате отдыха, не хочу, сыскарям нельзя тебя видеть в этом кабинете!

Шувалов нажимает кнопку на коммуникаторе, и дубовая панель отъезжает в сторону. Я захожу внутрь, и панель бесшумно встает на место, погружая меня в царство абсолютной тишины.

Я сажусь на мягкий кожаный диван и оглядываю помещение. На упомянутую комнату отдыха оно совсем не похоже и больше напоминает шикарный гостиничный номер. Открываю дубовую дверцу и дивлюсь богатому ассортименту спирт-

ных и не очень напитков.

Наливаю коньяк в пузатый хрустальный и подхожу к окну, выходящему в огороженный внутренний дворик. В голову приходит очевидная и пугающая мысль. Что, если уже убитые и разыскиваемые копии меня не являются моими клонами? Что, если я сам — такой же клон, как и они? Что, если все покушения на меня были призваны уничтожить меня так же, как и их?

Кто же я? Кто я такой, Тьма меня забери?

Я размахиваюсь и швыряю бокал с коньяком в окно. Он врезается в стекло и разлетается на не осколки, не причинив ему никакого вреда. В голову приходит еще одна очевидная мысль.

Я смогу разгадать все загадки, связанные с Приютом, Темными, Светлыми и моими двойниками, лишь узнав тайну своего происхождения.

Раздвижная дверь за спиной отъезжает, я оборачиваюсь и вижу Великого Князя, стоящего в узком проеме. Он смотрит на меня так пристально, будто впервые увидел только здесь и сейчас.

— Выходи! — коротко приказывает он и исчезает в глубине кабинета.

И я выхожу. Иду медленно и нехотя, потому что точно знаю, что меня ожидает.

Посередине пустой приемной, между пись-

менным столом секретарши и диваном для посетителей стоит медицинская тележка, а на полу рядом с ней валяется белая простыня. Эти предметы абсолютно чужды в помпезном интерьере, но обнаженное тело, покоящееся на тележке, хорошо мне знакомо.

Я не верю собственным глазам!

Подхожу на негнущихся ногах и склоняюсь над трупом, внимательно разглядывая особенности фигуры. На белой простыне лежу я. Та же смуглая кожа, та же рельефная мускулатура, то же лицо и густые черные волосы. Отличается лишь прическа. Парень подстрижен очень коротко, по моде молодых бездарей, и потому выглядит немного моложе меня.

На левой половине груди чуть ниже соска аккуратное отверстие от пули. Кровь уже запеклась, и потому тело напоминает муляж, предназначенный для съемки в фантастическом сериале Мосфильма. Мы работаем над сценой, в которой главный герой впервые видит вживую своего клона.

Нервно сглатываю и провожу подушечками пальцев по груди парня, чтобы избавиться от ощущения нереальности происходящего. Тело уже остыло, но кожа еще упругая и совершенно

точно не искусственная.

Я заключаю в ладони мертвое лицо, провожу дрожащими пальцами по подбородку, губам и щекам, а затем приподнимаю правое веко.

Радужка под ним ярко-красного цвета, и это не контактная линза.

Глава 12
Во все тяжкие

К высотке Великого Рода Апраксиных мы с Трубецким подъезжаем в молчании. У меня перед глазами все еще стоят красные радужки моего мертвого клона, а подушечки пальцев ощущают холод его кожи. Лимузин мягко тормозит перед парадным входом, на ступеньках которого выстроилась целая делегация молодых оранжеволглазых аристо преимущественно женского пола.

— Можешь выбирать уже сейчас! — желчно произносит Трубецкой, оглядывая глубокие декольте симпатичных девиц. — Посещением музея мы точно не ограничимся!

— Пожалуй, доверюсь твоему опыту! — говорю я и одариваю друга саркастической улыбкой.

Расторопный слуга открывает дверь, и мы покидаем салон по очереди. На мгновение я тону в вязкой августовской жаре, но уже через несколько секунд вновь погружаюсь в кондиционированную прохладу холла высотки. Нестройный хор приветствий многочисленных отпрысков

Великого Рода Оранжевых я игнорирую, удостоив их едва заметным кивком. Парни и девчонки будут считать меня зарвавшимся выскочкой из низов, но мне плевать. Уже плевать.

Статуя Основателя Рода Апраксиных установлена внутри здания. Точнее — оставшаяся ее часть в виде огромного бюста. Лицо Первого Оранжевого Мага похоже на мое, так же, как одна капля воды похожа на другую. Различаются лишь размеры.

По моей спине не струится холодный пот, сердце не замирает от удивления: я заранее знал, что увижу перед собой. В том, что оранжевая посмертная маска сядет на мое лицо, словно влитая, я не сомневаюсь тоже. Особенно после увиденного в кабинете Князя Шувалова на Лубянке. Но убедиться в этом все же хочу.

— Какие люди и без охраны! — громогласно заявляет Олег Апраксин, выходя из лифтового холла. — Что вас так поразило?

Он одет в парадный деловой костюм оранжевого цвета, белую рубашку без галстука и остроносые коричневые туфли. Мы с Андреем, облаченные в футболки и джинсы, выглядим рядом с ним, как бедные родственники, прибывшие в столицу из глухой провинции.

Пропустив наши ответные приветствия мимо

ушей, Олег становится по правую руку от меня, и проследив за направлением моего взгляда, начинает рассматривать памятник, знакомый ему с детства. Через минуту его лицо озаряет понимание.

— На вас, красавчики, он похож больше, чем на меня, а всему виной чувства нашего далекого пращура, — доверительно сообщает Олег. — Легенды гласят, что он влюбился в милую пастушку и предпочел ее особе аристократических кровей. Они родили двенадцать детей и жили в мире и согласии до самой смерти…

— И умерли в один и тот же час, в возрасте двухсот лет от оргазма! — я заканчиваю экскурс в историю, используя бородатую шутку, идеально соответствующую уровню интеллектуального развития Апраксина.

— Ты знал, что я закончу именно так, — с улыбкой упрекает меня он. — Знал, потому что тебе Трубецкой разболтал!

Андрей, находящийся вне поля зрения гостеприимного хозяина, закатывает глаза к потолку. Ему идея визита на Садово-Спасскую не понравилась сразу, и он согласился помочь лишь в обмен на не менее серьезную любезность с моей стороны в будущем.

Главное, что передала легендарная крестьянка всем своим оранжевоглазым потомкам — это отсутствие острого и быстрого ума. Именно поэтому Апраксины всегда составляли основу командирского состава армии магов среднего звена и головокружительных карьер не делали.

— Несмотря на утонченные черты наших лиц, дамы не балуют нас вниманием так, как тебя, — грубо льстит Апраксину Трубецкой, и оранжевые глаза Олега вспыхивают от гордости.

— Это мы проверим чуть позже, — произносит он заговорщицким тоном и подмигивает. — А вначале — музей?!

— Будь так любезен! — прошу я. — Хочу услышать историю Великих Родов из первых уст!

— Мудрое решение, учитывая твое происхождение! — замечает Олег, не в силах удержаться от неуклюжего укола.

Трубецкой сжимает мой локоть, удерживая от резкого ответа, но я лишь широко улыбаюсь, потому что слова Апраксина меня не трогают. Мне теперь все равно. Пусть хоть бастардом в лицо называет.

— Вы-то все это с молоком матери впитали, — я киваю и оглядываюсь.

За спиной застыл официант с серебряным

подносом в руках. Беру в руку тонкостенный стеклянный бокал, подношу к носу и вдыхаю божественный аромат виноградной лозы.

— Фамильные кавказские виноварни, — с нескрываемой гордостью поясняет Олег. — В детстве я проводил на них каждое лето. Эх, замечательное было время, скажу я вам! Такое же замечательное, как это вино!

Вино Апраксины делают, действительно, замечательное: густое, питкое и насыщенное танинами. В музей мы спустились, уже будучи изрядно навеселе. Олег прихватил с собой еще пару бутылок, так что экскурсия обещала быть яркой.

— Первое сохранившееся батальное полотно, — сообщает он, указывая на древний выцветший гобелен, висящий напротив входа. — Наши предки тогда знатно отымели армию войска польского, и отжали множество земель! Следующий гобелен более поздний…

Апраксина я слушаю лишь краем уха. Его разглагольствования мне неинтересны. К тому же вся древняя история Великих Российских Родов — сплошная мистификация, потому что летописи, как известно, пишут победители, а победителями уже тысячу лет являются Цветные.

Некоторые ученые считают даже, что образ

самого Разделенного излишне мифологизирован, и на самом деле наш Бог является пришлым потомком Темных, но вслух об этом лучше не говорить. Наш Хранитель поведал мне это как величайшую ересь и взял обещание, что я не выложу ее никому и ни при каких обстоятельствах.

Все события седой древности интересны мне лишь в части, могущей объяснить мои выходящие за рамки привычного магические способности, но лишь в теории. На практике они ничего подсказать не могли.

Экспозиция музея не особо отличается от двух, уже виденных мной: сплошь гобелены, полуистлевшая одежда, оружие черни, схемы величайших сражений с Темными и Великими Родами Империи и портреты предков.

Упомянутая Апраксиным пра-пра-пра-бабка, действительно, страшна. Страшна даже с учетом того, что художник ей явно польстил и скрыл недостатки бочкообразной фигуры и широкого плоского лица с глубоко посаженными глазками как мог.

Несмотря на дань традиции изображать на портретах великих князей и княгинь, женщин-аристократок особым вниманием не балуют, потому что цвет глаз детей и способности к магии

всегда передаются от отца. Почти всегда. Я редкое исключение.

Оранжевая маска мало чем отличается от двух других, виденных мной раньше. Тот же легкий и полупрозрачный материал, природа которого не вполне ясна, лишь цвет отличается.

Я аккуратно снимаю ее с бархатной подушечки и подношу к лицу. Апраксин, наконец, замолчал и превратился в само внимание. Даже в его тупой башке зародилось подозрение, что маска и есть главная цель моего визита в обитель Оранжевых.

Я прикладываю маску к коже и ощущаю знакомое покалывание. Она как будто проникает в кожу лица и начинает срастаться с ним, точно облегая все его изгибы. Я отдергиваю маску и, дождавшись, когда тусклое оранжевое свечение на ее внутренней стороне погаснет, возвращаю ее на законное место.

Третий по счету артефакт как будто снят с моего лица. Случайностью это быть точно не может. А если добавить в копилку знаний факт наличия моих полных биологических копий, вопросов становится не меньше, а больше.

Теоретически и основатели Великих Родов, и мы с моими клонами можем быть братья-

ми-близнецами. И даже близнецами с разным цветом глаз. Науке такое не известно, но чем Разделенный не шутит. Вот только тысячу лет назад семеро близнецов не выжили бы, потому что родились бы недоношенными.

Я выхожу из состояния задумчивости и обращаю взор на моих приятелей. Апраксин и Трубецкой наблюдают за мной с явным интересом. Свечения на внутренней стороне маски они не видели, возможно, заметили лишь мимолетный сполох в моих радужках, но я теперь одаренный, и подозрений это вызвать не должно.

— Колись, Шувалов — зачем тебе понадобилась маска?! — спрашивает Олег, хмуря брови.

— Пытаюсь вывести определенные закономерности нашей наследственности, — туманно отвечаю я.

— Да что их выводить! — ухмыляется Апраксин. — Суй глубже и кончай чаще — вот и весь секрет!

Он громко смеется собственной шутке, а Трубецкой вновь закатывает глаза.

— Скажи лучше: ты уже трахался после обретения Дара? — продолжает Апраксин. — Ощущения изменились? Отец говорит, что сексом можно будет заниматься часами напролет…

Признаться, что я и дрочил-то после Инициации всего пару раз? Да еще и на скорую руку?

— Пусть это станет для тебя сюрпризом! — я улыбаюсь и подмигиваю.

Апраксин разочарованно кивает и разливает по бокалам остатки вина.

— Давайте выпьем за сюрпризы! — говорит он, и поднимает свой бокал. — Учитывая, что вы у меня гостях в первый раз, кое-что я для вас приготовил.

Мы допиваем вино и покидаем музей. Трубецкой сразу предупредил, что посещение музея Рода Апраксиных без посещения его знаменитой оргии организовать невозможно, но меня это не смутило. Признаться честно, даже заинтересовало. К тому же все соответствует мои планам. Соответствует просто идеально.

Мы следуем стандартным маршрутом, но вне стен музея нас сопровождает четверо дюжих охранников. Зачем их приставили к нам, я не понимаю, потому что могу уничтожить их небольшим усилием воли, но, возможно, отец Олега считает иначе.

На верхние этажи мы поднимаемся на лифте. Апраксин несет какую-то околесицу, я его не слушаю, но вижу, как его взгляд становится мас-

лянистым, а сознание обуревает похоть.

Я уже изрядно пьян, но догадываюсь, что нам предстоит, и убеждаю себя, контролировать собственные мысли и поступки все еще в состоянии.

Апартаменты Олега Апраксина разительно отличаются от моих. Они расположены на том же этаже, и в той же части высотки, но внутреннее наполнение может вызвать недоумение. Может вызвать, если предварительно не выпить пару бутылок вина с фамильных виноварен Апраксиных.

Ощущение, что я оказался в пафосном и дорогом борделе, возникло сразу, как только я переступил порог. И дело не в сцене с шестом, на которой красивые обнаженные девушки совершают акробатические кульбиты, постоянно сменяя друг друга. Не в многочисленных, вмонтированных в стены экранах телевизоров, на которых демонстрируется отборное порно. И даже не в том, что девушки постоянно садятся рядом с нами на мягкие кожаные диваны и оказывают недвусмысленные знаки внимания, игнорировать которые невозможно.

Здесь собралось несколько десятков молодых, полураздетых оранжевоглазых одаренных обоих

полов. Стараниями Андрея Трубецкого я, наконец, оказался на знаменитой оргии Апраксиных, о чем, впрочем, ничуть не жалею. Оторваться по полной мешает лишь картинка моего мертвого клона перед глазами и ощущение его холодной кожи под пальцами.

Мы продолжаем накачиваться алкоголем, сидя на мягком диване перед сценой и любуясь красотками, вертящими совершенными телами на шесте. Трубецкой пьет мало и неодобрительно поглядывает меняющиеся бокалы с вином в моих руках. Обнаженные девушки по очереди садятся к нему на колени и ластятся как кошки, но, несмотря на возбуждение, Андрей вежливо уклоняется от поцелуев и излишне откровенных ласк.

Я не столь разборчив и беззастенчиво пользуюсь представившейся возможностью развлечься. Очередные красноглазые богини садятся по обе стороны от меня и синхронно целуют меня в шею. Целуют с двух сторон, и, запустив ладошки под футболку, ласкают грудь, медленно опуская их к поясу. Они далеко не первые, хотя лиц многочисленных красноглазых нимфеток я не запоминаю.

— Рекомендую! — говорит Апраксин и развязно лыбится. — Горячие штучки! Одаренные, как раз

под стать тебе! И чистокровные цветные, а не какие-нибудь Темные шлюхи!

Это намек на мое посещение заведения Темных, которое устроил Олег. Я криво улыбаюсь, попеременно переводя взгляд с лица одной девушки на лицо другой, и понимаю, что они близняшки. Очередная подростковая эротическая фантазия близка к воплощению в реальности, и мои моральные императивы, как и мысли об Ольге Трубецкой, прозябают на задворках сознания, уступив место неистовому желанию.

— С этими я еще не спал, Ваша Светлость, не извольте беспокоиться! — орет Апраксин, перекрикивая музыку. — Только после вас, князь!

Обращенное ко мне слово «князь» в его устах звучит издевательски, но мне наплевать.

— Уступаю в обмен на списание половины оставшегося долга?! — орет мне на ухо Апраксин, оттолкнув одну из девиц. — Согласен?!

— Идет! — я киваю и закрепляю договор крепким рукопожатием.

Апраксин подмигивает девушкам и шлепает их по голым задам. Они берут меня за руки и ведут сквозь толпу нетрезвых аристо, которые сплелись в объятиях в невообразимых комбинациях. Все идет к тому, что парни и девчонки скатятся

к свальному греху, но к этому я не готов, даже будучи пьяным.

Трубецкой догоняет нас в коридоре, кладет руки мне на плечи и прерывает наш тройной поцелуй с красноглазыми близняшками.

— Хочешь присоединиться?! — шучу я не оборачиваясь.

— Остановись! — шепчет он мне на ухо, притягивая за шею.

— Ты ревнуешь, что ли? — удивленно спрашиваю я заплетающимся языком.

— Придурок, у Апраксина будет на тебя компромат! — зло орет Трубецкой. — Запись горячего секса юного Князя Шувалова сразу с двумя молодыми аристократками! И как только объявят о твоей помолвке…

Андрей разворачивает меня к себе, и я делаю вид, что настолько пьян, что даже сопротивляться не могу.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хожу по шлюхам и не сплю с кем попало? — спрашивает Трубецкой.

Я могу припомнить ему медсестру Аллочку, ради которой он позволил привязать себя к кровати, но лишь киваю. Разница все же есть. В Александровском Дворце нет записывающих

камер, и Андрею это хорошо известно.

— Апраксин трахает все, что движется, и записей наверняка полно, но это не мешает ему взять в жены твою сестру! — возражаю я.

— Он просто наследник Рода, Саша! — возражает Андрей. — А ты — будущий муж будущей Императрицы всея Руси!

Он обеспокоенно смотрит мне в глаза и крепко сжимает плечи.

— Целуй в губы этих девок, целуй пьяно, по очереди, извинись и иди в туалет! — говорит он. — Проблюйся там и продрочись как следует, а потом возвращайся, и мы отсюда уедем!

— Я хочу их, — говорю я и глупо улыбаюсь. — Найди себе пару красоток и выпусти пар, а то скоро убьешь меня ненароком на тренировке!

Я мягко отталкиваю Андрея, разворачиваюсь, покачнувшись, беру под руки дам и дефилирую с ними в спальню, коих на этаже не меньше десятка. Никогда не мечтал сняться в порно, но теперь придется. Совмещу приятное с полезным — камеры должны запечатлеть мое моральное падение во всей красе.

Глава 13
Дар: первые уроки

В боевом фиолетовом костюме Великий Князь Шувалов выглядит непривычно. Меня неотступно преследует ощущение, что я сражаюсь с героем комикса о суперагентах. Камеры боевого тренировочного модуля фиксируют каждое наше движение и ведут счет достижениям и ошибкам. Последние совершаю в основном я, и счет на табло это подтверждает.

Князь явно поддается и сражается вполсилы, если не в четверть, но я едва успеваю реагировать на его атаки. По сравнению с этой тренировкой, драка с Князем Бестужевым была легкой разминкой. Наконец, звучит сигнал к окончанию боя, счет на табло меняется на 5:0 в пользу Великого Князя, и я вздыхаю с облегчением.

Я, наконец, получил тренировки, о которых мечтал, и теперь расплачиваюсь за это синяками по всему телу и болью в каждой мышце. А целительницы, которая могла бы меня вылечить всего за пару минут, рядом нет. Она прячется от меня в высотке напротив, и в соцсети носу не кажет. Да-

же Андрей любой разговор об Ольге решительно пресекает и переходит на другую тему. Не потому, что скрывает что-то или, наоборот, не знает. Он не хочет меня расстраивать, и я это чувствую.

А я… Я вчера переспал сразу с двумя красотками и не испытываю чувства вины. Точнее, убеждаю себя в этом. Убеждаю, злюсь и становлюсь обиженным подростком, который жаждет похвалиться отвергнувшей его девушке, что у него все хорошо и без нее, что он выжат как лимон и безумно от этого счастлив.

Перед глазами возникают целующие меня оранжевоглазые близняшки, и я пропускаю чудовищный удар Князя, который впечатывает меня в стеклянную стену.

— О чем ты думаешь, Тьма тебя забери! — кричит он, гневно сверкая глазами. — Что будет, если я применю Силу?!

Амбец мне будет, что же еще! Я мог бы упомянуть разные весовые категории, столетний опыт старика, остановленный бой и собственное состояние нестояния, но благоразумно молчу. Крику Шувалова вторит звуковой сигнал, сообщающий о необходимости подготовиться к новому раунду. Я встаю на ноги и прислоняюсь спиной к стеклу, восстанавливая дыхание.

— Перейдем к использованию Силы, — произносит Шувалов, глядя на меня исподлобья. — Ты сильнейший одаренный, но в сражении с Бестужевым тобой двигали эйфория от обретения Дара и желание отомстить мне. А должен управлять холодный расчет.

На мгновение Князь замолкает и внимательно смотрит на меня, будто прислушиваясь к собственным ощущениям.

— Становись в круг и сосредоточься! — приказывает он, и я повинуюсь. — На счет три ударь меня магошаром!

— Насколько мощным?

— Сам решай, мы тренируемся, а не убиваем друг друга!

Я выбрасываю из головы суетные мысли и выуживаю из памяти ощущения, которые испытывал, сидя под Родовым Кристаллом. Мои радужки вспыхивают, пространство вокруг пронзают тонкие фиолетовые нити, а поток Силы, льющийся из Кристалла, становится почти осязаемым.

— Раз!

Я закрываю глаза и качаю Силу напрямую из Кристалла.

— Два!

Наполняю ею каждую клеточку тела.

— Три!

Выстреливаю с ладоней фиолетовым протуберанцем, мгновенно вскинув руки.

Старик даже не моргнул. Принял шар на грудь и довольно улыбнулся.

— Неплохо для начала! — заключает он и подмигивает. — Но если в реальном бою ты будешь готовиться к атаке столь же медленно, то тебя сожгут еще до того, как ты обратишься к Силе! Все должно происходить быстро — смотри!

Князь без склеек и пауз переходит к демонстрации мастерства. Он запускает в тесное пространство кабины шары размером с теннисный мяч, и уже через несколько мгновений они начинают кружить вокруг меня, заставляя обливаться холодным потом.

— Покров! — рявкает он, и я создаю обволакивающую тело защиту.

Фиолетовые сферы врезаются в меня один за другим, и я пляшу в долбаном кругу, как на раскаленных углях, дергаясь при каждом попадании.

— Отставить танцы! — приказывает Шувалова и делает новый залп.

Я останавливаюсь как вкопанный и принимаю новые удары Силы. Меня надежно защищает

Покров, страхует тренировочный костюм, да и магия эта родовая, она не причиняет никакого труда — лишь накачивает Силой, если реципиент готов ее принять.

— Повторяй! — орет Шувалов.

Я создаю такие же миниатюрные магошары и пытаюсь заставить их летать по кругу вдоль стенок кабины, но контроль мне не покоряются, и они взрываются сочными хлопками, сталкиваясь со стеклом.

— Ах да — тебя же с детства жонглировать не учили! — недовольно восклицает Князь и бьет меня наотмашь.

Огромный, фиолетовый кулак врезается мне в левую скулу, и я инстинктивно уворачиваюсь, хотя умом понимаю, что он не должен причинить мне вреда. Не должен, но задев по касательной ухо, отбрасывает меня на вогнутое стекло, и воздух покидает мои легкие.

— Плохо! — произносит Князь. — Ты еще не способен провести грань между жестким конструктом и концентрированной энергией, за тебя работают инстинкты!

— А если бы я не уклонился?! — возмущаюсь я, с трудом сделав вдох.

— Повалялся бы пару дней в постели, а затем

примчалась бы одна из твоих баб и влила бы в тебя столько Силы, что член раздулся бы как баклажан! — Шувалов смеется и в воздухе появляется упомянутый баклажан: фиолетовый и огромный.

Я злюсь, создаю конструкт молота и мечу его в Князя, повторяя прием Метателя — одного из супер-аристо. Старик выхватывает его из воздуха, подбрасывает и возвращает мне. На этот раз я замечаю, как меняется структура молота, и он превращается в чистую энергию, которая сожжет любого, кроме меня. Принимаю молот на грудь и ощущаю волну Силы, омывающую мою фигуру.

— Уже лучше! — Князь кивает. — Теперь создай молот, метни его в меня, но контроль не отпускай! Верни конструкт в руку и запусти снова. Погнали!

Молот летит в Шувалова, но ментальная привязь срывается, и конструкт аннигилирует в мгновенно выставленном щите.

— Еще раз! — приказывает Князь. — И еще! И еще! И еще!

Спустя несколько минут у меня получается: я возвращаю молот, выхватываю его из воздуха перед собственным носом и запускаю обратно. А затем мы перебрасываем его друг другу, словно

мячик, и я поддерживаю жесткую структуру конструкта, ощущая, как с каждой секундой тают мои силы.

— Развей его! — кричит Шувалов, и я превращаю молот в сгусток энергии.

Он врезается мне в грудь, и меня подпитывает импульс Силы.

— Теперь тянись к Кристаллу, — приказывает Князь. — Ощути всю его мощь и возьми ее малую часть! Малую, иначе вспыхнешь ярким факелом!

Я останавливаюсь и медлю, напуганный его последней репликой.

— Начинай — я тебя подстрахую!

Кристалл я чувствую. Он похож на яркое солнце над головой, свет которого может быть ласковым и нежным, а может обжигать до волдырей и даже превратить в пепел. В глубине этого огромного артефакта сконцентрирована гигантская мощь. Я обращаюсь к ней, тянусь всем существом, как тогда, в подвале Царского Села, но единения не случается.

В пространстве возникает светящийся фиолетовый канал, проводящий Силу. Она устремляется в меня мощным потоком, но возникшая в воздухе полупрозрачная рука сжимает пуповину, и мне достается лишь малая часть.

Меня размазывает по граням реальности, я беззвучно кричу от восторга и боли, источаемой каждой клеточкой тела, кричу и понимаю, что Силе нужно дать выход. Канализирую ее в сгусток энергии, над нашими головами вспыхивает фиолетовый шар и взрывается, превратившись в чистый, белый свет.

— На сегодня хватит! — удивленно произносит старик проморгавшись. — В следующий раз предупреждай, что нужно надевать темные очки! Встречаемся в моем кабинете через двадцать минут!

Я плетусь в раздевалку, с трудом переставляя ноги, и хочу лишь одного — завалиться в кровать. Иссушающая тренировка и бурная ночь дают о себе знать. Красотки заездили меня по полной, и домой я вернулся под утро. Поспать удалось всего пару часов: пришлось плестись в спортзал.

Сбрасываю костюм и встаю под обжигающе-острые струи горячей воды. От встречи с Трубецким отделаться удалось, но теперь мой Телеграф забит вопросами о вчерашней ночи. Проще было позвать его в наблюдатели, чем пересказывать произошедшее. В любом случае Андрей увидит запись, когда она попадет в сеть.

Режим сушки придает мне сил и дарит крохи

бодрости. Я покидаю душевую кабину другим человеком и бегу в свои апартаменты. Мне срочно нужен кофе. Горячий и крепкий. Пара чашек должна превратить меня из ходячего мертвеца в жадного до жизни человека.

Падаю в кресло и первую чашку выпиваю залпом. Вторую смакую, вкушая божественный напиток маленькими глоточками, как Шувалов — коллекционный коньяк. Сообщений от Трубецкого прибавилось. Отвечаю ему, что меня выдоили досуха, и я измочален. Пусть у парня фантазия поработает.

Все прочие личные сообщения и многочисленные комментарии к моей персональной странице я не читаю. Пресс-служба Рода знает свое дело, и я вряд ли смогу с ней сравниться. Впрочем, кое-что интересное в этом мусоре все же есть.

Стихи. Их я не перепутаю ни с какими другими. Черноокая богиня по имени Кара читала мне их в посольстве Темных, а затем… Вспоминая ту ночь, я ощущаю легкое возбуждение, которое сменяется предвкушением.

Отправляю в ответ приватное сообщение, в котором содержится всего лишь одна фраза: «Стихи нужно читать под луной на тихих улочках Москвы» и отбрасываю смарт в сторону — Великий

Князь уже ждет.

Конибродский почтительно встречает меня и провожает до двери в кабинет Великого Князя. После обретения Дара его отношение ко мне разительно изменилось. Парень понял, что я здесь надолго, и легкая надменность сменилась столь же легким, едва заметным подобострастием.

Шувалов курит сигару, развалившись в кресле и положив ноги на стол. Он облачен в спортивный костюм и футболку. Я застываю от неожиданности — таким я Князя еще не видел.

— Присаживайся, не стесняйся! — приглашает он, не глядя на меня.

Старик занят: он выпускает в потолок семь дымных колец и пронзает их тонким серым копьем. Я терпеливо жду и с вожделением смотрю на поднос с дымящимся кофейником.

— Угощайся! — предлагает Князь, отрешенно наблюдая за распадающимся дымовым миражом. — И завязывай с алкоголем и бабами! Может случиться, что тебе придется сражаться. Прямо с утра. И веселая ночка может обернуться смертью, нелепой и глупой!

Я мог бы сказать, что вчерашняя ночь — часть моего плана по обретению долгожданной свободы, но снова молчу. Молчу и виновато улыбаюсь.

— Девчонки хотя бы того стоили? — спрашивает Князь и, наконец, удостаивает меня вниманием.

— Откуда вы знаете?!

— Ты забыл, что я руковожу Тайной Канцелярией?! — на губах Шувалова возникает ироничная усмешка. — Я знаю о твоих намерениях, еще до того, как они возникают в твоей легкомысленной голове! Не говоря уже о свершившихся событиях!

Старик выдерживает театральную паузу, глядя на мое обескураженное лицо, а потом заливисто смеется.

— Только что Апраксин-старший звонил, — говорит он. — Девчонки ему все доложили: сколько раз, в каких позах и комбинациях, как долго и как страстно…

— Хватит! — резко прерываю его я, лишь разыгрывая раздражение: на самом деле эти уколы ничуть меня не трогают.

— Ладно! — Шувалов тушит сигару и примирительно поднимает руки. — Я просто хотел сообщить тебе, что Апраксин готов отдать за тебя любую из своих дочерей! Или подложить тебе в постель их всех, оптом!

— Хочет внуков с оранжевыми глазами? — уточняю я.

— Да, о твоей особенности он уже знает…

— Скоро подобные предложения посыплются от всех?! — высказываю очевидную догадку я.

— Апраксин, конечно, шутил, но в каждой шутке есть доля правды! — Шувалов подмигивает. — Можешь забыть о нашем уговоре и размахивать членом направо и налево: цвет твоих глаз по наследству не передастся, и твои бастарды не смогут претендовать на членство в нашем Роду.

— А вот это прозвучало обидно! — говорю я, наливая себе следующую чашечку кофе. — Я больше не представляю ценности для Рода?!

— Саша, запомни раз и навсегда: мне нужен ты, а не твоя сперма! — раздраженно отвечает старик, мгновенно растеряв веселость. — Хотя я и не знаю, кто ты есть на самом деле!

— В каком смысле?!

— Твои предположения оправдались: мы нашли еще двух клонов. Точнее, нашли сведения о них в полицейских архивах. Желтоглазого убили три года назад в Ростове, а оранжевоглазого — пять лет назад в Выборге. Первый был мальчиком по вызову, второй — беспризорником и уличным воришкой. Убийства остались нераскрытыми. Выглядели пацаны не на твои восемнадцать лет, а примерно на пятнадцать и тринадцать,

соответственно. Эксгумацию уже провели, завтра приступим к генетическому анализу. Но и без него ясно, что ваш геном совпадает, и все твои выявленные копии рождены примерно в одно время!

— И когда будет результат? — спрашиваю я и отгоняю мысль, что рожден вовсе не женщиной.

— Неделя или около того, — Шувалов пожимает плечами. — Этот результат ничего нам не даст! С его помощью мы все равно не узнаем, как вы все появились на свет!

У меня есть еще семь дней. Максимум — десять. Когда информация о клонах попадет к Главам Великих Родов, меня убьют. Убьют на всякий случай, чтобы нейтрализовать даже призрачную угрозу. И скрыться теперь не получится ни у меня, ни у остальных клонов, если, конечно, они еще живы. Старик это хорошо понимает, потому и дает совет взять от жизни все. От недолгой оставшейся жизни.

— У тебя самого нет предположений?! — интересуется Шувалов и отодвигает от меня поднос с кофе, когда я тянусь за следующей порцией.

— К сожалению, я не помню, как появился на свет! — дерзко отвечаю я. — И никаких версий, кроме рождения близнецов у меня нет. Если у

моих детей будут глаза, как у их матерей, почему радужки близнецов не могут быть разного цвета?!

— Семеро близнецов с разноцветными глазами?! — с иронией спрашивает Шувалов. — Если они родились в Империи, скрыть такое невозможно. Если родились…

Шувалов обрывает фразу и умолкает. Он отводит взгляд, задумчиво открывает коробку с сигарами, стоящую на приставном столике, достает одну и обрезает ее кончик. Его движения стали медлительны и рассеянны, он явно о чем-то напряженно размышляет.

— У меня есть вопрос, не относящийся к теме нашего разговора, — говорю я, не желая развивать тему собственного происхождения.

— Валяй, — медленно произносит Шувалов, раскуривая сигару и глядя в потолок.

— Посмертные маски Основателей Великих Родов — из чего они сделаны, как и когда?

— Дались тебе эти маски! — ворчит Князь, все так же глядя в потолок. — Ты с Хранителем на эту тему беседовал?

— Да, он коротко перечислил все существующие на сегодня гипотезы…

— И какая тебе пришлась по душе?

— Ни одна из них: все они похожи на сказки или легенды…

— А сам что думаешь?

— Нет версий, — отвечаю я и пожимаю плечами.

— Подброшу тебе еще одну, — старик опускает взгляд и пристально смотрит мне в глаза. — Это страшная ересь, передававшаяся из уст в уста от отца к сыну, но после гибели всех Глав Великих Родов, кроме меня, о ней знаю только я.

Снова театральная пауза, и снова задумчивый взгляд.

— Это конструкты, созданные Разделенным, — шепчет старик, испуганно оглядываясь. — Лики Апостолов — Основателей Великих Родов, оставленные на память грядущим поколениям. В них перетекли семь частичек души Разделенного Бога после смерти его сыновей!

Неожиданно Шувалов улыбается во все тридцать два зуба и начинает громко и заразительно смеяться.

— Ты купился! — весело произносит он. — Не будь столь серьезен — это всего лишь легенда! Я изучил маску вдоль и поперек и не обнаружил ничего необычного! Просто кусок сверхпрочного стекла! Еще не создан конструкт, который не

распался бы в течение нескольких часов, а речь идет о веках!

Я киваю и улыбаюсь шутке старика, с замиранием сердца вспоминая тысячи иголочек, впивающихся в кожу, и безудержное желание слиться с этими самыми кусками стекла, которое испытывал, прикладывая маски к лицу.

Интуиция взвывает сиреной, и я мысленно с ней соглашаюсь.

Мне нужны все эти маски. Я должен ощутить их кожей лица. Каждую оставшуюся. Ощутить и обрести что-то, таящееся внутри древних артефактов.

Глава 14
Долгожданные откровения

Высотка на Каланчевской — единственная, отличающаяся от остальных шести. Вопреки Дворянскому Кодексу и заложенным в него принципам формального равенства Великих Родов, ее расширили примерно вдвое по отношению к типовому проекту. Объяснение простое — красных магов намного больше, чем любых других.

Белокаменная громада устремляется к небу четырьмя острыми шпилями, окружая нас массивными стенами с узкими окнами-бойницами, и я непроизвольно ежусь. Квадрат синего неба над головой так же призрачен и далек, как истинная свобода, о которой я мечтаю.

Мы с Трубецким останавливаемся перед Главным входом, и я с изумлением наблюдаю за снующими туда и сюда красноглазыми аристо разных возрастов.

— Нужно было соглашаться с предложением ехать в Архангельское, — недовольно ворчит Андрей, — но тебе же обязательно маску подавай!

— Буду должен! — примирительно заявляю я и

морщусь от боли в животе. — Когда будем ехать обратно, не сжимай мой живот словно клещами, ладно?

— Да ты вел свой Урал как сумасшедший — я чуть не обосрался, сидя за твоей спиной! — возмущается Андрей. — Обратно поеду на машине — не хочу лишиться башки в восемнадцать лет!

— Ты забыл, что я теперь одаренный, и со мной ты как у Разделенного за пазухой?!

— Как у Темного в заднице, ты хотел сказать…

Двери высотки в очередной раз распахиваются, и на крыльце возникают братья Юсуповы, прилизанные и элегантные. Они облачены в черные приталенные смокинги, белые рубашки и красные бабочки под цвет глаз.

— Говорил же, что нужно костюмы напялить, а из-за тебя приперлись в джинсах, — продолжает нудить Андрей. — Выглядим как сраные бездари без гроша в кармане!

— Ты сегодня искрометен и легок: сама беззаботность и веселье! — говорю я, криво улыбаясь. — Я на такого Трубецкого не подписывался! Вечером пришлю ссылки на порно — тебе нужно срочно сдроч…

— Добро пожаловать, гости дорогие! — приветствуют нас Юсуповы, как обычно, хором.

— Добрый день! — отвечаем мы также хором, реализуя домашнюю заготовку.

— Твоя игра начинается! — шепчет Трубецкой сквозь зубы и широко улыбается в ответ на дружный смех братьев.

— А где статуя Основателя? — спрашиваю я и оглядываю небольшой сквер, разместившийся во внутреннем дворе высотки.

— Сразу быка за рога?! — с улыбкой произносит Радослав. — Она в Архангельском, здесь слишком мало места: после хорошей попойки куста свободного не найдешь!

— Нет, пить я сегодня не буду! — решительно заявляю я, с содроганием вспоминая последствия вечеринки у Апраксина.

— Значит, сразу в музей?! — спрашивает Бореслав. — Пойдемте внутрь!

Мы заходим в холл здания и окунаемся в толпу малолеток, большую часть которых составляют девчонки.

— А можно с вами сфотографироваться? — кокетливо спрашивает одна из них, и не дождавшись ответа, бросается ко мне со смартфоном наперевес.

— Популярность в Телеграфе — она такая, — говорит Трубецкой подмигивая.

— Не завидуй! — поддеваю его я, с грустью оглядывая выстроившуюся ко мне очередь.

В этот самый момент я делаю два вывода. Первый: малочисленный Род — это хорошо, а Род, состоящий из двух человек — еще лучше. Второй: жениться на девушке из Рода Красных или Оранжевых ни в коем случае нельзя — многочисленные родственники могут залобызать до смерти!

Фотосессия длится довольно долго, Юсуповы и Трубецкой терпеливо ждут ее окончания у входа в музей, а я фальшиво улыбаюсь в камеры, вспоминая приютские уроки. Улыбаюсь и гадаю: что журналюги напишут о моих многочисленных фото с юными красноглазыми прелестницами?

— Помаду с правой щеки вытри! — говорит Трубецкой у входа в музей. — Духи великих предков не оценят!

— Как раз предки оценили бы, — возражает Радослав, — своей многочисленностью мы обязаны Основателю, у него было четыре жены и тридцать восемь детей!

— Да уж, ему выпала тяжелая доля, — язвлю я, со скукой осматривая уже привычные гобелены на стенах и портреты пращуров гостеприимных хозяев. — Особенно в процессе их зачатия!

— Он работал как швейная машинка, — поддерживает меня Андрей, и на серьезных лицах Юсуповых, наконец, появляются улыбки. — Если бы все наши предки брали с него пример, большая часть мира управлялась бы цветными, а не Темными, как сейчас!

— Предлагаю тебе начать с себя! — желчно советую я и решительно направляюсь в дальний конец музея, в его защищенную зону.

Я уже знаю, что все ценные экспонаты, в том числе и посмертная маска, находятся там. Юсуповы догоняют меня уже у стеклянной витрины, в которой покоится старинный артефакт. Кроваво-красная полупрозрачная маска освещена яркими лампами под тщательно подобранными углами, отчего кажется, что свет идет изнутри стеклоподобного материала, а не снаружи.

Радослав достает из кармана пульт управления, последовательно нажимает на несколько кнопок, и с потолка опускаются четыре решетки. Они надежно блокируют нас в небольшом пространстве вокруг ценного экспоната, и лишь тогда стекло сдвигается.

— Отец настоял! — равнодушно произносит Бореслав, достает из кармана белые перчатки и протягивает их мне.

— И правильно! — подыгрывает Трубецкой. — От этих бастардов всего ожидать можно!

Шелковые перчатки я надеваю с едва заметной полуулыбкой на лице. Приложив два пальца к губам, награждаю Андрея воздушным поцелуем и поворачиваюсь к витрине лицом. Наверняка служба безопасности Рода снимает меня на множество камер во множестве же диапазонов, но после слов Шувалова о тщательном изучении маски меня это не беспокоит. Судя по всему, свечение на внутренней их стороне вижу только я.

Осторожно снимаю артефакт с подложки и медленно подношу к лицу. Я испытываю такое же волнующее предвкушение, как перед сексом с красивой девчонкой, разнятся лишь последующие ощущения. Матовый материал плотно облегает мое лицо, в кожу впиваются тысячи игл, и меня захлестывает боль, переходящая в наслаждение. Если так передаются те самые легендарные части души Разделенного, я готов принимать их раза по три в день. Вместо секса. Нет, лучше дополнительно.

С сожалением отрываю маску от лица и какое-то время наблюдаю за алыми всполохами, гуляющими по ее внутренней поверхности. Кладу маску на бархат, оборачиваюсь и вижу три

гнусные улыбки.

— Села, как гондон! — замечает проницательный Трубецкой. — У тебя такая довольная рожа, будто ты только что кончил! Если дело сделано, то пойдемте прочь из этого древнего склепа!

К апартаментам братьев мы добираемся почти беспрепятственно. Почти, потому что мне приходится сфотографироваться еще с несколькими страждущими девицами.

— Слухи о твоей помолвке с Романовой сделали тебя мегазвездой рутьюба, — добродушно произносит Радослав внутри их с братом апартаментов. — На улице тебе лучше не появляться!

— Осматривайтесь пока! — добавляет Бореслав с радушной улыбкой на лице, и братья скрываются в своих комнатах.

— Смотреть здесь особо не на что, за исключением одного экспоната! — шепчет мне на ухо Андрей и тащит к двери, расположенной между комнатами близнецов. — Он покруче твоих масок будет!

Трубецкой распахивает дверь, и я вижу в глубине комнаты массивную кровать, которая в ширину в два раза больше, чем в длину. В потолке над ней вмонтировано огромное зеркало, и я невольно краснею, вспомнив свою нынешнюю

спальню.

— Теперь ты точно нежилец, потому что познал главную тайну Империи — кровать братьев Юсуповых! — говорит Андрей с ухмылкой на лице. — Зеркало над кроватью — это еще и телевизор!

— Ты подозрительно хорошо осведомлен! — доверительно произношу я и приобнимаю друга за плечи. — Три плюс три, три плюс два или три плюс один?! Или просто три?!

— Урод! — возмущенно восклицает Андрей, сбрасывает мою руку и уходит вглубь гостиной.

Там он останавливается у книжного шкафа и начинает внимательно изучать переплеты старинных книг. На кончике языка вертится шутка о том, что во время многочисленных визитов к братьям он был так занят, что не удосужился ознакомиться с их литературными пристрастиями, но я благоразумно молчу.

— Не обижайся! — примирительно прошу я, останавливаясь рядом. — Я же шучу!

Трубецкой поворачивается и недоверчиво смотрит на меня. Я открыто улыбаюсь и пожимаю плечами.

— И я тебя не осуждаю…

Мне в лицо летит правый кулак Андрея, я

принимаю удар левой ладонью, а правой рукой хватаю его за шею и прижимаю к себе, чтобы избежать ненужных разрушений.

— А теперь вист, друзья?! — синхронно вопрошают неслышно появившиеся в гостиной братья.

Мы стремительно отстраняемся друг от друга и синхронно же киваем. Юсуповы переоделись в тенниски и узкие бриджи. Настоящие аристократы, патриции до мозга костей! А я и сам дворняга, и на Трубецкого дурно влияю.

Столик для игры в преферанс расположен у окна, выходящего на Москву, но я сажусь к нему спиной и оглядываю помещение еще раз. В апартаментах братьев Юсуповых по-домашнему уютно, хотя дизайн интерьера выполнен в классическом имперском стиле.

Главные увлечения наследников Красных выставлены напоказ: это секс, книги и игра в карты. Впервые задумываюсь о том, что любое мое жилище всегда будет безликим и стерильным, если не считать удобного места за самым современным компьютером.

Преферанс — игра спокойная, даже скучная, не вяжущаяся с моим характером. Но Приют научил многому, и я могу расписать пульку. Но мне не

нужны висты, мне нужны вывернутые наизнанку души наследников Великих Родов!

— Шесть пик! — начинает торговлю Радослав Юсупов и переводит взгляд на брата.

Бореслав, сидящий по часовой стрелке от него, смотрит на нас с Трубецким поверх развернутых карт, которые держит на уровне глаз и медлит с ответом. Видимо, на сильную игру он не надеется, но упускать шанс не хочет.

— Пас, — с сожалением говорит он и переводит взгляд на меня.

— В задницу Темного эти карты! — восклицаю я и бросаю их на зеленое сукно рубашками вниз. — Поговорите со мной! Спросите, как мне жилось в сиротском доме, как прошло мое детство, на что я дрочил, что чувствую, оказавшись в вашем кругу, как сосут дворовые девки и дерутся дворовые пацаны?! Спросите — чем живут бездари?! Почему вы делаете вид, будто я с вами одного круга и всегда ему принадлежал?! Что вам от меня нужно на самом деле?!

Говоря все это, я не отрываю взгляд от лица Андрея, потому что в первую очередь мне нужна его откровенность. Главное — не переборщить, чтобы все не свелось к драке с этими тремя парнями, как это уже было во дворце Воронцовых.

— Ты ведешь себя также! — отвечает Радослав с ледяным спокойствием в голосе. — Ты тоже не задаешь подобных вопросов! А мы все подстраиваемся! Все, за исключением Апраксина!

— И с чего ты взял, что нам интересна твоя прежняя жизнь? — искренне недоумевает Бореслав. — Твоя и таких же плебеев, как ты…

Он осекается и смущенно замолкает. В его устах эта оговорка звучит оскорблением. Звучит в тысячу раз обиднее, чем тысячу раз произнесенное Трубецким слово «бастард». Неожиданно приходит осознание, что за такое я могу вызвать на дуэль. И осознание приходит не только ко мне. Трубецкой встает из-за стола и картинно кланяется застывшим в оцепенении Юсуповым.

— Спасибо за гостеприимство и разрешите удалиться! — холодно произносит он и кладет руку мне на плечо. — Нам нужна была только маска! Все остальное неинтересно! Пойдем отсюда!

Андрей все испортил. Расстроил очень нужный мне разговор и разрушил все планы. А еще вызвал у меня чувство благодарности. Это и есть настоящая мальчишеская дружба, Тьма ее забери! Дружба, о которой я мечтал, и которой у меня никогда не было!

Я еще могу вырулить, могу обратить все в шут-

ку, вернуть разговор в нужную канву, но это будет разговор втроем — Андрея я потеряю. Причем, навсегда.

Еще одно правило в новом «Кодексе Агента» звучит просто и очевидно: «Настоящая дружба превыше всего!».

Я встаю со стула, киваю братьям и молча выхожу из апартаментов вслед за Трубецким.

— Я не спал с этими уродами! — горячо заявляет он мне, как только двери лифта закрываются за нашими спинами. — Ни втроем, ни с девками!

— Гребаный аристо!

— Гребаный бастард!

— Спасибо, Андрюха! — благодарю его я и заключаю в крепкие, неуклюжие объятия, игнорируя сопротивление. — Спасибо, друг!

Мы выходим из высотки, садимся на байк, и Трубецкой снова сжимает меня клещами и прижимается к спине, дрожа от страха на каждом крутом повороте. Сильнейший боец, сильнейший же одаренный в будущем и борец с Темными, разрази его Тьма!

Мы едем не в ресторацию, а в тихую кофейню на Никитской. Мы хотим поговорить, а не напиться. Я все же пробил стену молчания, хотя бы одну.

Столик в полутемном приватном углу заве-

дения настолько мал, что расстояние между нашими лицами на грани комфортного минимума. Глядя в синие глаза Трубецкого, я рассказываю ему все. Рассказываю о выборгском сиротском доме, о Приюте, о своей прежней миссии, о том, как познакомился с Шуваловым и даже о том, что Андрей мог бы стать моей целью. Рассказываю о Темном Кристалле в подвалах Александровского Дворца, о встрече с могущественным Темным и Светлым, рассказываю о трех Осколках и таящимся во мне Темном начале.

На душе становится так легко, будто я сбросил с груди непомерную тяжесть, гнувшую меня к земле последние недели.

— А еще я не хочу быть Императором и мужем Романовой! — добавляю я вишенку на торт и, выговорившись окончательно, принимаюсь поглощать вкуснейшие кофейные эклеры.

— Саша, моя сестра не любит тебя! — нехотя выдавливает из себя Андрей, окатывая меня ушатом ледяной воды. — Если ты отвергаешь Наталью ради нее, то совершаешь большую ошибку! Она вообще никого не любит! И покойного Воронцова не любила — это была лишь юношеская страсть! И ты тоже ее страсть, не более того!

Я услышал то, что и сам осознавал, Андрей

лишь закрепил мои догадки. К собственному удивлению, я не расстроился. Даже наоборот, как будто освободился от мягких, но крепких оков и вздохнул свободно.

— Я отвергаю Романову не ради Ольги, а ради себя! — признаюсь я. — Я даже страсть к ней не испытываю, несмотря на ее красоту! Разве что по пьяни или от тотального недотраха!

Какое-то время Трубецкой молчит, переваривая услышанное, а затем его прорывает, и слушателем становлюсь я. Через час я знаю о нем все. Андрей рассказывает о своем детстве, о сложных отношениях с отцом, который с детства учит их с сестрой быть холодными и расчетливыми мразями, о том, что у него никогда не было настоящих друзей и настоящей любви. Княгиня Воронцова и немногочисленные случайные связи не в счет, потому что это страсть, но никак не любовь.

Он рассказывает о плачевном положении дел в Империи, постоянных дрязгах между Главами Великих Родов, о тайном засилье Темных в России и реальной опасности, которая угрожает стране из-за рубежа тоже от Темных, но гораздо более могущественных и коварных.

И я верю ему: мой Темный дар подтверждает, что парень говорит правду. Он знает все это,

потому что является частью системы, и видит ее недостатки изнутри. Я верю словам Андрея больше, чем официальным источникам, Великому Князю Шувалову, Шефу Приюта, и всем Темным и Светлым, танцующим вокруг меня с бубнами и зазывающим в свои ряды.

— Я хочу быть Императором! — добавляет он, выговорившись и переведя дух. — Империю нужно перестроить, потому что у нас есть единственный шанс ее сохранить: производить больше современного оружия! Больше ракет, самолетов и кораблей! Если у нас будет десять тысяч баллистических ракет, сюда не сунется ни одна тварь, потому что никакая магия не поможет их обезвредить! Политика сдерживания — единственный шанс остаться на плаву и сохранить национальную идентичность! А избавившись от опасности извне, можно будет приступить к ликвидации опасности изнутри — начать процесс выравнивания в правах одаренных и бездарей! В Приюте вам говорили о том же, и это, действительно, нужно делать! Вопрос лишь в сроках и правильных методах!

— А с отцом ты это обсуждал? — спрашиваю я и одновременно размышляю о том, можно ли такие сентенции озвучить Шувалову.

— Очень аккуратно, в рамках обсуждения школьного курса истории! — отвечает Андрей и его взгляд наполняется неподдельным разочарованием. — Старики ничего не понимают! Они слишком озабочены цветом глаз наследников, балансом Силы между Родами и ослаблением друг друга! А Темные за нашими границами не разделены по Родам и не контролируют все сферы экономики, как у нас! Их общества гораздо стабильнее!

— А Романова? — осторожно спрашиваю я. — Ты ее любишь?

— Да! — наконец, признается Андрей.

— А почему все еще не подкатил — ты же ее с детства знаешь?!

— Романов бы меня убил, — нехотя признает Трубецкой. — Он никому не позволял, не только мне. Разрешил лишь тебе, поощрял даже, и теперь понятно, почему…

— Даже если он скрытый Темный, не думаю, что он предатель…

— Дело не предательстве, — возражает Андрей. — Есть еще один путь спасения страны от прямого завоевания…

— Посадить на Престол Темного и постепенно сменить элиту, сделать ее своей для соседних

Империй? — высказываю очевидную мысль я.

— Именно! — горячо кивает Андрей и смотрит на меня, сузив глаза и сжав губы. — И если я буду вынужден делать выбор между тобой и Россией…

— Я не стану Императором, — перебиваю его я. — И выбор этот делать не придется! План таков…

Глава 15
В роли мавра

Мы с Трубецким просидели в кафе до позднего вечера и безостановочно говорили, видимо, наверстывая упущенное. Он сопротивлялся моему плану столько, сколько мог, но в итоге уступил. Да и сопротивление его было продиктовано скорее неверием в успех, чем нежеланием в нем участвовать.

Разговор мы продолжили у него дома, а ночью, за то недолгое время, пока я спал в одной из гостевых комнат, Андрей окончательно обдумал мое предложение, просчитал возможные риски и теперь, поздним утром, рвется в бой даже сильнее, чем я сам.

— По-моему, я выгляжу как неопытный охранник! — возмущается он, внимательно разглядывая в зеркале собственное отражение. — Ненавижу эти классические костюмы!

— Мы оба так выглядим, — возражаю я, невозмутимо попивая кофе, сваренный чудо-кофемашиной Трубецкого, которая стоит целое состояние. — Меня больше волнуют наши невыспавшиеся

рожи: незачем было всю ночь слушать музыку и орать караоке!

— Ну, да — тебе бы только с бабами трахаться, — язвит Трубецкой, поправляя галстук. — А нужно заботиться о душе! Наши отекшие лица с черными кругами под глазами как нельзя лучше подходят моменту: мы едем проведать друга, находящегося при смерти!

— А ты циник!

— Причем прожженный! — самодовольно заявляет Андрей и поворачивается ко мне. — Может, заедем к тебе, и ты наденешь свой костюм?

— На мне и твой сидит практически идеально, — возражаю я: ехать в Шуваловскую высотку мне не хочется от слова совсем.

— Костюм синий! — продолжает убеждать меня Трубецкой. — А ты из рода Фиолетовых!

— Насрать!

Я встаю с кресла, подхожу к Андрею и становлюсь перед зеркалом.

— Если я надену синие линзы и немного изменю прическу, то вполне могу сойти за тебя! Или ты — за меня!

— Нет уж! — возмущенно произносит Андрей. — Мне позора в Царском Селе хватило!

— Ладно тебе! — я хлопаю друга по плечу. — Ес-

ли бы к тебе пришла Аллочка, а не Бестужев, ты бы пел совсем другие песни!

— Тьма меня забери! — восклицает он принюхиваясь. — У нас даже парфюм одинаковый!

— Мы едем или так и будем у зеркала крутиться?! — нетерпеливо спрашиваю я.

В Кремле нас уже ждут. Гвардия предупреждена, Службы Безопасности все согласовали, и потому контроль мы проходим быстро. Бестужев-младший встречает нас у входа в скромную квартиру Цесаревича и, поздоровавшись, приглашает внутрь. Его взгляд холоден и отрешен, он смотрит на меня столь же спокойно, как и в прошлый раз, хотя совсем недавно я едва не отправил его отца на тот свет.

Мы идем по уже знакомому мне коридору, и я наблюдаю, как Трубецкой вертит головой и удивленно разглядывает дешевые интерьеры, никак не вяжущиеся с привычным Кремлевским пафосом. Он явно здесь еще не был и не предполагал, что Наследник Престола живет простецки, словно заурядный бездарь.

В бывшей гостиной все также толпятся чиновники и врачи, только охранников стало больше. К рядовым гвардейцам добавили пару зеленоглазых магов, сидящих в креслах по обе стороны

от двери в спальню. Они на мгновение отрываются от чтения газет, обводят нас с Трубецким скучающими взглядами и кивают Бестужеву — проходите, мол.

— Алексей Николаевич без сознания, — тихо сообщает Бестужев, открывая дверь. — Надолго не задерживайтесь.

Мы заходим внутрь, и я вздыхаю с облегчением: ни царственной бабки, ни царствующей матери в спальне нет, у кровати стоит лишь Наталья. Она выглядит расстроенной, усталой и немного растерянной. На ней темно-зеленый, почти черный кринолин и короткая вуаль. У меня возникает ощущение, что траур в Кремле уже идет, просто о нем еще не объявили.

— Привет, мальчики! — тихо произносит Наталья. — Я очень рада, что вы приехали!

Мы приветствуем ее в ответ, и Трубецкой бросает на меня укоризненный взгляд. Правда состоит в том, что мы явились не к Цесаревичу, а в музей Рода Зеленых, и моего правильного во всех отношениях друга от этого немного коробит. Мы неловко топчемся в дверях, понимая, что формальные аристократические приветствия сейчас не к месту и не ко времени, но как нужно себя вести, не понимаем.

— Как он? — спрашиваю я, подходя к кровати и обводя взглядом многочисленные аппараты жизнеобеспечения — с момента моего прошлого визита сюда их стало намного больше.

— В сознание так и не приходил, — сдавленно отвечает Наталья и опускает плечи, сразу становясь меньше.

Я делаю знак растерявшемуся Трубецкому. Спохватившись, он подходит к убитой горем девушке и обнимает ее за плечи. Она кладет голову на плечо Андрею, и я поспешно отворачиваюсь. Опускаю взгляд на плохо освещенное лицо Алексея и невольно вздрагиваю. Былая красота поблекла, и я вижу перед собой бледного мертвеца с оплывшими и заострившимися чертами лица.

Я так и не смог понять, что случилось тогда в Царском Селе. Почему Темные напали на дворец, наверняка зная, что Цесаревич — один из них? Почему еще один Темный вместо того, чтобы задержать меня или убить, отправил Цесаревичу на помощь? Наконец, почему Темный Романов пытался спасти всех остальных от нападения Темных же?

— Останешься со мной?! — тихо просит Наталья Андрея. — Я так устала от одиночества! Хочу,

чтобы все было как в детстве — только ты и я!

— Конечно! — с готовностью соглашается Трубецкой и обнимает Наталью за талию.

Мавр сделал свое дело, мавр может уходить! Я ликую и пытаюсь придумать предлог, под которым покину эту богадельню, но на помощь приходит Наследница Престола.

— Саша, ты не будешь возражать, если музей тебе покажет Князь Бестужев? — спрашивает она.

На самом деле она испрашивает у будущего мужа разрешение остаться наедине с Трубецким, и мы понимаем друг друга с полуслова.

— Нисколько! — отвечаю я. — Желаю выздоровления твоему брату и максимального спокойствия тебе!

Я целую руку Наталье и крепко жму Трубецкому, внимательно глядя в его синие глаза. В моих фиолетовых горит ярко-красная надпись: «Не просри эту возможность!», и я надеюсь, что друг ей внемлет.

Из спальни, превратившейся в усыпальницу, я выхожу с облегчением. Цесаревич не был моим другом, судьба свела нас всего на несколько дней, а Наследником Престола руководил корыстный интерес. Конечно, по-человечески мне его жаль, но не более того. Я не привык себя обманывать.

А вот кому по-настоящему плохо, так это Бестужеву-младшему. Он встречает меня в дверях, бросает быстрый взгляд на кровать Цесаревича, и его лицо мрачнеет. Мой Темный Дар безошибочно определяет его состояние: парня накрыло вселенское горе, и он держится из последних сил.

Быть может, Романов был для него чем-то большим, чем просто другом? Или я всегда мечтал о настоящей дружбе, но так и не понял, что это такое? И стал циничным ублюдком, которого из меня лепили в Приюте последние десять лет?

— Наталья Николаевна сообщила, что в музей мы сходим с вами! — сообщаю я ему официальным тоном, играя на немногочисленную публику.

— Почту это за честь! — также официально отвечает он, с трудом оторвав взгляд от закрывшейся двери.

Обратно мы идем тем же маршрутом, которым пришли. Говорить не хочется ни мне, ни Бестужеву, и я нарушаю молчание уже в машине, которая везет нас в Оружейную палату.

— Прости, что покалечил твоего отца! — извиняюсь я, внимательно наблюдая за его реакцией.

— С ним все в порядке, — отвечает князь, — а

вот Алексей со дня на день умрет…

Он замолкает, потому что к его горлу подступает ком, а из глаз текут слезы. Я впервые вижу, как большой и сильный мужчина ревет, словно маленький ребенок. Смотрю на его заплаканное лицо и не знаю, что делать и что говорить.

— Ты должен это пережить! — выдавливаю из себя я, наклоняясь вперед и сжимая плечо Бестужева. — Я знаю, что Наталья очень нуждается в тебе!

Замолкаю, потому что говорю не то, и не так. Замолкаю и молча смотрю в зеленые глаза Князя. Слезы начинают течь сильнее, губы — дрожать, а грудь — сотрясать глухие рыдания.

Тьма меня забери! Сажусь рядом с парнем и приобнимаю его за плечи. В утешители я не гожусь, это факт. Развеселить или покуражиться — это запросто, а вот проявлять сострадание не умею. Не научили, потому что для любого агента это кандалы. В идеале агент вообще должен быть социопатом, но, Слава Разделенному, до социопатии мне столь же далеко, сколь и до полноценной эмпатии.

Лимузин останавливается у входа в Оружейную палату, но мы не выходим из машины. Бестужев приводит себя в порядок, и я чувствую, что парню

стало легче — он выплакался. Выплеснул горе, тяжестью которого не мог поделиться ни с кем.

— Спасибо! — тихо произносит он и смотрит на меня привычным холодным взглядом.

А затем открывает дверь и выходит из лимузина. Я следую за ним, и мы останавливаемся перед желто-белым фасадом трехэтажного здания, подобных которому в Москве тысячи. Невзрачное оно только снаружи, внутри собраны самые ценные сокровища правящих династий Империи. В детстве я сбежал от преподавателей сиротского дома сразу после посещения именно этого музея.

Из-за состояния Наследника Престола Кремль закрыт для туристов, и мы с Бестужевым гуляем по пустынным залам вдвоем. Я рассматриваю творения древних мастеров, которые, честно говоря, особого интереса не представляют. Сотню лет назад среди них случайно обнаружили могущественнейший артефакт, созданный еще при жизни Разделенного, но вряд ли мне выпадет такая же удача, и потому я неспешно перехожу от витрины к витрине, делюсь впечатлениями и постепенно втягиваю обычно молчаливого Бестужева в разговор.

Когда мы заходим в зал парадного оружия, парень на время забывает о терзающем его горе, и

в его глазах разгорается неподдельный интерес. Мне скучно, но я поддерживаю беседу. Иногда даже мнение о том или ином клинке высказываю, хотя, честно сказать, драться умею только на кинжалах. Агентам не нужны двуручные мечи, их сложно спрятать на грудной перевязи, на бедре или в паху, в отличие от миниатюрных клинков.

В зале артефактов скука поглощает меня окончательно. Смотреть на тысячи пустых безделушек и читать о том, что с их помощью творили в прошлом наши беспринципные, но героические предки неинтересно. Я машинально следую за не на шутку увлекшимся Бестужевым и держу пальцы скрещенными за Андрея.

Коллекция подарков Темных немного оживляет мой интерес, но их артефакты и оружие практически не отличаются от наших, что и понятно, потому что жесткое размежевание цивилизаций произошло относительно недавно.

Историческая одежда поражает не роскошью и вычурностью, а прежде всего размерами. Мысленно я ставлю себя на место молодого аристократа, которому досталась в жены бабища в три раза шире его, и гадаю — смог бы я выполнить с ней супружеский долг или нет. Да еще и не один раз! А ведь выполняли, иначе бы нас в

природе не существовало! Хочется взять золотой, украшенный драгоценными каменьями кубок из витрины, наполнить его хорошим вином и махнуть за непоколебимое здоровье предков, не испорченное утонченными порнографическими изысками.

К залу, в котором собраны государственные регалии, я похожу в твердом убеждении, что сделал правильный выбор и мой план прекрасен. Все, что связано с государством и его управлением, мне неинтересно. Ни в ретроспективе, ни в настоящем, ни в будущем. А социология и экономика — особенно. Вчера вечером, слушая увлеченные комментарии Трубецкого о проблемах во всех сферах экономики страны и разглядывая громоздкие графики и таблицы, я радовался, что скоро буду от этого далек. Если выживу.

Управление Империей — не мое, в этом нет никаких сомнений!

Увлеченный собственными мыслями, я не сразу замечаю, что мы оказываемся в небольшом зале, где собраны регалии нынешней правящей династии. Вокруг меня щедро рассыпано золото, изумруды, зеленая эмаль всех оттенков и зеленые же шелка.

— Мы у цели, — сообщает Бестужев и кивает на

небольшую витрину, столбиком возвышающуюся в центре зала.

Я иду прямо к ней, игнорируя сверкающее великолепие вокруг. Останавливаюсь у оливковой полупрозрачной маски, покоящейся на темно-зеленом бархате, провожу пальцами по стеклу и вопросительно смотрю в глаза моего верного сопровождающего.

— Ты хочешь ее вытащить? — удивленно уточняет Бестужев, и я невозмутимо киваю.

— Один момент! — с готовностью произносит он, достает из кармана телефон и кому-то звонит.

Чтобы убить время, я блуждаю среди экспонатов, любуюсь портретами многочисленных зеленоглазых предков Романовых и думаю о следующих двух посмертных масках — голубой и желтой. С Воронцовыми мне поможет Трубецкой: нужно будет поспешить, пока договоренности о его помолвке с Еленой в силе. А вот что делать с Нарышкиными — ума не приложу. Наверное, придется просить о помощи Шувалова.

— Добрый день, Ваша Светлость! — меня приветствует похожий на колобка невысокий мужчина, вкатившийся на коротких ножках в зал. — Анисим Петрович Бабушкин, директор

оружейной палаты, к вашим услугам!

Его лицо расплывается в улыбке, отчего глубоко посаженные глаза окончательно тонут в складках кожи лица, а на покрасневшей лысине выступают крупные бисеринки пота. Несмотря на солидные размеры, он явно относится к тому типу людей, которые влезают в любую, даже самую узкую задницу без мыла.

— Добрый день, Анисим Петрович, я хотел бы подержать в руках посмертную маску Основателя Великого Рода Романовых, — надеваю на лицо самую располагающую улыбку и склоняю голову.

— Как можно, Александр Игоревич! — толстяк по-бабьи всплескивает руками и закатывает глаза. — Это даже студентам и ученым запрещено, а вы — всего лишь…

Непроизнесенное слово «бастард» колобок проглатывает, и пылкий румянец уступает место мертвенной бледности.

— Игорь Всеволодович должен был вас предупредить! — мои брови взмывают вверх, а губы превращаются в тонкую, режущую взгляд линию. — Но если он этого не сделал, я ему напомню…

Достаю из кармана смарт и делаю вид, что собрался сделать звонок.

— Не стоит, князь! — поспешно заверяет меня

Анисим Петрович, достает телефон и кому-то звонит.

С невидимым собеседником он разговаривает властным, привыкшим повелевать голосом, и вызывает у меня чувство омерзения. Уже через минуту к нам подбегает пара старушек божьих одуванчиков, одна из которых протягивает мне белые перчатки, а другая — открывает витрину маленьким блестящим ключом.

— Сигнализация отключена?! — на всякий случай уточняю я, не желая стать героем очередного скандала.

— Не извольте беспокоиться! — заверяет меня колобок елейным голоском, предано глядя в глаза, словно собака.

Я неспешно надеваю перчатки, сдвигаю стекло и аккуратно беру маску в руки. Внимательно рассматриваю ее, держа в поле зрения старушек, следящих за каждым моим движением, словно цепные болонки.

Я резко прикладываю маску к лицу, уже зная, что сейчас испытаю, но происходящее далее выходит за рамки моего воображения. Я закрываю глаза, ощущаю привычные уколы кожи, боль, переходящую в сладкую истому, а затем меня хватают за голову цепкие старушечьи пальцы.

Бабки срывают маску с моего лица, она вываливается из их рук и падает на пол. Все происходит медленно, как будто во сне, и, прежде чем спасти древний артефакт, я замечаю выражение искреннего удивления в глазах Бестужева, и невообразимого ужаса на лице Анисима Петровича.

Я окружаю маску конструктом в десятке сантиметров от пола, дергаю его к себе, как учил Шувалов, и маска снова оказывается в моих руках. Я аккуратно кладу ее на темно-зеленый бархат, виновато улыбаясь старушкам, и замечаю в их глазах неподдельный религиозный экстаз.

Прежде чем закрыть стекло витрины, я внимательно разглядываю маску. В том, что это древний конструкт, я больше не сомневаюсь. В момент контакта с Фиолетовой Силой, на его гладких обводам вспыхнули ярко-белые всполохи.

Глава 16
Долг крови

Я наконец-то выспался и теперь скучаю. Листаю Телеграф, привольно развалившись в мягком кожаном сидении лимузина, который везет меня на Имперский Полигон. За окнами мелькают зеленые пригороды столицы, но мне нет до них дела — я бы с удовольствием провалялся весь день в постели и смотрел сериалы. Драматические, а не про бесстрашных супер-аристо.

Лента мессенджера тоже скучна. Трубецкой пропал с радаров и не появлялся в сети с момента нашего расставания, его сестра традиционно меня игнорирует, а больше в этом серпентарии аристо нет ни единого человека, с кем мне хотелось бы пообщаться. Великий Князь — не в счет, но он занят изучением внутренних донесений, и разговаривать не склонен.

Телеграф — та еще помойка. Если верить ему, то я занимаюсь сексом без остановки на перекус, туалет и сон. Трое из красноглазых малолеток, с которыми я фотографировался в высотке Апраксина, написали, что переспали со мной, и это

было волшебно, а количество сообщений от бесцветных девушек, предлагающих заняться сексом, вообще не поддается исчислению. Фотографиями обнаженных девиц я теперь обеспечен до старости, если, конечно, до нее доживу.

Собираюсь закрыть приложение, но вспоминаю про стихи. Проверяю разговор и вижу новое сообщение от таинственной незнакомки: «Приходи в клуб 'Темная ночь» в семь вечера. Твоя К.

— Пришли результаты генетической экспертизы, — сообщает Шувалов, отвлекая меня от сладких грез. — С вероятностью 99% у тебя и двух обнаруженных парней одни и те же родители, что и требовалось доказать. Если мы обнаружим еще одного или двух — результат будет таким же!

— И что вы на этот счет думаете? — спрашиваю я, чтобы поддержать беседу.

— Ничего не думаю! — ворчит Великий Князь. — Если бы не ваши разноцветные глаза, то решил бы, что мы имеем дело с экстракорпоральным оплодотворением и рождением всех вас несколькими суррогатными матерями!

— Экстра что?!

— Искусственное оплодотворение, — язвительно произносит Шувалов. — На примере пестиков и тычинок рассказать?!

— Не стоит, но мне кажется, что естественное не только проще, но и приятнее!

— Это не самое интересное! — заявляет Шувалов, складывает газету и с торжеством смотрит мне в глаза. — Твой отец — кто-то из нашего рода, а вот мать… Мать не принадлежит ни к одному Великому Роду Российской Империи!

— Бесцветная, значит?

— Нет! — Князь отрицательно качает головой. — Темная!

Тьма меня раздери! Популярных романов, пьес, спектаклей и фильмов о запретной любви Темных и Цветных — тысячи, со многими из них я знаком, но никогда не думал, что окажусь героем одного из них!

— Сам факт ни о чем не говорит! — задумчиво произносит Шувалов, откладывая папку с донесениями на сидение. — Но, когда его предадут огласке…

— Мне нужно будет бежать в Истамбул?

— Тебе нужно будет бежать и от Темных, и от Светлых, потому что для всех ты лишь наполовину свой, а наполовину — чужой, которого следует уничтожить!

— И каков план?

— Сражаться за свою задницу и доказывать

всем, что Тьмы в тебе нет! Ты же помнишь, что Шуваловы не сдаются?!

Я и не собираюсь сдаваться! Я планирую бороться за свою жизнь до последнего вздоха, но мне нужны еще две маски, доступ к Темному Кристаллу и, возможно, к Светлому. А главное — мне нужна информация о себе, которую получить не у кого.

— Почему вы не сделали генетический анализ раньше? — зло спрашиваю я. — Почему не проверили мое происхождение сразу?

— Подозревал, что вылезет какое-нибудь дерьмо вроде этого, — Великий Князь пожимает плечами, и на его устах возникает усмешка. — Я разве не говорил, что мне нужен ты?! Именно ты, с любым набором этих долбаных генов? Или ты уже жалеешь о том, что согласился на мое предложение войти в наш Род?!

Жалею ли я?! Своим вопросом старик застал меня врасплох. Полез бы я во всю эту кутерьму, если вернуть время назад, или сбежал бы куда-нибудь во Владивосток? Прикинулся бы сероглазым, подыскал себе непыльную работенку, встречался бы с парой или тройкой симпатичных девиц одновременно и жил в свое удовольствие! Без интриг, смертельных опасностей и вечного хож-

дения по грани! Вполне возможно, что все мои найденные братья или клоны избрали именно такой путь, и уже кормят червей, а я все еще жив.

— Главное, чтобы вы не пожалели! — наконец, отвечаю я.

— Мне слишком много лет, чтобы жалеть о сделанном, — произносит Князь со вздохом. — В таком возрасте больше жалеют о несделанном!

Лимузин замедляет ход, а затем въезжает в открывшиеся кованые ворота с императорским гербом на створках. Шурша шинами, машина едет по тенистой аллее, больше напоминающий густо заросший парк, нежели военный полигон, и я открываю окна. В салон врывается свежесть летнего утра, и насыщенный кислородом воздух пьянит, будто шампанское. Я закрываю глаза от наслаждения и выбрасываю из головы суетные мысли. Хочется жить здесь и сейчас, не думая о каждом завтрашнем дне, и пить жизнь, словно пьянящие ароматы летнего леса.

Автомобиль выезжает из густой тени вековых деревьев и останавливается перед огромным лугом, который простирается до видимых границ горизонта. Асфальтированная дорога заканчивается небольшой круглой площадкой, окруженной невысокими белыми столбиками. Выхожу из

лимузина и следую за Великим Князем, который останавливается спиной к лесу и лицом к морю травы.

— Нейтральный белый? — спрашиваю я, указывая взглядом на столбики.

— Да, чтобы не возникало пустых обид, — подтверждает очевидную догадку Князь. — Сюда приезжают члены всех Великих Родов, и Корона проявляет уважение к каждому. Кстати, за границу асфальта лучше не заступай — если что-то пойдет не так, защитный купол сработает только здесь! Ударишь ты, скажем, Волной, а она возьми, да и вернись обратно, отразившись от древнего артефакта, брошенного под ноги недоброжелателем!

Князь говорит совершенно серьезно, не прибегая к привычной иронии и сарказму.

— Это реальный случай?

— Конечно! — Шувалов кивает. — Поинтересуйся у своего друга Трубецкого, как погиб его прадед! И доверяй только себе, особенно в свете последних новостей!

— Хорошо! — я киваю, соглашаясь со стариком.

Не хочу доказывать мудрому Великому Князю, что Андрею можно доверять, не хочу объяснять, что доверять нужно хотя бы кому-то, если не

хочешь на старости лет остаться в полном одиночестве, как он сам.

— Сегодня ты увидишь, на что будешь способен уже скоро и опробуешь свои способности без ограничений, — говорит Князь, и в свете яркого солнца я замечаю легкий налет грусти на его лице. — Обычно наследники получают подобный опыт через несколько лет после Инициации, но нас поджимают обстоятельства. Смотри и не выходи за пределы площадки!

Великий Князь подходит к ее краю, вздымает руки вверх, словно дирижер, и начинает совершать ими ритмичные пассы. Сначала мне кажется, что ничего не происходит, а затем я замечаю легкую дымку, струящуюся над землей, и опускаю взгляд долу.

Гигантское, простирающееся до самого горизонта полотнище выжженной солнцем травы шумно колышется, напоминая океанские волны. Точнее, колышется не трава, а земля, на которой она растет. Земля колеблется, повинуясь неслышимому ритму, который звучит в голове Шувалова, и от этого зрелища бросает в оторопь.

Великий Князь дергает колоссальное полотнище на себя, затем резко выбрасывает руки вперед, и ближний край верхнего слоя земли толщиной

в пару десятков сантиметров заворачивается наверх. В ушах стоит невообразимый грохот, будто в рыках князя не мягкая почва, а тяжелые камни.

Земля начинает скручиваться в гигантский валик, устремляясь вперед, а я непроизвольно делаю шаг назад. Спецэффекты в сериалах Мосфильма — лишь жалкое подобие реальности, и они не передают и десятой доли реальных ощущений.

Я наблюдаю за увеличивающейся полосой голой земли, за растущим в высоту валом почвы, и впервые в жизни мне становится по-настоящему страшно. Я боюсь не мощи Шувалова или других Великих Князей, я боюсь самого себя.

Шувалов останавливается и оборачивается. Его фиолетовые глаза горят двумя слепящими сапфирами, а на лице блуждает безумная улыбка.

— Это упоительно! — признается старик. — Упоительно и прекрасно! Теперь твоя очередь!

Я внимаю внезапно обрушившейся на нас тишине, нарушаемой лишь беспокойными криками птиц и шумным дыханием Великого Князя.

— Твоя задача — вернуть все в исходное состояние!

— Но как?!

— Погрузись в окружающие тебя безбрежный

океан Силы и ощути себя в нем! Ощути себя крохотной жемчужиной, которую омывают потоки Силы! А затем начинай притягивать их! Изменяй направление натянутых как струны волн и черпай их энергию, накапливая ее в себе!

Я подчиняюсь без раздумий. Просто делаю все, что говорит старик, но мир не поддается моим чарам. Несмотря на все мои усилия, струны непоколебимы, как и все параллельные прямые, лишь Осколок на моей груди нагревается, привычно обжигая кожу.

— Нет! Нет! И еще раз нет! — недовольно восклицает старик. — Ты должен стать частью этого океана! Должен забыть о земле, траве и даже любимых тобой небесах и увидеть мир фиолетовым! Только световые волны — и больше ничего! Только окаймленные фиолетовым цветом фигуры и отбрасываемые ими лиловые тени! Ты должен увидеть силовой каркас мира, а затем ощутить себя его частью!

Меня распирает от желания взорваться, напомнить, что мы даже создание конструктов толком не изучили, но я сдерживаюсь. Сдерживаюсь и снова подчиняюсь. Подчиняюсь и пробую. Пробую снова и снова, пока глаза не начинают болеть от фиолетовой ряби.

— Саша! — раздается вкрадчивый голос. — Не так! Ты не хочешь стать частью пространства, ты не хочешь покориться ему, ты желаешь взнуздать его, взять нахрапом, покрыть, словно непокорную девицу! Это ошибка! Только терпение и ласка! Только нежность и уверенность в себе! Давай!

Закрываю глаза и выбрасываю из головы все лишнее. Оставляю лишь симфонию цвета и фиолетовый огонь, пылающий на груди. Такой же, только гораздо более мощный, горит в нескольких шагах от меня. Это Великий Князь.

Плотные потоки энергии огибают наши тела, и фиолетовые сгустки колеблются, словно капли росы на освещенной луной паутине. Я задерживаю дыхание, сливаясь с фиолетовым океаном, и ощущаю кожей ласковые прикосновения, от которых волоски на руках встают дыбом.

Увеличиваю накал сгустка, и он медленно растет в размерах, становясь чем-то похожим на магнит. Струны сначала выгибаются, создавая вокруг моего огня искрящийся вихрь, а затем рвутся и тонут в его фиолетовой глубине.

Я чувствую чудовищный прилив Силы, сродни тому, который я ощущал на ступенях Храма и в Александровском Дворце. В меня вливаются

безудержные потоки энергии, и я становлюсь частью окружающего мира. Открываю глаза и вижу обещанное Шуваловым — тысячи оттенков фиолетового и лилового, заменяющие собой привычную цветовую матрицу.

Земляной вал впереди сияет от закачанной в него Силы, как гигантский светящийся моллюск на дне океана, и я протягиваю к нему руки. Обращаюсь к щедро закачанной в свернутые пласты земли Силе и тяну их на себя. Тяну, медленно раскатывая исполинский валик, и неожиданно чувствую не отток Силы, а наоборот — ее приток!

На периферии зрения мечется фигура Великого Князя. Он отчаянно машет руками, пытаясь привлечь мое внимание, но ощущения от пронизывающих тело потоков столь сильны и приятны, что я не могу отвлечься. Приятны — слабо сказано, это похоже на усиленный в десятки раз оргазм, длящийся, длящийся и длящийся.

Вал земли разворачивается, медленно уменьшаясь в размерах, а фиолетовый огонь в моей груди растет. Он уже охватывает всю мою фигуру, и я безостановочно черпаю Силу из окружающего пространства, словно пресловутая крыса, которая давила на педаль, стимулирующую центр удо-

вольствия в мозгу, пока не умерла от истощения!

Стоп! Я жму на другую педаль. Жму на тормоз. Разрываю контакт с пронизывающими меня силовыми линиями, и ощущение всемогущества тает. Вместе с ним уходит и невообразимая сладость, которая не может сравниться ни с чем.

Яркая подсветка, окрасившая мир в фиолетовый цвет, тускнеет, небо снова становится голубым, трава — зеленой, и только мечущие гром и молнии глаза Великого Князя остаются ярко-фиолетовыми.

На меня наваливается шум, в сознание проникают обеспокоенные возгласы Шувалова, и я падаю на колени. Смотрю какое-то время в обеспокоенное лицо старика, пытаясь разобрать произносимые им слова по движениям губ, а затем заваливаюсь на спину.

У меня нестерпимый жар. Я лежу на асфальте, который кажется ледяным. Холод проникает в мое тело сквозь одежду, пронизывает плоть и гуляет по костям, заставляя их потрескивать, словно ветки деревьев в лютый мороз.

— Молодец! — кричит старик. — У тебя получилось, хотя ты все сделал не так, как я говорил! Дрянной, непослушный мальчишка!

— Зачем? — спрашиваю я, цепляясь глазами за

белые тучи, медленно плывущие по небу. — Зачем такая спешка — я же еще не готов…

Великий Князь замолкает и склоняется надо мной. Его глаза вспыхивают, и лихорадка мгновенно проходит. Мышцы расслабляются, мысли проясняются, а боль, плещущаяся в каждой клеточке тела, уходит в небытие. Шестым чувством я понимаю, что это был откат после применения Силы.

— Мне осталось очень мало времени, Саша! — тихо произносит старик, и его взгляд наполняется печалью. — Я чувствую это! Высшие одаренные живут в два раза дольше обычных людей, оставаясь активными и энергичными почти до самой смерти, но рано или поздно злодейка с косой обязательно приходит! Предсказать этот момент невозможно, но за пару месяцев до него наваливается старость. Уже через месяц я буду выглядеть, как восьмидесятилетний старик, и задержать или остановить этот процесс не смогут никакие Целители…

Я беззвучно открываю и закрываю рот, словно рыба, вытащенная на берег, и не знаю, как реагировать на слова Игоря Всеволодовича. Я переоцениваю ситуацию, пытаюсь ее пересчитать, пытаюсь понять, как действовать дальше,

но прекращаю попытки — с наскока это делать невозможно.

— Я понял, что время пришло, буквально вчера, это всегда происходит неожиданно, — продолжает старик. — Думал, что у нас в запасе больше времени — как минимум год или два…

— Когда это поймут другие Великие Князья?

— Через неделю-другую, не позже, и мы должны к этому подготовиться!

— К чему именно? — вопрошаю я, не понимая, к чему клонит старик.

— К вступлению в наследство — я объявлю тебя официальным наследником Великого Рода Фиолетовых!

Я вскакиваю на ноги, будто у меня под задницей запылал огонь, и смотрю на старика в полном недоумении.

— Но вы же знаете меня всего месяц! Цвет глаз моих детей не будет фиолетовым! Я — агент Приюта, который должен был вас убить! Я…

Слово «Темный» я проглатываю не потому, что испугался открыться старику. Просто понял, что не могу признаться. Не хочу. Не имею права! За этот гребаный месяц он подарил мне больше искреннего тепла, чем я получил за всю предыдущую жизнь!

— У меня нет цели спасти Род, я хочу спасти тебя, Саша! — устало говорит Великий Князь с грустной улыбкой на лице. — Потом ты сам во всем разберешься и решишь все проблемы, я верю в это! Я верю в тебя!

— Без вас Великие Князья сожрут меня в мгновение ока, будь я даже воплощением Разделенного! — с горечью в голосе заявляю я. — Спасти может лишь женитьба на Романовой, но ценой вхождения в Императорский Род! И Великий Род Фиолетовых канет в лету!

Старик успокаивающе улыбается и подходит ближе ко мне. Он ерошит мои волосы, а затем крепко берет за шею правой ладонью и притягивает к себе.

— Ты — мой внук, Саша, я понял это в тот самый миг, когда увидел тебя в первый раз, когда почувствовал огонь, бьющийся в твоей груди. Я — убил твоего отца, но тебя спасти просто обязан!

Глава 17
Корни родового древа

Тихое кафе в переулке на Тверском бульваре переполнено. Мы с Карой сидим за угловым столиком, отделенном от прочих рядом растений в глиняных горшках, и коротаем время перед визитом в клуб «Белый Шум». Шампанское, морепродукты и легкий флирт настраивают на легкомысленный лад, но я уверен, что это лишь флер, который развеется уже скоро.

— Признайся: ты, действительно, переспал со всеми девицами из твоей ленты в Телеграфе? — спрашивает Кара с усмешкой, и делает глоток шампанского.

— Конечно! — отвечаю я с серьезным видом, внимательно наблюдая за ее реакцией.

— Запиши меня вне очереди — я так и не увидела твоих светящихся глаз во время оргазма! — она улыбается еще шире, и во взгляде нет ни тени ревности или досады.

— Договорились! — я ослепляю Темную белозубой улыбкой и пристально смотрю на девушку, водя пальцами по ободку фужера с шампанским.

— Ты теперь тоже инициирована — чего же ждать мне?!

Я сосредоточил все внимание на прелестной собеседнице и стараюсь не обращать внимания на пялящихся на нас украдкой посетителей кафе. Некоторые даже на камеру нас снимают, и скоро эти видео появятся в Рутьюбе и Телеграфе, но мне все равно: мою репутацию сложно испортить.

— Тебя ожидает сюрприз! — произносит Кара с небольшой хрипотцой в голосе, берет со стола шпажку с морепродуктами и снимает их зубами, засунув в рот почти на всю длину.

Я мог бы признаться, что сюрприза не выйдет, потому что уже спал с инициированной Темной и видел, что в момент оргазма черная радужка растекается по всему глазу, закрывая белок, но благоразумно помалкиваю.

— Предлагаю тост за сюрпризы! — громко говорю я и поднимаю бокал.

Мы чокаемся и осушаем очередные порции шампанского. Я контролирую степень собственного опьянения, будучи уверен, что сегодня меня ждет нечто важное. У меня на груди висит Темный Осколок, а в голове пульсирует тревожное ожидание, которое я не могу облечь в слова.

Кара прилетела из Истамбула. Прилетела,

рискуя собственной жизнью, ибо, несмотря на все заверения властей, ни один Темный в России не может чувствовать себя в безопасности. Как, наверное, и Цветной — за границами нашей Империи.

Девчонка прилетела ради меня. Это столь же очевидно, сколь непонятно, и на ум приходят умозаключения Трубецкого о возможном сценарии мирного транзита власти в России. От цветных к темным. Без единого выстрела и заклинания. Возможно, благодаря моей темной сущности, я один из тех, на кого делают ставку.

— Расскажи мне о своей жизни, — прошу я с максимальной легкомысленностью, на которую только способен.

— Моя жизнь не особо отличается от твоей, — говорит Кара после небольшой паузы. Ты живешь в золотой клетке с волками, а я — с павлинами. Отличие в том, что твои друзья и родственники чаще показывают оскалы зубов, а мои — распускают яркие перья, пряча за ними ножи. У меня нет настоящих друзей и подруг, потому что я дочь могущественного визиря, и все видят во мне возможность подобраться к нему, а не живого человека. А большинство парней даже подойти боится…

— Я не боюсь! — улыбаюсь и подмигиваю. — Почти!

— Я учусь в Стамбульском Университете, изучаю экономику и социологию — хочу стать аналитиком…

— Постой! — перебиваю я. — Аналитиком? Зачем тебе это — ты же Темная?!

— Темные у нас не контролируют весь бизнес, как в России. Больше того: нам нельзя владеть бизнесом — мы можем лишь работать на Империю. Я собираюсь устроиться на работу в Министерство Иностранных Дел, говоря по-вашему…

— А я, значит, твоя практика?!

— Ага, курсовая работа! — Кара запрокидывает голову и заразительно смеется. — Про дипломную даже думать боюсь: наверное, нам с тобой придется пойти под венец!

— А у вас разрешено жить Цветным? — удивляюсь я.

— Конечно! — отвечает Кара. — Только государственные должности занимать нельзя.

— А я должен закончить Императорскую Академию, поступить на военную службу и верно служить отечеству! — сообщаю я, не скрывая горечь. — А еще управлять Родом, многочис-

ленными предприятиями и банками, которые ему принадлежат, и строгать детей. Чем больше — тем лучше!

Насчет детей я привираю, хотя если женюсь на Романовой, то буду заниматься этим на профессиональной основе.

— Императорская Академия?! — задумчиво говорит Кара. — Вас все еще готовят к нападению Темных, о котором сами Темные уже давно не помышляют?!

— Не то чтобы готовят, но эта опасность постоянно витает в воздухе…

— Я, конечно, не пророк, и нашему Президенту в голову влезть не могу, но к военному нападению никто не готовится точно! — убежденно заявляет Кара. — И контакты между нашими Империями возрождаются — я, например, к тебе уже второй раз приезжаю!

— Почему я должен тебе верить?

— Верить или нет — твое дело, — миролюбиво заключает Кара. — Я приехала сюда не для того, чтобы с тобой спорить!

— А для чего же?

— Меня отец попросил: ты же — мой троюродный брат!

Генетический анализ. Слова Шувалова о моей

матери. Моя Темная сущность. Все становится на места, и у меня перехватывает дыхание.

— Что? — восклицаю я и стеклянная ножка бокала в моих пальцах ломается, словно деревянный прутик. — Мы с тобой родственники?

— Ты переживаешь, что мы переспали? — с насмешкой спрашивает Кара. — Даже двоюродным братьям и сестрам можно…

— Не в этом дело! — перебиваю ее я. — Мои родители! Они живы?!

— Нет! — удивленно отвечает девушка, немного помедлив. — Ты ничего о них не знаешь?

— Нет! — почти кричу я. — Ни о матери, ни об отце!

— Твой отец — Игорь Шувалов, сын Великого Князя, а мать — Дениз Кылыч — двоюродная сестра моего отца. Она покончила с собой в девятнадцать лет, после того, как погиб твой отец — и это все, что я знаю!

Я выравниваю дыхание и пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце. Мать подбросила меня в сиротский дом, чтобы спасти от верной смерти. Если бы хоть одна живая душа узнала, что она Темная, меня удавили бы в колыбели. На всякий случай.

— Как она оказалась в России? — уже спокойнее

спрашиваю я.

— Так же, как и я — приехала посмотреть на твою страну изнутри, она собиралась стать историком…

Но встретила отца, который тогда был не старше меня. Случилась любовь, а затем, во время Инициации, отец стал Темным. Наверняка с подачи моей матери…

— Как вы меня нашли?

— Великий Князь Шувалов принял тебя в Род Фиолетовых, а, учитывая что твоим отцом был его сын, сложить два и два было несложно…

Пазл постепенно складывается, его лакуны заполняются, и моя жизнь расцвечивается все новыми и новыми красками. Жизнь, которая похожа на часть саги, которые так любят снимать в павильонах Мосфильма.

— Значит, забота о дальнем родственнике? — язвительно уточняю я.

— Да, но со стороны отца, — заявляет Кара, растянув полные губы в широкую улыбку. — Меня ты интересуешь по иной причине…

— Ты знала о том, кто я в первый вечер нашего знакомства?

— Нет, отец рассказал о тебе уже после моего возвращения…

Меня не коробит от того, что я занимался сексом с троюродной сестрой. Почти не коробит. Хотя, включи Кара Зов, я и сейчас вряд ли устою. Даже зная, все, что знаю сейчас.

— Извини, что испортила чудесный вечер, — виновато произносит Кара. — Я даже не предполагала, что ты ничего не знаешь…

Я пристально гляжу в глаза Каре и пытаюсь понять — лжет она или нет. Моя Темная сущность безмолвствует. Судя по всему, способность определять настроение собеседника действует лишь в отношении бездарей и слабых одаренных.

Я закрываю глаза и очищаю разум. Выбрасываю все суетное и неважное. Выжигаю эмоции и сбрасываю гребаный пазл со стола. Кара ни в чем не виновата. Даже если выполняет задание отца. Она не похожа на прожженного агента Темных, внедряющегося в ряды Цветных через постель одного из них. Она просто девчонка, выполняющая чужие распоряжения. Как, впрочем, и я. Но скоро это изменится.

Я открываю глаза и улыбаюсь. Я больше не буду расспрашивать Кару о своих родителях. И думать о них не буду. Сегодня не буду. К тому же они для меня совершенно чужие люди, как бы цинично это ни звучало. Вопросы нужно задавать Игорю

Всеволодовичу Шувалову, а не османской девчонке, которую я считал принцессой.

— Извини, Саша — не о таком вечере ты говорил мне во время нашей первой встречи! — Кара накрывает своей ладонью мою и обводит глазами уличное кафе, подступы к которому охраняют многочисленные охранники посольства в черных костюмах.

— Давай не будем говорить о моих родителях! — предлагаю я и возвращаю на сцену Симпу, который может работать шутом даже в дни всеобщего траура.

Больше всего хочу узнать, в чем суть сегодняшнего задания Кары. Узнать, что приготовили для меня мои вновь обретенные Темные родственники. Я сдерживаюсь и возвращаюсь к легкому, ничего не значащему флирту, как будто короткого разговора о моих родителях не было.

— Что только не наплетешь красивой девушке в день знакомства, чтобы затащить ее в постель! — шучу я и подмигиваю. — На самом деле примерно о таком вечере я и говорил. Только прогулок и стихов не хватает!

— Так идем же! — Кара хватает меня за руку и вытаскивает из кафе.

Вечером Тверской бульвар прекрасен. Он уто-

пает в зелени деревьев-великанов и достаточно широк, чтобы шум от проезжающих машин не досаждал и не мешал вести неспешную беседу. Кара читает стихи. У нее это получается хорошо, ей нужно не скучную экономику изучать, а литературу и философию.

Мы прогуливаемся по мощеным дорожкам, и я чувствую себя цирковым слоном на выгуле: все аристо пялятся на нас во все глаза, позабыв об этикете. Не каждый день встретишь на улицах Москвы Темную в черном шелковом креолине с открытыми плечами, прогуливающуюся под руку с элегантно разодетым Цветным.

Охранники Кары следуют за нами на почтительном расстоянии, и мы можем общаться свободно, не опасаясь быть услышанными. Меня охранять некому, потому что магов в Великом Роду Фиолетовых раз, два — и обчелся, причем в прямом смысле: Великий Князь и я. Бесцветные же не смогут уберечь меня от гипотетического нападения Темных при всем желании.

— Скажи мне, что ты приехала и ради меня тоже? — спрашиваю я, вклинившись в паузу между стихами великих Османских поэтов. — Ради моих прекрасных фиолетовых глаз?

Я радуюсь наступившей тишине, потому что

даже к русской поэзии равнодушен, а тюркская душна и приторна. Пафос так и сочится из каждой тяжеловесной строки, авторы которых, видимо, считали великого Омара Хайяма крестьянским поэтом, не стоящим внимания.

— Не только ради глаз! — отвечает Кара, вскинув брови, и устремляет взгляд в район моего паха.

— Ты пошла на смертельный риск, приехав в Россию?! — я делаю вид, что не заметил намека.

— Риск не особо велик, если визит согласован на самом высоком уровне, — говорит Кара. — А цель в нашем случае оправдывает любые риски!

— И в чем же она состоит?

Кара останавливает меня, разворачивает к себе лицом, не обращая внимания на прогуливающиеся парочки, и смотрит в глаза. Смотрит в глаза и включает Зов. Меня захлестывают потоки Силы, теперь я чувствую это, и все меняется.

В мгновение ока Кара превращается в самую желанную девушку на Земле, и я готов отдать половину жизни, чтобы обладать ею здесь и сейчас. Погружаюсь в глубину черных бездонных глаз и радуюсь, что на мне костюм от Якова Самуиловича Розенкранца, который не только защищает от внешних атак, но и скрадывает некоторые

проявления мужской физиологии.

— Прекрати! — прошу я, почти коснувшись губами ее губ. — Не хочу так! Поверь, ты вызываешь желание и без Зова!

— Сегодня это очень заметно! — с сарказмом отвечает Кара, и наваждение спадает.

— Какой у тебя план? — спрашиваю я отстранившись.

— Затащить тебя в постель, конечно! — на точеном личике возникает лукавая усмешка. — В прошлый раз я так и не увидела, как светятся твои глаза! Но сначала — в «Белый Шум»! Ты же надел Темный Осколок?!

— Он здесь! — я бью себя по груди, и на моих губах возникает ироничная улыбка. — Не мог же я отказать красивой девушке в столь невинной просьбе?

— Отлично! — Кара вновь берет меня под руку и увлекает вперед — мы уже подошли к Большой Никитской. — Зайдем в посольство, чтобы многочисленные шпики Тайного Сыска были уверены, что мы с тобой самозабвенно занимаемся любовью…

— А мы, что же — не оправдаем их ожиданий?

— Их или твои! — уточняет Кара с хитрой улыбкой.

— Ответ понятен по твоему тону…

— Сегодня я предлагаю тебе более интересное приключение в клубе «Белый Шум»…

— Танцы или оргия? — в шутку интересуюсь я, хотя прекрасно понимаю, что речь не идет ни о том, ни о другом.

— Уверена, что тебе понравится! — заговорщицки произносит Кара, и мы заходим на территорию посольства Темных.

Поднимаемся в спальню Кары, и я застываю перед ее широкой кроватью. На расшитом павлинами и пальмами покрывале лежит одежда. Футболка, кроссовки и свободные штаны. Все в черно-белых тонах, как любят бездари.

— Ты не должен выделяться из толпы! — поясняет Кара. — Ни снаружи, ни внутри клуба. И никто не должен узнать тебя в тебе!

Я с наслаждением сбрасываю ненавистный классический костюм, снимаю галстук-удавку и расстегиваю рубашку. Подготовленная Темными одежда садится на мою фигуру идеально. Кара удовлетворенно меня осматривает, заставляет повернуться к ней спиной и разглаживает белую майку. Ее касания горячи и желанны, я с трудом сохраняю невозмутимое выражение лица, когда поворачиваюсь, и мы стоим лицом к лицу. С

удовольствием променял бы клуб на ночь в ее объятиях, но уверен, что еду туда не ради танцев или секса.

— Отлично! — заключает девушка. — Теперь надень линзы!

Она протягивает мне уже открытый контейнер, и я смотрю на нее в недоумении.

— Они же черные?! — ошарашенно произношу я.

— Естественно, ты же идешь на вечеринку Темных!

— Черные — единственные линзы, которые я до сих пор не примерял, — пожимаю плечами и подхожу к зеркалу.

В черных линзах я становлюсь похож на одного из охранников посольства Темных. Становлюсь похож на османского юношу. Я удивленно рассматриваю собственное отражение, как будто вижу его впервые. Моя мать — Темная. Вот откуда у меня тонкие черты лица, узкие высокие скулы и чуть загнутый к кончику нос!

— Нравится?! — игриво спрашивает Кара и обнимает меня за плечи. — В этих линзах, да в Сатрапии — ты стал бы звездой!

Она собирает мои волосы в хвост и затягивает его черной резинкой, когда до меня доходит зна-

чение фразы, произнесенной Карой пару минут назад.

— Я иду на вечеринку один? — уточняю я, глядя на отражение едва знакомого парня.

— Жена Цезаря должна быть вне подозрений, — с усмешкой произносит Кара и нежно целует меня в шею. — Так, кажется, говорили наши предки?!

— Что меня ждет в «Белом Шуме»? — спрашиваю я, отбросив легкомысленный тон.

— Инициация!

— Но я уже инициирован!

— Отец говорит, что ты не обретешь всю полноту Силы, пока не обратишься к ее темной стороне!

— Моя инициация — и есть главная цель твоего визита?

— Да! — подтверждает Кара и заключает мое в лицо в теплые нежные ладони. — А еще ты мне нравишься как мужчина!

— А что будет, если я откажусь?

— У меня нет информации на этот счет, — отвечает Кара, и ее ладони опускаются мне на грудь. — Отец очень хочет пообщаться с тобой лично, но пока это невозможно и небезопасно для тебя!

Все складывается неожиданно ожидаемо, как

заметил бы один из преподавателей Приюта, любящий тавтологии. Я и сам хочу пройти еще одну Инициацию. Стать тем, кем являюсь на самом деле, и ощутить хотя бы толику могущества, которое сотрясало меня на ступенях Храма Разделенного.

— Я согласен! — уверенно отвечаю я. — Но почему нужно ехать в этот вертеп?

— Потому что в его подвалах находится Темный Кристалл!

Глава 18
Вторая Инициация

Камер-коллежский вал все тот же: тротуары заполнены ищущими сомнительные удовольствия личностями, а проезжая часть — машинами, большая часть из которых — такси. Я тоже еду в одной из желтых Волг, развалясь на заднем сидении и лениво глазея по сторонам.

Посольство я покинул через тайный ход, который вывел меня на противоположную улицу через неприметный магазинчик в подвале старого дома. Поймать такси удалось не сразу: большая часть водителей уезжала, едва завидев темные очки на моем лице, что около полуночи выглядит довольно странно.

Парень лет двадцати согласился подбросить меня в обитель разврата по тройному тарифу, но теперь отчаянно трусит, нервно кусает губы и явно клянет себя за опрометчивое решение. На меня он старается не смотреть, сосредоточив все внимание на дороге.

Парковка клуба «Белый Шум» сегодня ярко освещена, вывеска светится, а у входа столпились

многочисленные желающие попасть внутрь. Я выхожу из машины и сразу погружаюсь в вязкое марево из гулко звучащих басовых раскатов. Иду к широко распахнутым дверям, по обе стороны от которых стоят вышибалы в белых рубашках и в черных костюмах, и невольно морщусь: с каждым шагом музыка становится громче. С удовольствием променял бы темные очки на ушные затычки, а еще лучше — танцпол на спальню Кары.

Бесцеремонно расталкиваю толпу, подхожу к одному из охранников и приподнимаю очки, чтобы он узрел мои черные радужки. Громила кивает, отстегивает серую ленту, перекрывающую вход, и приглашает войти внутрь. Пока все идет как по маслу — сегодня здесь будут тусить только Темные. Никаких цветных и серых, вечеринка только для своих.

В небольшом холле меня встречают еще двое охранников. Они инициированные Темные, теперь я это чувствую. Парни внимательно меня осматривают, но не обыскивают, хотя наверняка фиксируют не только Темный Осколок на моей груди, но и мою темную сущность.

Я захожу в уже знакомый мне лифт, двери за спиной закрываются, и я опускаюсь под землю.

Кабина останавливается, фальшивая кирпичная стена уходит в сторону, и тело начинает вибрировать от густых и плотных басов, щедро сдобренных возгласами танцующих.

Меня встречает уже знакомый высокий и худой мужчина в черном смокинге и бархатной маске, закрывающей верхнюю часть его лица.

— Доброй ночи, сударь! — приветствует он меня. — Добро пожаловать в ночной клуб «Белый шум»!

— Маску давай! — бесцеремонно отвечаю я и снимаю очки, чтобы он меня узнал и сообщил о прибытии.

— К-конечно! — быстро кивает побледневший администратор и протягивает мне кусок черного бархата, на этот раз воздержавшись от чтения лекций о правилах приватности.

— Веди! — приказываю я, надев маску на лицо.

Когда мы проходим мимо огромного зеркала, бросаю мимолетный взгляд на отражение своего лица. Я похож на опереточного героя, Мистера Икса, который был Главой Великого Рода и сильнейшим одаренным, но выступал на сцене, пряча лицо под маской. Похожую роль приходится играть и мне, только не на сцене, а в реальной жизни.

Зал сегодня превращен в грандиозный танцпол. На узкой сцене установлены несколько клеток, в которых обнаженные девицы извиваются, словно змеи, а за стойкой бара расположился диджей. Музыка гремит еще громче, вибрации пронизывают каждую клеточку моего тела, а светотехника наполняет зал разноцветными сполохами.

Я останавливаюсь в центре беснующейся толпы молодых Темных и недоуменно оглядываюсь. Их неожиданно много, как минимум пара сотен. Парни и девчонки не обращают на меня ни малейшего внимания, принимая за своего, двигаются в ритме очередного хита-однодневки и оглядывают пространство расфокусированными взглядами.

На мое плечо ложится ладонь, и я стремительно оборачиваюсь, принимая боевую стойку.

— Не стоит — я твой друг! — громко говорит Алина, перекрикивая музыку. — Ты выглядишь сексуально!

— Привет! — отвечаю я и улыбаюсь. — Ты — тоже!

Девушка берет меня за руку и ведет прочь из толпы, пульсирующей, словно многоцветная медуза в темной глубине океана. Мы покидаем

танцпол и идем по узкому коридору в уже знакомые мне апартаменты.

Внутри меня ждет отец Алины. Он сидит в кресле перед небольшим столиком с чашечкой кофе в руке и с интересом меня оглядывает. Я непроизвольно бросаю взгляд на дверь в спальню, в которой мы с Алиной занимались любовью, и впервые за вечер задумываюсь о рисках, сопровождающих вторую Инициацию.

— Привет, красавчик! — говорит старик и улыбается. — Темные радужки идут тебе больше, чем фиолетовые!

— Добрый вечер! — отвечаю я и подхожу ближе. — Думаю, что Князь Шувалов с вами не согласился бы!

— Если ты пройдешь Инициацию, то сможешь менять их цвет в зависимости от обстоятельств…

— Почему вы лгали мне, что Темных Кристаллов в России не осталось?

— Всему свое время! — старик подмигивает и ставит пустую чашечку на столик. — Я не хотел, чтобы ты занялся их поисками и выдал себя! Нас и без того слишком мало!

— А время рассказать правду о нападении на Царское Село уже пришло или еще нет?

— Мне нечего ответить, потому что Темные не

имеют к нему отношения!

— Но я был там и видел Темную Сферу, накрывшую дворец! — возражаю я. — И лично ее уничтожил!

— Ты нейтрализовал Темную Сферу с помощью энергии Темного же Кристалла? — на губах старика появляется кривая усмешка. — Думаешь, это возможно?!

— Но…

— Это не наших рук дело! — твердо произносит старик, перебивая меня. — Мне даже подстраховать тебя пришлось, но ты справился самостоятельно!

— Тогда кто, если не вы?!

— У нас нет времени на бесплодные дискуссии, вечеринка устроена исключительно ради прикрытия твоей Инициации, и парни с девчонками в соседнем зале рискуют ради тебя собственными жизнями! Создают магическое возмущение, маскирующее возможный выплеск Темной Силы!

— Но Тайный Сыск обнаружит вас?!

— Ты думаешь, что князь Бестужев не знает о нашем существовании?! — левая бровь старика взлетает вверх, а ироничная усмешка искривляет губы. — Если хочешь что-нибудь спрятать, положи это на самое видное место! Спецслужбы

Империи прекрасно знают о нас и уверены, что контролируют каждый наш шаг…

— А на самом деле?

— Они находятся в плену многочисленных иллюзий!

Старик встает с кресла, нажимает на плафон светильника, висящего на стене, и зеркальный стеллаж по левую руку от меня медленно сдвигается в сторону. За ним открывается темный проход, из которого веет затхлостью и прохладой.

— Идем! — коротко приказывает Темный, разворачивается и заходит в темный проем.

Оглядываюсь на Алину, и она уверенно кивает. Это не ловушка, понимаю я. Либо опасности нет, либо девчонка о ней ничего не знает, что практически исключено.

Мы идем за ее отцом и попадаем на узкую винтовую лестницу, освещаемую тусклыми лампами. Я спускаюсь, осторожно ступая по шатким скрипучим ступеням, а Алина следует за мной на расстоянии метра. То ли страхует, то ли перекрывает путь к отступлению. Интересно, смогу ли я противостоять ее отцу теперь, когда мне подвластна Фиолетовая магия?

Наш путь завершается пятью или шестью эта-

жами ниже, в небольшом полутемной комнате. Старик оборачивается, удостоверяясь, что мы спустились, делает пасс рукой, и на стене перед ним возникает контур двери. Видимо, в соседнем помещении зажегся свет.

Он открывает ее, и меня захлестывает знакомое ощущение. Я уже испытывал похожее, когда оказался перед Темным Кристаллом в Царском Селе. Иду вперед, и каждый шаг приближает меня к невообразимому могуществу, заключенному в огромном обломке обсидиана. Переступаю через порог и продолжаю движение, будто завороженный. Дверь за спиной захлопывается, и я оборачиваюсь на звук.

Тьма меня раздери — меня оставили одного! Я снова должен пройти Инициацию, повинуясь лишь собственному чутью. Темный старик мог бы разродиться парой советов, от него бы не убыло!

Оглядываюсь и запоздало осознаю, что нахожусь в прямоугольном помещении, выдолбленном в скале. Оно невелико, а потолок невысок, подпрыгнув, я могу коснуться его кончиками пальцев. Закрепленные на каменных стенах светильники едва разгоняют мрак, их отражения на черных гранях Кристалла похожи на звезды в ночном небе, а мое лицо — на размытое светлое

пятно.

Я становлюсь перед Кристаллом и кладу на него руки. Черный глянец под моими ладонями прохладен и приятен на ощупь, а Темный Осколок на груди начинает нагреваться. Закрываю глаза и стою в полной тишине, сосредоточившись и отрешившись от суетных мыслей, но через пару минут понимаю, что не чувствую ничего, кроме тепла Осколка на груди. Я не ощущаю мощь, скрытую в бездонных глубинах Кристалла и меня не тянет раствориться в ней, или получить над ней полный контроль.

В Царском Селе все было иначе. Близость Кристалла свела меня с ума, и я не мог думать ни о чем, кроме Силы, засасывающей мою душу, словно черная дыра. Быть может, уверенность в том, что я особенный и могу пройти через Инициацию, дважды ошибочна?

Вытаскиваю Осколок из-под футболки и смотрю на прозрачный камень. Камень теплый, а значит — настоящий. Несмотря на это я срываю его с шеи, бросаю под ноги и давлю до тех пор, пока не раздается треск лопнувшего стекла.

Закрываю глаза и погружаю себя в состояние, близкое к трансу. Я ощущаю величие и мощь Темного Кристалла, даже не видя его, даже не

касаясь черной глянцевой поверхности. Биение моего сердца замедляется, и воображение рисует черный, как разлитые в пространстве чернила, свет, исходящий от Кристалла. Он проливается на меня, окутывает, словно Покров и создает иллюзию, будто мое персональное время останавливается. Кажется, что в эту бесконечное мгновение весь мир замирает в ожидании, хотя на самом деле время несется вскачь, и для стороннего наблюдателя я превратился в мертвого каменного истукана.

Я поднимаю руки и вновь кладу их на холодный глянец стекла. Когда пальцы касаются поверхности Кристалла, мое тело пробивает мощный электрический импульс, распространяющийся волнами по каждой клеточке. Сначала я ощущаю холод, будто ледяные иглы пронзают мою плоть, но вскоре тело наполняется жаром, словно внутри меня разгорается неистовое, негасимое пламя. Это смешение ощущений невыносимо, оно несет невыносимую боль и дарит удовлетворение, граничащее с оргазмом. Каждый атом в моем теле вибрирует в унисон с древней энергией, заключенной в Черном Кристалле.

Мое дыхание становится прерывистым, каждый вздох насыщается энергией, которую я до

этого момента даже не мог себе представить. Сила наполняет меня, проникая в самую глубину моего существа. Я чувствую, как мышцы напрягаются, становятся сильнее, и каждая клетка моего тела оживает заново. В груди разливается тепло, сменяющееся ощущением легкости, будто я могу взлететь в любой момент.

Эмоции захлестываю волнами: сначала страх, затем восторг и, наконец, глубокое, всепоглощающее спокойствие. Внутренний мир меняется, все страхи и сомнения отступают перед мощью и уверенностью, которые дарит мне Кристалл. В голове проносится вихрь мыслей, но я сосредотачиваюсь на этом мгновении, на потоке Силы, соединяющим меня с чем-то древним и бесконечным.

Я чувствую себя не просто живым, а возрожденным. Каждое прикосновение, каждый звук, каждый вздох обретает новую глубину. Я стою на пороге чего-то великого, и с каждой секундой моя связь с Кристаллом становится крепче. Он дарит мне мощь, которая переполняет меня, готовая вырваться наружу и изменить мир. Я становлюсь хранителем этой мощи, и с этой мыслью приходит уверенность, что я смогу справиться с любыми испытаниями.

Открываю глаза и наблюдаю, как реальность вновь обретает краски, но она уже никогда не будет такой, как прежде. Я ощущаю, как энергия Кристалла течет по моим венам, превращая меня в существо, способное вершить великие дела, и готов принять свое новое предназначение.

Реальность вокруг меня кажется другой, будто я вижу мир впервые. Все детали стали четкими, каждый звук приобрел кристальную ясность. Воздух наполнен едва уловимой вибрацией, словно сама природа откликается на мою близость к Кристаллу. Я ощущаю, как Сила течет через меня, и вижу черные обсидиановые струны, пронзающие пространство во всех направлениях. Такой же силовой каркас вселенной, какой видят все одаренные аристо, но черный!

Убираю ладони с Кристалла и чувствую, что энергия продолжает пульсировать в моих венах. Мои руки больше не холодные, а горячие, как раскаленное железо. Я смотрю на свои ладони и вижу, как на них вспыхивают черные линии, складываясь в замысловатые узоры, и бесследно исчезают. Это знак того, что я теперь я Темный и связан с Кристаллом навсегда.

Сделав шаг назад, я ощущаю легкое головокружение, но быстро прихожу в себя. Мир вокруг

меня кажется одновременно знакомым и чужим. Я чувствую каждый камень под ногами, слышу шепот ветра на поверхности и вижу свет звезд, пронизывающий тьму. Я с ужасом понимаю, что мое восприятие выходит за пределы человеческого, я способен видеть и чувствовать то, что раньше было недоступно.

Я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к Кристаллу спиной. Я больше не просто человек, не просто Цветной, которому покорилась Фиолетовая и Темная магия, я стал чем-то большим. С этой мыслью я выхожу из зала, оставляя позади Черный Кристалл, но не его Силу.

В холле нет ни старика, ни Алины. Неужели они не дождались меня? Только в этот момент я понимаю, что меня обволакивая вязкая и давящая тишина. Я обращаю магический взор через многочисленные бетонные перекрытия к пространству над головой и понимаю, что оно пусто — на танцполе нет ни одного темного сгустка!

Я бросаюсь по винтовой лестнице вверх, вышибаю дверь, ведущую в апартаменты, и бегу на танцпол. Останавливаюсь на пороге и от увиденного оседаю на пол. Пространство усеяно трупами парней и девчонок, которые еще недавно танцевали и пили жизнь залпом. Тела лежат

вповалку, видимо, они умерли одновременно и смерть застала их в танце.

Меня бросает в холодный пот: неужели их всех убил я?

— Конечно, нет! — раздается знакомый голос, и я оборачиваюсь на звук.

От барной стойки ко мне направляется Светлый. Тот самый, с которым я общался в Приюте.

— Спасибо, что собрал их всех здесь: мне не пришлось вылавливать тварей поодиночке!

— Их всех убил ты? — спрашиваю я севшим от ужаса голосом.

— Хороший Темный — мертвый Темный! — отвечает Светлый, и на его лице, так похожем на мое, расцветает зловещая улыбка. — Впрочем, тебя это не касается — твое время еще не пришло!

— Почему? — с надрывом спрашиваю я и обращаюсь к мощи Кристалла. — Почему ты их убил?

— Время пришло! — Светлый пожимает плечами и издевательски улыбается. — У тебя оно еще есть, так что используй остаток с толком!

Он разворачивается ко мне спиной и медленно идет к выходу, осторожно ступая между трупами парней и девчонок, и во мне закипает безудержный гнев. Я обращаюсь к Темному Кристаллу, сливаюсь с ним в единое целое и превращаюсь в

наполненный Силой сосуд.

Сосредоточившись, я выстреливаю ей в удаляющуюся фигуру Светлого, и на него катится чудовищный черный вал, который должен смять это тварь, поглотить его и превратить в кровавое месиво! Но поток Силы проходит сквозь него, не причинив вреда, и врезается в бетонную стену впереди.

— Идиот! — кричит Светлый, разворачиваясь, бросается ко мне и заключает в железные объятия, как тогда, в Приюте.

Вокруг нас вспыхивает ярко-белый кокон, который защищает от черного пламени, бесснующегося в помещении и выжигающего дотла всю органику. В голову приходит безумная мысль обратиться к Кристаллу еще раз и ударить Светлого, находясь внутри сияющего силового поля, но здравый смысл и инстинкт самосохранения не дают этого сделать.

Чудовищная сила отрывает нас от земли и несет вверх. Мы летим, пробивая перекрытия, но я не чувствую отдачи от ударов. Через пару секунд останавливаемся на крыше здания, Светлый размыкает удушающие объятия, и кокон тает в рассветном воздухе. Приложив пальцы к козырьку невидимой фуражки и подмигнув, Светлый

поворачивается ко мне спиной и идет прочь.

Я обращаюсь к Темному Кристаллу, но не чувствую его!

— Ты снова сжег его! — говорит Светлый, оборачивается и снова улыбается, на этот раз открыто и искренне. — Мы могли бы работать в тандеме, подумай об этом, братец!

Глава 19
Рыбак рыбака видит издалека

Постепенно я привыкаю к роскошной жизни, и путешествия по Москве в лимузине Императорской Гвардии случаются чаще, чем поездки на байке. В кондиционированном салоне Руссо-Балта стоит гнетущая тишина: Великий Князь Шувалов наблюдает через тонированные стекла за улицами Москвы, а я — за желваками, играющими на его челюстях.

Мы едем на беседу с Князем Бестужевым в молчании, ибо нас слушают, снимают и, возможно, сканируют на предмет использования магии в реальном времени. Иван Константинович, наконец, оклемался после нашей с ним драки, вышел на службу и получил информацию о моих пяти двойниках.

Слово «братец», брошенное в мой адрес спасшим меня от моей же атаки Светлым, не идет у меня из головы. Я уверен, что он и есть мой шестой, еще не найденный Тайным Сыском клон. Светлый — моя точная копия, он выглядит старше меня, но наверняка этому есть какое-то

объяснение. Я еще не понял, почему нас именно семь, но в этом уверен тоже. Утерянные фрагменты пазла постепенно заполняются.

Хочется думать, что о моем Светлом клоне опытный сыскарь Бестужев ничего не знает, иначе я отправлюсь в подвалы Лубянки прямо из Большого Кремлевского Дворца. Или сразу на кладбище. Или в атмосферу — распыленный на молекулы. О том, что сжечь меня может Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов, сидящий напротив с бокалом коньяка в руках, думать не хочется.

После ухода Светлого я ускользнул из клуба «Белый Шум» за несколько минут до прибытия скорых и пожарных машин. Темная магия выжгла и разрушила подземные помещения дотла, никаких следов Темного Кристалла, сотен погибших и моего пребывания внутри не осталось.

В Телеграфе обсудили пожар в популярном ночном клубе, но особого отклика эта новость не вызвала. Не нашла отклика она и в моей душе, честно признался себе я. Осталась жива Алина и ее отец, или нет — я не знаю, но, скорее всего, они погибли, как и все. Девчонку жалко, но что поделаешь, возможно, и меня в скором времени ждет такая же участь.

В высотку я добрался на такси, поймав его за пару кварталов от клуба, и рассказал Каре обо всем случившемся по смарту. О Светлом я, естественно, не упоминал. Принцесса восприняла весть об уничтожении Темных довольно спокойно, никак ее не прокомментировав. Спросила лишь, прошел ли я Инициацию. Наплел, что пожар застал меня у порога клуба. Ложь, шитая белыми нитками, но на создание очередной легенды у меня не было ни времени, ни сил. Темные объявят на меня охоту сразу, как только получат информацию о реальных причинах катастрофы, это очевидно.

К Каре я ехать отказался и всю ночь провел в боевом модуле, экранирующем использование Силы. Без остановки тренировался перед зеркалом, внимательно глядя на собственные радужки. А еще я пытался выбросить из головы вид танцпола, усеянного трупами парней и девчонок. К утру я был выжат как лимон, но сносно контролировал проявления как Фиолетовой, так и Темной магии. При этом мои фиолетовые глаза всегда оставались фиолетовыми, Темного во мне смог бы увидеть только другой Темный.

Я отвлекаюсь от размышлений и встречаю изучающий взгляд Великого Князя. Он покачивает уже пустым бокалом и смотрит на меня, глубоко

задумавшись. Тяжело смотрит. Легкий прищур и поджатые губы не оставляют сомнений, что его терзают сомнения. Сомнения и опасения.

Лимузин въезжает в Боровицкие ворота, замедляет ход и медленно катится к Большому Кремлевскому дворцу. Кабинет Князя Бестужева находится именно там, в непосредственной близости от покоев Императора.

Машина останавливается у парадного входа, подбежавшие гвардейцы услужливо распахивают дверцы, мы с Князем покидаем уютный кожаный салон и шествуем к входу. Вспомнив о субординации, я останавливаюсь и пропускаю Игоря Всеволодовича вперед.

— Что бы ни происходило, оставайся спокоен! — тихо предупреждает он, проходя мимо, и меня охватывает нехорошее предчувствие.

Я на мгновение останавливаюсь перед распахнутыми дубовыми дверьми и запрокидываю голову к небу. Прощаюсь и обещаю вернуться. Обещаю себе: небу нет до меня никакого дела.

Кабинет Ивана Константиновича Бестужева скучен и правилен, как и он сам. Резные дубовые панели на стенах, громоздкие шкафы, заполненные серыми папками на завязках, бронзовые люстры и темно-зеленый ковер на полу — при-

мерно так я и представлял себе типовую обитель высокопоставленного чиновника Империи.

Бестужев пребывает в великолепном настроении, приветствует нас с Князем с широкой улыбкой на лице и жмет руки. Даже мне жмет и смотрит в глаза, будто еще недавно мы не пытались убить друг друга в приемной Великого Князя.

— Присаживайтесь! — приглашает он и садится в зеленое кожаное кресло.

Массивный письменный стол тоже сделан из дуба, а его поверхность покрыта оливковой перфорированной кожей. Интересно, когда Империей правили Темные, ковры и мебель в Кремле были черными или все же цветными?

— Судя по отсутствию протоколиста и пыточных инструментов, мы не на допросе? — уточняет Шувалов со смешком, проводя рукой по лысине.

— Конечно, беседа! — Бестужев кивает, и его губы кривятся в саркастической усмешке. — Кто я такой, чтобы допрашивать Великого Князя Игоря Всеволодовича Шувалова?! Ты вообще можешь выйти в приемную и обождать там!

— Зачем тогда звал? — спрашивает Шувалов, вскинув бровь.

— Мы знаем друг друга много лет, ты в любом

случае не отпустил бы мальчишку одного!

— Александру уже восемнадцать, — отвечает Шувалов раздраженно. — Ты не поверишь, но он уже вовсю ходит по девкам и даже драться умеет!

Великий Князь замолкает и с удовольствием наблюдает за бурей негодования, бушующей в зеленых глазах собеседника.

— Договоримся так, — продолжает он после небольшой паузы, — с парнем ты поговоришь без меня, а я прощу тебя за то, что оторвал меня от важных дел! Прощу на первый раз!

Великий Князь встает с кресла и, не дожидаясь ответа Бестужева, направляется к выходу.

— Саша! — Шувалов оборачивается в дверях. — Оформишь содержание вашей беседы в виде короткого доклада и пришлешь мне! Прощайте, сударь!

Бестужев что-то мямлит в ответ и после того, как дверь за Великим Князем закрывается, впивается в меня недовольным взглядом

— Яблочко от яблони недалеко падает! — недовольно ворчит он, глядя уже без улыбки.

— Эту фразу тоже вносить в доклад? — интересуюсь я.

— Твой доклад мы обсудим чуть позже! — пари-

рует Бестужев, неприязненно улыбаясь. — Сейчас давай просто поговорим! Но имей в виду, что из моего кабинета есть два выхода. Первый — обратно в приемную, а второй — в менее приятное место, где вместо очаровательной секретарши тебя встретят другие люди!

— Вы мне угрожаете?

— После всего, что между нами произошло в стенах вашей высотки?! — отвечает вопросом на вопрос Бестужев и ухмыляется. — Я просто хочу, чтобы состоялся диалог, а не обмен остроумными репризами! Договорились?!

— Договорились! — нехотя соглашаюсь я.

— Разумное решение для будущего жениха Наследницы Российского Престола! — Бестужев удовлетворенно кивает. — Нам, знаете ли, нужно сотрудничать, а не враждовать, потому что уже скоро мне придется заботиться о вашей безопасности!

Удивленное лицо я не делаю не потому, что сыграю плохо: Бестужев наверняка знает, что я знаю о предстоящей помолвке. Улыбнувшись, он выкладывает на стол папку с тесемками, неспешно развязывает их и раскладывает передо мной уже знакомые фотографии моих клонов.

— По этому поводу разыгрывать удивление

тоже не стоит, — с усмешкой произносит князь. — Чтобы выстроить доверие, я даже Дознавателей сюда не позвал! А ведь мог бы с их помощью проверить каждое ваше слово!

— Еще не поздно все исправить, — равнодушно говорю я и беру в руки фотографии.

— Просто скажите мне правду, юный князь: что это за срань, Тьма вас забери?! — спрашивает Бестужев, повышая голос. — Близнецы? Двойники? Что за богомерзкие игры природы?

— Мне известно о них не больше вашего, — сообщаю я, пожав плечами, и возвращаю фотографии: смотреть на собственные мертвые лица неприятно.

— И у вас нет никаких предположений?

Бестужев пристально смотрит мне в глаза, будто пытаясь прожечь взглядом дыру в моем затылке.

— Никаких! — честно отвечаю я. — И у Великого Князя — тоже!

— От вас несет угрозой за версту! — заявляет князь, заводя любимую пластинку. — От тюрьмы вас спасает лишь то, что никто из пяти убиенных не занимался антигосударственной деятельностью, если не считать за таковую мелкое воровство и проституцию!

— Вы все еще верите в собственную теорию?

— Какую именно? — Бестужев наклоняется вперед и щурится.

— Что мой путь наверх — тщательно продуманная операция по внедрению в ряды аристо?

— Это уже не важно, — отвечает князь и иронично улыбается. — Теперь мои мысли заняты тем, как защищать вашу драгоценную задницу, а не схватить вас за нее и бросить в темницу! Особенно с учетом появления, например, этой информации!

Бестужев поворачивает стоящий у него на столе монитор экраном ко мне и запускает демонстрацию видео. На экране появляется гостевая спальня в высотке Апраксиных и широкая кровать, на которой две обнаженные девушки в порыве страсти священнодействуют с моими гениталиями своими розовыми язычками. Я же пьяно улыбаюсь и всячески подбадриваю красоток вместо того, чтобы остановить оргию и задуматься о вечном.

— Очень похож! — заключаю я, не отрывая взгляд от экрана. — И девочки хороши, я бы не отказался…

— Мы же договорились общаться серьезно! — перебивает меня Бестужев и останавливает

воспроизведение.

— Вы же прекрасно понимаете, что на экране я?! К чему этот спектакль?

— К тому, что вы — будущий супруг Наследницы Престола! — начинает заводиться князь. — Посему либо контролируйте позывы плоти, либо лучше прячьтесь!

Неожиданный поворот! Видимо, искреннее недоумение написано на моем лице, и Бестужев поясняет свою заботу.

— Вы не должны позорить статус аристократа! Не должны позорить царскую семью! Не должны позорить будущую жену, наконец!

Он замолкает и несколько секунд смотрит на меня, как отец — на непутевого сына.

— Если будет совсем невмоготу, обратитесь ко мне, и мы устроим все в лучшем виде! — князь заговорщицки подмигивает. — Комар носа не подточит! И никто ничего не узнает!

— Откуда у вас эта запись?

— Об этом лучше у вас спросить! — на лице князя появляется скабрезная ухмылка.

— Мы же договорились?! — уточняю я, выгибая правую бровь.

— Выкупили у одного шантажиста, в противном случае он обещал выложить ее в рунете!

— сообщает Бестужев, стерев ухмылку с лица. — И нет, это был не Олег Апраксин! Но интерьеры его гостевых комнат не менялись с тех давних лет, когда мы гудели там с его батюшкой!

Князь снова подмигивает и снова ставит меня в тупик. Неужто он зарабатывает мое расположение?! А чудесный план полетел коту под хвост из-за жадности Апраксина. Я надеялся, что он мне отомстит и загрузит порноролик с моим участием в каждый утюг, чтобы у Императора не осталось выбора…

— Итак, я вызвал вас по велению Его Высочества Императора и настоятельную просьбу Самодержца вам передал! — произносит Бестужев ровным тоном, зашнуровывая папку с фотографиями моих клонов. — Следующий ход — ваш!

— Вы имеете в виду выход из вашего кабинета?

— Приятно иметь дело с еще молодым и неопытным, но очень догадливым князем! — произносит Бестужев сладеньким голоском и гадливо улыбается. — Если вы не собираетесь выполнять требование государя, то идите в темницу уже сейчас! Потому что, единственное, что удерживает вас от моего правосудия — будущая свадьба с Натальей Николаевной Романовой! А в результате

вашего неразумного поведения она может быть отменена в любой момент, и вас будет ждать все та же темница! Зачем же тянуть кота за хвост?!

— Наша беседа оканчивается на этой жизнеутверждающей ноте? — спрашиваю я, возвращаясь к привычной иронии. — И я могу выйти в ту дверь, в которую вошел?

— Да, мой юный князь! — Бестужев откидывается на спинку кресла и складывает руки на животе. — И держите себя в руках рядом с моей секретаршей Софьюшкой — она девушка видная, а с минуты на минуту в приемную по вашу душу явится будущая невеста!

— Комар носа не подточит, говорите? — спрашиваю я, вставая из кресла. — Все сказанное вами я принял к сведению, но с сожалением вынужден заявить, что поступать буду сообразно своим принципам и интересам!

Выхожу из кабинета и вижу сидящую на диване Наталью. Ее плечи опущены, обычно идеальная прическа растрепана, а чашка с кофе в руках ощутимо подрагивает. Девушка смотрит прямо перед собой в одну ей ведомую точку и беззвучно шевелит губами. Молится, осознаю я и аккуратно сажусь рядом.

Ее хрупкая ладошка ложится на мою, но молить-

ся Наталья не прекращает. Секретарь Бестужева, красивая девушка лет двадцати с внешностью подиумной модели, сосредоточенно смотрит в один из мониторов, всем своим видом показывая, что необычное поведение Наследницы Престола ее не интересует.

— Привет, Саша! Все хорошо? — с тревогой спрашивает меня Романова, окончив молитву.

— Привет, Наталья! А должно было быть плохо? — отвечаю я вопросом на вопрос и улыбаюсь одними лишь кончиками губ.

— Никогда не знаешь, чего ждать после вызова в кабинет Князя Бестужева! — уклончиво отвечает она.

— И ты пришла сюда, чтобы…

— Чтобы защитить тебя от возможных неприятностей! — кивает девушка и едва заметно улыбается.

— Как видишь, мы с князем поладили…

— Вижу — в этот раз мне не пришлось его лечить, как после вашей прошлой встречи! — перебивает меня Наталья. — Я должна выполнить последнюю волю брата и отвести тебя к нему!

— Но я и сам мог бы…

— Сейчас к нему не пускают никого, кроме родных и доверенных врачей!

— Ему стало хуже? — задаю я вполне очевидный вопрос, не чувствуя, впрочем, сострадания.

— Пойдем! — коротко отвечает Наталья и берет меня за руку.

По коридорам Большого Кремлевского Дворца мы идем молча. Наталья крепко держит меня за руку, давая понять стоящим через каждые десять метров гвардейцам, что я свой. В голову совершенно некстати приходит мысль о том, что вся эта бутафорская защита не стоит ни гроша, потому что даже со мной не справится и сотня бездарей. Разве что массой задавят, и то не факт.

В апартаменты Цесаревича мы попадаем через потайной ход, который скрывает одна из стен гостиной. Там нет никого: ни гвардейцев, ни магов, ни докторов. Только впопыхах брошенные вещи. Но главное изменение в другом: вместо стеклянной двери в спальню теперь установлена бронированная металлическая, да еще и защищенная каким-то мощным артефактом, который чувствую даже я.

— Сейчас ты все поймешь! — говорит Наталья, прикладывает ладонь к серому кругу на двери, и она отъезжает в сторону.

В спальню Алексея Романова я захожу с некоторой опаской, ожидая увидеть в ней все что

угодно, кроме оков на руках и ногах Цесаревича. Толстые цепи от них тянутся к мощным кольцам, закрепленным в полу. Растянутый цепями, Наследник Престола лежит на кровати, закрыв глаза. Его грудь равномерно поднимается и опускается в такт дыханию. Я непонимающе смотрю на Наталью.

— Он начал бросаться на отца, — с горечью шепчет она. — На Глав Великих Родов! Даже на дознавателей, которые знают его с пеленок!

— И на тебя — тоже? — спрашиваю я, уже зная ответ и догадываясь о причине агрессии Алексея.

— Нет! — Наталья качает головой. — На меня, мама и ба он смотрит как и раньше — с любовью и почтительностью! Вот только мы…

Романова осекается и замолкает.

— Мы ему в глаза смотреть больше не можем! — она отворачивается от брата и кладет голову мне на плечо. — Он просит привести тебя уже третий день…

Цесаревич вздрагивает во сне, цепи глухо звенят, и он открывает глаза. Алексей приподнимает голову и смотрит на нас с Натальей. Его радужки черны, как безлунная ночь.

— И ты, Брут! — говорит он мне с отчаянием в

голосе и закрывает глаза.

Я знаю, что он увидел в моих. Ту же тьму, которая плавает в его душе. Теперь он наверняка думает, что я — один из врагов Российской Империи.

— Вон! — истошным голосом орет Романов. — Вон из дворца! Чтобы здесь ноги твоей больше не было! Ни во дворце, ни в спальне моей сестры!

Глава 20
Секс по расчету

Роскошные лимузины успели мне надоесть, но к Трубецкому я еду на Руссо-Балте. Точнее, за Трубецким. Машина заезжает в тенистый двор высотки Синих, делает почетный круг вокруг статуи основателя Великого Рода и останавливается перед главным входом. Андрей выскакивает из здания под проливной дождь, бросается к машине и запрыгивает в салон.

— Привет, бастард! — говорит он, радостно улыбаясь.

— Привет, аристо! — отвечаю я, и лимузин трогается.

— Учти: я согласился на поездку к Воронцовым только ради дружбы с тобой!

— А вовсе не ради исполнения нашего плана?! — подтруниваю я.

— Ты же помнишь о моем условии? — напоминает Андрей, игнорируя мою реплику.

— Не оставлять тебя с Воронцовой наедине? — уточняю я с усмешкой.

— Да!

— Тьма меня забери, ты когда в последний раз трахался?

Андрей с мученическим видом закатывает глаза и тяжело вздыхает.

— Просто получи удовольствие! — добиваю я. — Вдруг тебе понравится, еще благодарить будешь!

— Я уже спал с ней! — раздраженно отвечает Андрей. — И Наталья…

— Что — Наталья?

— Это будет нечестно по отношению к ней!

— У вас что, роман?! — удивленно спрашиваю я, скрывая радость оттого, что наш план работает.

— Ну, вроде того…

— Не ссы, обещаю, что одного тебя не оставлю, даже в сортир будем вместе ходить, даже подержу тебе, если…

— Не уподобляйся бездарям с их вечными шутками ниже пояса! — перебивает меня Андрей, морщась от моих слов, будто от оскомины.

— Ладно, обещаю, что возьму ее на себя, причем в прямом смысле!

— Ты — единственный из наследников, кто с ней не переспал, — с иронией замечает Трубецкой, — нужно исправлять ситуацию, пока нас всех не переженили!

— Весьма признателен за деятельное участие в

организации моей сексуальной жизни, но лучше займись своей, и желательно — не используя руки…

— Ответь честно, ты спал с Натальей? — снова перебивает меня Андрей, и я вижу по напряженному лицу, что ответ для него очень важен.

— Ты же знаешь, что не спал, — отвечаю я. — Если не считать танцев и нашей голой вечеринки в Царском Селе, я вообще ее не касался. Уверен, что она все еще девочка, но даже не знаю: хорошо это для тебя или плохо!

Андрей вздыхает с облегчением, а затем неожиданно хмурится.

— Я должен сказать тебе кое-что… Ольга встречается с Апраксиным, и, по-моему, им хорошо… Олег даже пить бросил, и свой красноглазый гарем распустил…

Я держу лицо. На нем застыла привычная всем маска балагура, но сердце ноет. Немного. И это не любовь, по крайней мере, так мне хочется думать. Больно оттого, что меня снова отставили. Впору начинать вести счет поражениям на личном фронте. А если учесть мою неординарную внешность — катастрофам.

— Не расстраивайся! — утешает Андрей, наклоняется ко мне и кладет руку на плечо.

— Рад, что у Ольги все хорошо! — искренне заявляю я. — Я плохая пара, проблемная, а союз со мной опасен и чреват смертельным риском!

— Спасибо, что предупредил! — Трубецкой лыбится во все тридцать два зуба и отдергивает ладонь от моего плеча, словно я чумной.

— Сценарий помнишь?

— Да! — кивает Андрей. — Сначала музей Рода и гребаная маска, затем салонный треп, после я иду на аудиенцию к Великому Князю, а ты уединяешься с нашей Еленой Прекрасной!

— Ревновать не будешь? — я желчно улыбаюсь, отправляя мысли об Ольге на задворки сознания.

— Буду твоим вечным должником, если все получится! — Андрей картинно прижимает ладони к груди и кланяется настолько низко, насколько позволяет автомобильное сидение.

— Ловлю на слове! — я в шутку грожу пальцем и отворачиваюсь к окну.

Мы подъезжаем к высотке Воронцовых, и я чувствую облегчение: хохмить и вести пустые разговоры нет настроения. Даже с Трубецким. С большим удовольствием я бы устроил с ним спарринг и махал бы кулаками до изнеможения.

Когда Руссо-Балт тормозит у парадного крыльца, возникает стойкое ощущение, что я попал

в прошлое. Встречающие нас слуги разодеты в голубые ливреи с белыми манишками и жабо, на ногах у них белые чулки и остроносые туфли с белыми же бантами, а на головах — седые парики. Делегация стоит под проливным дождем, даже не раскрыв зонты.

— Воронцовы над нами не издеваются, у них так принято! — сообщает мне Трубецкой с усмешкой.

Двое просеменивших к машине слуг в высоких париках синхронно открывают дверцы и застывают, раскрыв зонты и потупив очи долу. Переглянувшись, мы с Андреем выходим из лимузина и следуем к входу, защищенные от потоков воду, падающих с неба.

Елена Воронцова встречает нас в холле. Лично. Без служанок, дабы чужие лики не затмевали ее красоты. На ней узкий голубой кринолин, подчеркивающий соблазнительные изгибы фигуры и идеально гармонирующий с цветом глаз. Я не могу не признать, что девчонка чертовски сексуальна. Эх, если бы она не была такой непроходимой дурой!

— Привет, мальчики! — произносит Елена грудным голосом и дарит нам по поцелую в щеку.

Трубецкой при этом недовольно хмурится и

воротит нос, а я довольно улыбаюсь. Приятно же, Тьма меня забери!

— Сейчас мы уединимся в нашем музее, и открою вам все тайны Великого Рода Синих, — заговорщицки произносит Елена и проводит кончиком язычка по верхней губе, отчего ее предложение приобретает не пафосное, а весьма двусмысленное звучание.

— Мы ждем с нетерпением, — отвечаю я за нас обоих и медленно облизываю губы, за что получаю возмущенный взгляд Андрея.

Мы идем следом за Еленой через весь холл высотки, и я поражаюсь окружающей меня безвкусице и аляповатости. Огромное помещение заполонено старинной мебелью и дешевыми картинами, видимо, свезенными сюда из дальних имений Воронцовых. Под потолком прячутся слишком маленькие для этого огромного зала люстры, а под ногами разложены османские ковры, совершенно неподходящие друг другу. Возникает стойкое ощущение, что я попал в огромную лавку старьевщика, который любит пафос и деньги, но не обладает даже зачатками элементарного вкуса.

— Добро пожаловать! — произносит Елена перед входом в музей, и двое пышно одетых слуг

распахивают резные двери из красного дерева.

Музей представляет из себя еще более печальное зрелище. Мы как будто попали в лавку дедушки того самого старьевщика, что выложил свои сокровища в холле высотки. Видимо, в представлении Воронцовых величие Рода можно подчеркнуть грязью на полу и килограммами пыли, покрывающей все вокруг.

— Прошу прощения за беспорядок, сюда все равно никто не заходит, — извиняется Елена, уверенно пробираясь вперед между косо стоящих стеклянных витрин.

Многие из них наполовину или полностью пусты: видимо, часть из них продана или утеряна. Мы следуем за хозяйкой, стараясь не задевать мебель и сохранить костюмы в первозданной чистоте. Идея припереться сюда в костюмах принадлежит Андрею, я собирался примчать на мотоцикле в футболке, майке и шлепанцах. Попробовали бы Воронцовы не принять наследника Великого Рода Фиолетовых!

Неожиданно Елена останавливается перед антикварным диваном и одним быстрым движением стягивает с него чехол, защищающий подушки от пыли.

— Мальчики, признайтесь честно: вы же на

гобелены смотреть приехали? — спрашивает Елена, теребя верхнюю пуговицу платья и переводя томный взгляд с Андрея на меня и обратно.

Андрей теряет дар речи и беспомощно смотрит на меня. Предложения заняться сексом втроем от будущей жены он явно не ожидал. Мне становится по-настоящему весело, и я ослабляю узел галстука, повергая несчастного Трубецкого в шок.

— Жарко здесь, — невозмутимо поясняю я.

— Кондиционеры и сигнализация выключены, — произносит Елена и расстегивает верхнюю пуговицу.

— Давайте сначала посмотрим на маску, — предлагаю я, натягивая на лицо одну из отработанных соблазнительных улыбок. — А затем поднимемся наверх, выпьем по паре бокалов шампанского…

— Я согласна! — с готовностью произносит Воронцова и срывается с места, поднимая за собой клубы пыли.

— Я тебя в котлету разделаю! — цедит Трубецкой сквозь зубы. — Ты обещал!

— И в одиночку как-нибудь справлюсь, — отвечаю я, ерошу тщательно уложенную прическу друга, и припуская вперед, уклоняясь от его мощ-

ного удара.

Выскакиваю из-за стеллажа и едва не врезаюсь в ожидающую нас княжну. Она ждет нас, облокотившись на небольшую витрину.

— Маска основателя нашего Великого Рода, — кивает Елена. — Если тебе нравятся ролевые игры…

— Он их обожает! — сообщает появившийся рядом Трубецкой.

Он стремительно бросается к стойке, достает голубую маску и протягивает ее мне.

— Давай оставим Александра на пару минут, и я расскажу тебе о его пристрастиях, — говорит Андрей, приобнимает Елену за талию и уводит ее за стеллаж.

Я медленно прикладываю маску к лицу, уже зная, что она сядет на него идеально. Возможно, мать семи сыновей Разделенного тоже была Темной? Конструкт касается кожи лица, в нее впиваются тысячи миниатюрных иголочек, и меня захлестывает волна экстаза. Я не хочу снимать маску и какое-то время стою без движения, погружаясь в дофаминовый шторм. Ощущение, что маска начинает проникать в кожу, приходит неожиданно, не ощущение даже, а скорее опасение. Я сдергиваю конструкт с лица, кладу его

внутрь стойки, захлопываю крышку и смотрю на свое отражение в пыльном стекле. С облегчением вздыхаю — на гладкой коже нет ни единого следа. Я еще не знаю, зачем я делаю это с масками, но почему-то уверен, что это — ключ к моему будущему, и мне нужна последняя оставшаяся — желтая.

Андрея и Елену я нахожу на диване. Со стороны кажется, что парочка мило беседует, но все выдают позы. Трубецкой сжался на самом краю и отчаянно сжимает напряженной ладонью деревянную боковину, а Воронцова навалилась на него справа, прижавшись грудью третьего размера.

Увидев меня, Трубецкой распрямляется пружиной и вскакивает на ноги. В его глазах плещется ликование, он смотрит на меня как на спасителя, как на Разделенного Бога во плоти, спасшего его от Темных.

— А почему ты не в маске? — нарочито серьезно восклицает он, строя умильную рожу. — Мы зачем сюда ехали?

— Не зачем, а к кому! — не лезу за словом в карман я, подхожу к дивану, беру Елену за изящное запястье и целую воздух над ее ладонью. — Мы приехали к нашей очаровательной даме, и я

готов переместиться на верхние этажи!

Уже через минуту мы выходим из музея и снова попадаем в холл. Как и полчаса назад, в нем нет никого, кроме нескольких слуг и пары охранников, отличающихся от первых лишь шириной плеч и кобурами пистолетов, выпирающих под ливреями.

Мы заходим в лифт и поднимаемся на верхние этажи. Воронцова безостановочно тарахтит, и я замечаю злорадный взгляд Трубецкого, направленный на меня. Я бесстрашно подмигиваю: мол, и не с такими справлялся.

Когда двери лифта открываются, я вижу перед собой Великого Князя Воронцова собственной персоной. Он стоит перед нами, сложив руки на груди, и внимательно смотрит мне в глаза. На князе надет парадный военный мундир, каштановые волосы зачесаны назад, а пронзительно-голубые глаза оглядывают нас с нескрываемым недоверием.

— Князь Шувалов, насколько я понимаю?! — спрашивает он с презрением в голосе.

— К вашим услугам! — заявляю я, напялив на лицо простецкую улыбку. — Изучаем материальную историю нашей Империи!

— С ним все понятно, — обращается Воронцов

уже к Андрею. — А тебе зачем История понадобилась? Ты же знаешь ее лучше всех в Империи!

Я смотрю на Андрея с удивлением и уважением одновременно. В моих руках был кладезь важной информации, а я использовал его в качестве тренажера для оттачивания острот?!

— Я к вам приехал! — с готовностью отвечает Трубецкой. — Обсудить некоторые моменты…

— Да мы с твоим отцом уже все обсудили! — перебивает его Великий Князь, и его голос ощутимо теплеет. — Ну, пойдем ко мне в кабинет, пойдем!

Воронцов кладет огромную лапищу на плечи Андрея, и они покидают нас не попрощавшись. Когда звук их шагов затихает в коридоре, княжна оживает.

— Аристократический этикет в полной красе! — недовольно фыркает она, берет меня под руку и решительно ведет в противоположный коридор.

На полу все те же ковры, на стенах аутентичные потертые обои и позеленевшие от времени канделябры — для полноты картины не хватает лишь бронзовых свечей. Мы заходим в довольно большое помещение, напоминающее чайную комнату в особняке Воронцовых, где состоялась моя первая встреча и с Еленой, и с Андреем. Даже портреты великих предков такие же. Но меня

интересуют не портреты, а камеры слежения. Их даже спрятать никто не удосужился, и зеленые огоньки сигнализируют о том, что запись ведется исправно.

— Не люблю неожиданности! — произносит Воронцова с улыбкой, закрывает входную дверь и поворачивает бронзовый замок.

— У нас намечается тайная вечеря? — спрашиваю я, вскинув бровь.

— Еще не знаю, — кокетливо отвечает Воронцова и пожимает плечами. — Открой шампанское, оно в ведерке со льдом у камина.

Пробка вылетает из бутылки с громким хлопком, и я разливаю пузырящийся напиток по заранее приготовленным бокалам. Их два, а не три, как можно было бы ожидать. Значит, намеки на секс втроем были всего лишь намеками. Я передаю один Воронцовой, она подносит его к глазам и наблюдает за пузырьками, которые струятся по хрустальным стенкам.

— Иногда надоедает играть набитую дуру! — неожиданно заявляет Воронцова и переводит взгляд на меня.

Ирония в ее голосе и циничный проницательный взгляд застают меня врасплох.

— Кому-нибудь кроме меня ты в этом признава-

лась? — спрашиваю я, внимательно глядя Елене в глаза.

— А зачем? — с язвительной усмешкой интересуется она. — Не все ли равно мужчинам — трахать умную или дуру?

— Мне — нет!

— А те две девицы, которые ублажали тебя на вечеринке Апраксина, были умны или глупы? — спрашивает она, прищурив веки.

— Вряд ли умнее братьев Юсуповых! — отвечаю я, коварно улыбаясь, чокаюсь с Еленой и выпиваю шампанское.

— Зачем ты сюда приехал? — настороженно спрашивает Елена. — Не за маской же, которую нужно было выбросить на помойку еще пару сотен лет назад?

— Если скажу, что ради тебя, ты же все равно не поверишь?

— «Ради тебя» звучит слишком размыто, — отвечает Воронцова и опорожняет бокал. — Если ты имеешь в виду секс, то поверю!

— Мое детдомовское воспитание не позволяет в этом признаться!

— Давай на кушетку присядем?! — предлагает Елена, мягко берет меня за руку и ведет к дивану, стоящему перед камином.

Я сажусь, откидываюсь на высокую спинку и ставлю бокал на низкий столик. Поворачиваюсь к Елене и снова смотрю в изучающие меня умные глаза.

— Ты возбуждаешь меня такой! — говорю я, забыв про дурацкие выученные улыбки. — Почему в свете ты ведешь себя по-другому?

— Для всех я легкомысленная дурочка, меняющая мужчин как перчатки, а в этом образе стану бессердечной стервой…

— Образов всего два?

— Есть еще несколько…

Воронцова встает с дивана, садится передо мной на корточки и начинает расстегивать ремень на моих брюках. У меня возникает стойкое ощущение дежавю. Все повторяется. Не хватает только боевой пятерки аристо во главе с Цесаревичем, неожиданно врывающихся в комнату.

Из головы не выходит мысль о неожиданной перемене в поведении Елены, но я отбрасываю ее в сторону. Кто и кого использует, я разберусь завтра, а пока откидываю голову на мягкую подушку, закрываю глаза и отдаюсь умелым девичьим рукам и губам.

Глава 21
Еще одна блондинка

Я сижу в приемной Великого Князя уже целую вечность и думаю не о предстоящем разносе, а о том, как теперь величать. Великий Князь, Игорь Всеволодович или просто Дед? Из его кабинета доносится умопомрачительный запах свежесваренного кофе, и в вертикальном положении меня удерживает только он. Я не спал почти всю ночь и вернулся домой лишь под утро. А утро…

Утро не задалось. Час назад я проснулся от звуков сотен уведомлений. Меня поздравляли и проклинали, мне высказывали претензии и завидовали, мне даже съемки в порно предлагали — дешевая популярность накатила неудержимой лавиной. Я снова стал порнозвездой рутьюба, на этот раз не скрываясь под личиной несуществующего красноглазого аристо.

Видеозапись наших с Воронцовой утех слили в сеть сразу после моего отъезда из высотки. Телеграф забит копиями ролика и обсуждением моих и Елены анатомических особенностей. Даже Трубецкой в шутку попросил дать ему несколько

практических уроков, зайдя с верифицированного княжеского аккаунта.

После неожиданного преображения Воронцовой я уверен, что запись слила она. Видимо, перспектива брака с Трубецким радовала ее не больше, чем Андрея, а терять девчонке уже нечего — репутацию придворной шлюхи испортить сложно.

Елена оказалась мастерицей своего дела: сегодня я не буду думать о сексе вообще. Точнее, буду вспоминать вчерашнюю ночь и убеждать себя, что будущие встречи с Воронцовой недопустимы, что это тупое следование низменным страстям, что нельзя идти на поводу у собственной похоти…

— Великий Князь освободился! — сообщает мне Конибродский и жестом приглашает войти в кабинет.

С трудом поднимаюсь с кожаного дивана и на мгновение останавливаюсь у зеркала, чтобы поправить галстук и разгладить пиджак: Шувалов приказал быть при полном параде. Либо мы кого-то ждем, либо отправимся куда-то с визитом, либо провинившихся аристо казнят исключительно в шикарных костюмах.

Осторожно открываю дверь и захожу в кабинет.

Великий Князь восседает в любимом кресле и курит неизменную сигару. Он спокоен до безобразия и смотрит на меня с лукавой полуулыбкой.

— Привет, внук! — неожиданно мягко произносит он, указывая взглядом на гостевое кресло, и наливает мне кофе. — Тяжелая выдалась ночка?!

Я не знаю, как мне реагировать на слова Шувалова. На слова деда. На его показное или искреннее спокойствие — даже будучи полноценным Темным, я не могу считывать его эмоциональный фон.

— Доброе утро! — невнятно бормочу я и проглатываю кофе в один присест.

— Полюбуйся! — говорит князь и, перегнувшись через стол, кладет передо мной свежий обзор прессы.

Заголовки газет впечатляют: «Княжна Воронцова расстроила уже вторую свадьбу в императорской семье», «Князь Андрей Трубецкой в ярости и вызвал бастарда Шувалова на дуэль», «Император лишил Род Шуваловых звания Великого», «Правящая семья отказалась от еще необъявленной помолвки и намерения сочетать Наталью Романову браком с…».

Я поднимаю глаза от бумаги и смотрю на Князя. Он невозмутим и бесстрастен, словно Османский

Сфинкс. Смотрит на меня со снисхождением и отеческой любовью — в фиолетовых радужках нет ни тени осуждения.

— И вы не будете кричать, топать ногами и отпускать скабрезные шутки по поводу видео? — не выдерживаю я.

— А что ты хочешь услышать? — отвечает Князь вопросом на вопрос. — Твое единственное преступление против Короны состоит в том, что теперь все доподлинно знают: во время оргазмов у одаренных светятся глаза!

Князь наполняет мою чашку следующей порцией кофе и глубоко затягивается сизым густым дымом.

— Несколько дней назад я предложил тебе во всем поступать так, как считаешь нужным, — напоминает Шувалов. — Но мне признайся: ты переспал с Воронцовой под камерами намеренно?

— Да! — киваю я: врать Князю мне хочется все меньше и меньше. — Не хочу быть быком-производителем при будущей императрице, не хочу выполнять церемониальные функции, не хочу…

— Свободы, значит, хочешь? — прерывает меня Князь.

— Да, ее самой!

— Ты же мог получить ее, просто сбежав из Приюта?

— Свободу прятаться и шарахаться от каждой тени, видя в ней приютского убийцу?

— Свобода — не жизнь, она не дается бесплатно! — с усмешкой замечает Князь. — Кстати, по деятельности Приюта новых версий не возникло?

Я отрицательно качаю головой.

— Новые убийцы в поле нашего зрения в последнее время не появлялись, — задумчиво говорит старик. — Быть может, всех твоих друзей распустили, и они, наконец, обрели свободу, которую ты так жаждешь?

— Со мной на контакт никто не выходил, — отвечаю я, отгоняя прочь образ улыбающейся Мины. — Гораздо вероятнее, что все они мертвы. Либо умрут в ближайшее время. Либо затаились и готовят очередной теракт…

— Тьма с ними, с твоими приютскими! — восклицает Шувалов. — Ты им теперь точно не по зубам! Давай лучше о тебе поговорим! Утром звонил Бестужев. В кои-то веки уважил и позабыл о старой вражде. Сообщил по большому секрету, что вашу с Натальей помолвку уже отменили. Если он слил это мне, то все Главы Великих Родов тоже в курсе. Желтые — точно, потому что

Нарышкин прислал нам с тобой приглашение! — Князь желчно улыбается. — Еще твоя сперма на губах Воронцовой не обсохла, а Нарышкины предлагают тебе династический союз!

— Быть может, видео так впечатлило Юлию, что она не смогла устоять? — шучу я, подавляя внутреннее отвращение к шуткам подобного рода.

— Этой холодной и расчетливой стерве даже палец в рот не клади, не говоря о прочем — откусит, но ты с ней справишься, я уверен! — старик подмигивает, делает затяжку и стряхивает пепел с тлеющего кончика сигары в серебряную пепельницу. — Сейчас мы поедем к Нарышкиным, и ты сделаешь очередной выбор. Сделаешь сам. Если скажешь «да», то Великий Князь Желтых обратится к Императору за одобрением брака, получит его, и ты будешь жить. А если скажешь «нет», то даже Разделенный не знает, что случится дальше. Особенно, учитывая состояние Цесаревича…

— Я видел его, и мне показалось, что парню стало лучше, — возражаю я, не упоминая об открывшейся всем Темной сущности Наследника Престола.

Глаза князя вспыхивают, и нас окружает непроницаемая фиолетовая сфера.

— Тебе показалось, — говорит он. — Не сегодня завтра Цесаревича отправят на тот свет: если в народ утечет информация о том, что он Темный, Зеленые будут вынуждены уступить престол.

— А она утечет?

— Наверняка! — на лице Князя появляется лукавая усмешка.

— И кто же станет новым Императором?

— В наши времена все решает народ, — саркастическая усмешка деда становится шире. — Россией будет управлять Великий Род, которому больше всего благоволят бездари!

— И кому же они благоволят?

— Тому, на кого им укажут! — назидательно произносит Шувалов, направив указательный палец на меня.

— Но это невозможно, я же бастард?!

— Укажут не на тебя, укажут на Великий Род Нарышкиных, а ты женишься на Юлии! — произносит старик торжествуя. — Генетики протестировали комбинации твоих генов с каждой из наследниц. Фиолетовоглазые дети родятся только от Нарышкиной, но Желтые об этом не знают и грезят о новой императорской династии. О желтоглазой династии на Престоле! Ты можешь воспользоваться этим, и Корона окажется в руках

Фиолетовых! А бонусом получишь девчонку, о сексе с которой мечтают все нормальные мужики в России, даже такие старики, как я!

Пораженный, я смотрю в мудрые глаза Шувалова и не знаю, что сказать. В интригах он, безусловно, мастер, этого не отнять. Но мне снова отведена роль пешки. Пешки, которую настойчиво ведут в ферзи. Я не хочу править империей, не хочу вступать в династические браки, не хочу жить в Кремле и контролировать каждый свой шаг — я много чего не хочу, но пока не говорю об этом вслух. Мое время еще не пришло, как удачно выразился Светлый.

— А если провокация не удастся? — спрашиваю я и наливаю новую порцию кофе.

— Ни мы, ни Нарышкины в любом случае ничем не рискуем, — Шувалов пожимает плечами. — Но не забывай, что времени у меня осталось мало, а после моей смерти тебе будет нужна поддержка. Пока ты можешь рассчитывать только на Трубецких, и то лишь благодаря твоим дружеским отношениям с Андреем. Если на твоей стороне будут еще и Нарышкины, тронуть тебя не посмеет никто — даже нынешний Император.

Осмотрев догорающую сигару, Шувалов делает последнюю затяжку и гасит ее в пепельнице. Све-

чение в его радужках угасает, и защитная сфера тает в воздухе.

— Поехали! — коротко произносит Великий Князь и рывком поднимается с кресла.

Мы идем к лифту, дверцы которого распахнуты в ожидании, и поднимаемся на крышу высотки, где нас ожидает вертолет. Садимся в тесный салон, и я радуюсь хотя бы какому-то разнообразию: поездки в валких как старинные кареты, лимузинах, мне надоели.

Надеваем наушники, и оглушающий грохот становится тише. Настроение разговаривать у Шувалова пропало, и я погружаюсь в вязкую полудрему. Мои мысли подобны киселю, растекающемуся сквозь вату: анализировать новые вводные, связанные с Нарышкиными, я не хочу и просто плыву по течению, полагаясь на русское авось. Думать и принимать решения я буду завтра, когда как следует отосплюсь.

Мы садимся на крышу очередной высотки, но уже на подлете я вижу очередную статую Основателя Великого Рода желтых. У бронзовой фигуры, несомненно, мое лицо, хотя и изрядно попорченное временем и осадками.

— Почему до нас не дошло ни одного изображения Разделенного? — лениво интересуюсь я,

когда мы с Великим Князем покидаем кабину вертолета и идем по желтой ковровой дорожке к входу в небоскреб.

— В Приюте тебя плохо учили истории и основам религии, — с усмешкой отвечает Шувалов, не замедляя шаг. — В сентябре поступишь в Академию, и там тебе расскажут, что перед смертью Разделенный повелел уничтожить все свои прижизненные изображения и изваяния!

— А на самом деле?

— Судя по всему, как раз эта часть его летописания соответствует истине!

— Но почему?! — не унимаюсь я.

— Пути Разделенного неисповедимы! — отвечает Шувалов, и мы заходим в здание. — Все эти преданья старины глубокой имеют мало общего с действительностью. Возьмем те же статуи Основателей Великих Родов: большинство ученых сходятся во мнении, что они отлиты по одной заготовке, и больше того, мы не можем быть уверены, что прообразом был один из них. Примерно так же обстоят дела и с посмертными масками. Четыреста лет назад комиссия по охране церковного наследия нашла несколько сотен перстов, которые, якобы принадлежали Разделенному Богу, хотя достоверно известно,

что пальцев на руках у него было десять. Лучше брось заниматься этой ерундой и сосредоточься на тренировках. Заодно еще больше привяжешь к себе Трубецкого!

В лифт мы входим в сопровождении двух желтоглазых охранников. Я впервые вижу, что безопасниками работают одаренные. Это мне не нравится, но враждебных намерений я не чувствую. Даже наоборот: парням неуютно с нами в столь тесном помещении, а один из них трусит от страха.

Великий Князь Желтых встречает нас в лифтовом холле под руку с любимой дочерью. После обмена дежурными приветствиями они вперяют в меня изучающие взгляды: Князь — лукавый, а Юлия — растерянный и обреченный.

— Приятно лицезреть вас воочию! — говорит мне Князь Нарышкин, видимо, оставшись довольным внешностью будущего отца его внуков. — Вживую вы даже симпатичнее, чем на видео!

Сознательная и обидная оговорка, но она меня ничуть не задевает.

— Освещение было не очень! — я нагло улыбаюсь и подмигиваю вместо того, чтобы дать старому желтоглазому козлу в морду.

Замечаю краем глаза, что Юлия дергается, буд-

то от пощечины, и отворачивается в сторону. На ее точеных скулах играют желваки.

— Вы не будете возражать, если мы с Великим Князем уединимся в моем кабинете и кое-что обсудим? — задает риторический вопрос Нарышкин и бросает взгляд на Шувалова. — А вы с Юлией пройдете в музей и ознакомитесь со славной историей нашего Рода?

— Нисколько! — отвечаю я и слегка наклоняю голову в знак согласия.

— Юлия, принимай заботу о дорогом госте в свои руки! — отдает распоряжение Великий Князь и окидывает меня контрольным взглядом. — И имейте в виду, молодые люди: в нашей высотке нет следящих камер!

Щеки Юлии вспыхивают, она бросает отца презрительный взгляд и открывает рот, чтобы ответить на грязный намек, но сдерживается и берет меня под локоть. Смотрины окончены. Желтоглазому светскому льву наплевать на жизнь своей наследницы, она лишь разменная монета в извечной гонке за статусом, положением и деньгами.

— Старый козел! — восклицает она в лифте, когда створки закрываются, и убирает пальцы с моей руки.

Золотые глаза девчонки пылают от ненависти, и я с удивлением наблюдаю за ярким проявлением эмоций на прекрасном лице этой вечно холодной и рассудительной снежной королевы. Она удивляет не меньше, чем Воронцова.

Мы едем в молчании, отвернувшись друг от друга. Она смотрит на алюминиевую панель, а я — в зеркало на совершенную фигуру Нарышкиной, облаченную в обтягивающее золотистое платье. Нужно дать девчонке перебеситься, чтобы ее ненависть к отцу не вылилась на меня разрушительным потоком.

Чувства красавицы читаются даже без помощи Темного начала и хорошо мне знакомы: она бесится оттого, что с ней поступают, как с бездушной вещью.

Когда кабина лифта останавливается на первом этаже высотки, красавица преображается. Она мгновенно успокаивается, на лице появляется отрепетированная улыбка, а мой локоть снова оказывается в тонких, но сильных пальчиках.

Под взглядами снующих по Холлу слуг и одаренных мелкого пошиба мы дефилируем ко входу в музей, у дверей которого нас ожидают двое одаренных безопасников. Высотка Нарышкиных являет собой полную противоположность родо-

вому гнезду Воронцовых: здесь все подчинено его высочеству Стилю.

Безопасники с модельной внешностью открывают тяжелые створки, и мы с Юлией заходим внутрь.

— Ожидайте нас снаружи! — отдает распоряжение девушка и собственноручно захлопывает двери, едва не разбив носы следующим за нами охранникам.

— Следуй за мной! — распоряжается она и направляется в глубину экспозиции быстрым, решительным шагом.

Маска Основателя рода лежит в неизменной стеклянной стойке, похожей на низкую трибуну, на неизменной же бархатной подушечке. Нарышкина открывает стекло, берет в руки древний конструкт и протягивает его мне.

— Воронцова сказала, что тебя интересует только это! — произносит девушка, многозначительно глядя на меня.

— Отвернись, пожалуйста! — прошу я, и Юлия подчиняется, недоуменно пожав плечами.

Прикладываю маску к лицу и ощущаю знакомое покалывание каждой клеточкой кожи. Лицо привычно вспыхивает от боли, боль сменяется наслаждением, но больше не происходит ничего!

На меня не обрушивается благодать, Сила не раскрывает передо мной скрытую мощь, а тайное знание остается тайным. Разочарованный и раздосадованный, я отрываю маску от лица.

Нарышкина поворачивается ко мне. Ее взгляд полон презрения и злобы.

— Насколько я успела заметить в Царском Селе, ты довольно умен, хотя и…

Юлия осекается и поджимает губы.

— Бастард?! — я заканчиваю фразу за нее и вскидываю брови.

— Да! — она кивает, глядя мне прямо в глаза. — Мой родной отец и твой приемный хотят сочетать нас браком, наверное, для тебя это не новость?!

Я молча киваю, давая ей знак продолжать.

— Цесаревич еще жив, и это цинично, но я его не люблю! — заявляет Юлия, и полные, идеально очерченные губы кривятся в подобие улыбки. — Тебя я тоже не полюблю, поэтому имей в виду, что рядом с тобой всегда будет красивый, но бездушный манекен!

Тьма меня забери, а это заводит! Меня отвергают на старте без игры и фальши, сразу расставляя все точки над и! Что ж, я в игре!

— Рядом с тобой — тоже! — я саркастически

улыбаюсь и развожу руками. — Но я еще не дал согласие на такой брак! Меня ты в деле видела, пусть и на видео, а я тебя — нет! Я, знаешь ли, сибарит и раб удовольствий, и кошку в мешке покупать не намерен!

Юлия щурит веки и впервые смотрит на меня с интересом. Мы стоим всего лишь в метре друг от друга, но между нами — непреодолимая стена. Я чувствую это, глядя в яркое золото ее глаз. Роль партнеров, пусть и страстных — максимум, что нам грозит, ни о какой любви даже речи идти не может.

— Воронцова обманула тебя, меня интересует не только маски! — вкрадчиво говорю я, и вижу, что гордячка понимает меня с полуслова. — Кошка должна продемонстрировать свои умения и сдать экзамен!

Немного помедлив, Нарышкина опускается на колени и начинает расстегивать ремень моих брюк. Я ловлю ее за запястье, поднимаю с колен и притягиваю к себе.

— Я ждал пощечины! — с наигранным сожалением произношу я, почти касаясь губами соблазнительных девичьих губ. — Экзамен ты провалила!

Глава 22
Время прощания

Смерть Алексея Романова была ожидаемой, поэтому новость о ней я воспринял спокойно. Церемония прощания проходит в Екатерининском зале Большого Кремлевского Дворца, который утопает в цветах. Венки с траурными лентами стоят повсюду, кроме возвышения, на котором установлен гроб с телом Цесаревича, и неширокого прохода для желающих проститься с Наследником Престола. Золото, хрусталь, приторный запах увядающих цветов и черные ленты с начертанными на них неискренними словами.

По традиции первыми к гробу подходят Главы Великих Родов с женами. Сначала Великий Князь Юсупов, затем — Апраксин, и так далее. Император с Императрицей задерживаются у гроба на несколько минут, но все терпеливо ждут, затаив дыхание. Последним дань уважения усопшему отдает Шувалов. Я замечаю искреннюю скорбь лишь на его лице, остальные как будто высечены из камня и напрочь лишены эмпатии.

Организаторы похорон делают знак, и к гробу

гуськом подходим мы: наследники и наследницы Великих Родов. Нарушая церемониал, к телу бросается заливающаяся слезами Наталья Романова. Мы тактично отводим взгляды, а Трубецкой, презрев устоявшиеся правила, поднимается на возвышение и нежно обнимает Наталью за плечи. Через некоторое время Андрей уводит плачущую Романову, и к гробу по очереди подходят остальные, в том числе и я.

Цесаревич умер. Сам он отошел в мир иной, или ему помогли — я не ведаю, но факт остается фактом. Забальзамированное тело Алексея выставлено на всеобщее обозрение, и мы, его преданные друзья и соратники, с раннего утра несем почетную вахту у гроба вместо Императорских гвардейцев. Теперь никто не узнает, как и почему он стал Темным, и что хотел изменить в нашем мире. А я не узнаю, зачем был нужен Наследнику Престола, и почему перед самой смертью его отношение ко мне изменилось на противоположное.

Время, отведенное для прощания родственникам и друзьям, заканчивается, и устроители церемонии приглашают нас в небольшой зал, в котором накрыт поминальный стол, уставленный разносолами. Поминать Цесаревича, вкушая

яства, приготовленные лучшими кремлевскими поварами, мне не суждено: Андрей Трубецкой, Олег Апраксин, братья Юсуповы, князь Бестужев-младший и я будем нести вахту у гроба покойного.

Для каждого из нас приготовлена небольшая комната, в которой мы должны переодеться в парадные офицерские мундиры в цветах наших Великих Родов. Я отказываюсь от услуг помощников, захожу в помещение, и с удовольствием сбрасываю с себя фиолетовый костюм. Мне кажется, что он навсегда пропитался сладковатым ароматом цветов и таким же сладковатым запахом умирающей плоти.

Дверь за моей спиной открывается, и я оборачиваюсь на звук. В комнату заходит Ольга Трубецкая. Ей очень идет черный кринолин и вуаль, прикрывающая верхнюю часть лица. Синие глаза смотрят на меня сквозь черную сеточку, и я отчетливо вижу заполонившее их чувство утраты. И горюет она не по Романову, а по мне.

— Я не планировала говорить с тобой сегодня, но вдруг поняла, что мы не хозяева собственной судьбы, и каждый наш миг может стать последним, — тихо произносит она и отбрасывает с лица вуаль.

— Спасибо, что пришла! — отвечаю я и понимаю, что выгляжу как идиот, потому что стою перед Ольгой в трусах и носках.

— Спасибо, что случился в моей жизни! — неожиданно экспрессивно заявляет она и делает шаг навстречу. — Я ушла не потому, что не люблю тебя…

— Твой поступок — очень странное проявление любви, не находишь? — с горечью вопрошаю я.

— Ты меня поймешь, — отвечает Ольга и делает паузу, глядя на меня с улыбкой опытной и мудрой женщины на устах. — Поймешь потом. Ты не такой как все мы, и жизнь аристо, со всеми ее условностями, правилами и табу не для тебя. Как и женщины, выросшие в этом искореженном мире…

— Почему Апраксин? — я задаю вопрос, который терзает меня неотступно. — Почему этот жирный похотливый боров, а не один из Юсуповых, например?

— Похотливый?! — на губах Трубецкой возникает саркастическая улыбка. — А ты другой? Если найдешь видео, запечатлевшее наши любовные утехи, не высылай его никому и не выкладывай в сеть, ладно?!

Прежде чем продать запись моих подвигов с

красноглазыми нимфами, Апраксин наверняка показал его Ольге. И, возможно, решение о замужестве она приняла в том числе поэтому. Я мог бы сказать, что я действовал по расчету, что мне было наплевать и на красноглазых девчонок, и на Воронцову, но молчу. Мог бы сказать, что ни одного видео с Ольгой не записано, о чем я очень жалею, но…

— Олег — выбор отца, не мой, я лишь ему подчиняюсь, — запоздало отвечает Трубецкая. — Интересы Рода, в том числе финансовые, превыше всего. Ты же хотел, чтобы я в Род вернулась? Сам же меня к брату привез, забыл уже?

— Я хотел, чтобы ты от меня не зависела, — нехотя признаюсь я.

— И ты своего добился!

— Хотя бы поговорить ты со мной могла? — спрашиваю я, с трудом удерживаясь от крика.

— Нет! — отвечает она. — Ты вызываешь слишком сильное привыкание, и мне нужно было время, чтобы твои глаза стерлись из памяти!

Трубецкая говорит искренне, я чувствую это, и она сейчас на грани. Помани я ее, и девчонка не устоит, бросится в мои объятия, и мы займемся любовью прямо здесь, забыв, что за стеной лежит в гробу покойник с золотой короной на челе.

— Не поддавайся самообману, это была не любовь! — призываю я ледяным голосом. — Мы просто оказались рядом и скрасили одиночество друг друга! Помнишь нашу договоренность о свободных отношениях?

Ольга дергается, будто от пощечины и щурит глаза. Я совершаю очередную ошибку. Отшиваю любимую девчонку, как сделал это когда-то с Миной. Окатываю ее ушатом холодной воды, потому что не хочу причинять долгоиграющую боль и рубить хвост по частям, как пресловутой кошке, которую Ольга так напоминает.

— И это все, что ты чувствовал? — тихо спрашивает она, словно не веря собственным ушам.

— Мне было хорошо с тобой, — как будто нехотя признаю я и отворачиваюсь.

Трубецкая делает шаг ко мне, и я отступаю назад. Еще шаг. И еще. И еще. Мы движемся в этом угловатом сюрреалистичном танце до тех пор, пока я не упираюсь спиной в стену. Ольга нежно обнимает меня за шею, притягивает к себе и целует. Целует страстно, как она это умеет.

Я поддаюсь, но не отвечаю страстью на страсть, хотя внутри меня все клокочет от возбуждения. Трубецкая отстраняется от меня, кладет ладонь на пах, опускает глаза и насмешливо улыбается.

— Прощай, Александр! — говорит она, стремительно разворачивается на каблуках и идет к выходу.

Она даже не представляет, чего мне стоит не броситься следом, не остановить, не зацеловать и не взять ее прямо здесь, на кушетке, под вешалками, на которых развешаны тщательно выглаженные части парадного офицерского мундира, который я ничем не заслужил. Открыв дверь, она сталкивается с Трубецким, который сначала удивленно смотрит на полураздетого меня, а затем оборачивается и провожает взглядом удаляющуюся фигурку сестры.

— Тьма меня забери, вы место получше найти не смогли? — недовольно интересуется он, глядя на мои вздыбленные трусы. — Мы же на поминках?!

— Ничего не было! — отвечаю я и пожимаю плечами. — Ничего, кроме несостоявшегося прощального поцелуя!

— Я вижу! — с усмешкой говорит Андрей. — Одевайся скорее, мы опаздываем!

— Как Наталья? — спрашиваю я, снимая с вешалки форменные фиолетовые брюки.

— Ты же сам видел! — Трубецкой тяжело вздыхает.

— Я не об этом…

— Скоро объявят помолвку, ты не зря принес себя в жертву похоти Воронцовой, — произносит Андрей с иронией в голосе.

— Мог бы и спасибо сказать, — недовольно ворчу я, надевая китель. — Но я не об этом…

— Спасибо! — искренне благодарит Андрей. — И о чем же тогда?

— Как у тебя с Романовой?

— Все отлично, но настоящие гусары о таком не спрашивают, — на лице Андрея появляется довольная улыбка. — Кстати, в твоем плане есть что-нибудь, кроме любовных интриг?

— Есть, и мне будет нужна твоя помощь — желтая маска не сработала так, как я ожидал…

— Ты хочешь опробовать мою? — брови Трубецкого взмывают вверх. — Надеюсь, не посмертную?

— Мне будут нужны твои знания, твоя библиотека и, возможно, помощь Хранителя твоего Рода, — поясняю я, подходя к зеркалу и оправляя мундир. — Нужно найти маску самого Разделенного! Наш старый Хранитель поведал мне легенду, согласно которой она не только существовала, но и несколько столетий была выставлена на всеобщее обозрение в Храме!

— Может, сразу на Светлый Кристалл замахнешься? — язвительно произносит Андрей.

— Думаю, что он нам не понадобится — хватит и семи цветных!

Мы выходим из раздевалки, присоединяемся к остальным и возвращаемся в Екатерининский зал. Нас расставляют на возвышении чуть позади гроба и вручают бутафорские ружья. Прощание будет длиться четыре часа, смена караула не предусмотрена, разрешено лишь каждые полчаса менять руку с поднятым на плечо ружьем.

Наши спины выпрямлены, подбородки высоко подняты, а взгляды направлены поверх голов посетителей. Бестужев стоит по левую руку от меня, и я отчетливо ощущаю его неуемную скорбь: он единственный среди нас шестерых, кто искренне переживает смерть друга. Я не чувствую тяжести утраты, потому что знал Цесаревича без году неделю, но остальные…

Великие Князья во главе с Императором, а также члены правительства и высшие чиновники государства после прощания сразу укатили в рабочие кабинеты, их жены и родственники собрались в Императорских покоях, и Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов — единственный из высших одаренных, оставшихся в

Екатерининском зале. Он стоит на небольшом возвышении позади нас и внимательно наблюдает за лицами посетителей.

На лицах бездарей печаль, а в глаза некоторых из них стоят слезы. Стараниями Министерства печати и информации Империи Алексей был популярен в народе, его пиарщики не зря ели свой хлеб. Любые новости о наследнике подавались исключительно в положительном ключе, исключение составляло лишь видео об измене его нареченной — княгини Воронцовой, но даже оно сыграло в плюс и повысило рейтинг будущего самодержца.

Время, отведенное для прощания, подходит к концу, мои мышцы затекли, во рту пересохло, а мочевой пузырь буквально лопается от переполняющей его жидкости. Когда стрелки висящих на стене часов показывают полдень, я, наконец, вздыхаю с облегчением. Церемония окончена. Двери, ведущие в зал закрываются, толпа покидает дворец, и я опрометью несусь в туалет. Уже через три минуты мы вшестером должны выйти из Екатерининского зала с гробом Цесаревича на плечах.

Шувалов ловит меня в коридоре, сомкнув на плече железную хватку.

— Держи ухо востро! — шепчет он, не разжимая губ. — Гвардия работает спустя рукава, здесь сейчас — проходной двор, можно ожидать чего угодно и от кого угодно!

— Мы же в Кремле?! — недоуменно переспрашиваю я. — Разве есть в Империи место безопаснее?!

— Час назад прислали предупреждение о нападении, но ничего конкретного! — сообщает Великий Князь и стремительно покидает уборную. — Возможно, ложное! В любом случае не геройствуй!

От Большого Кремлевского Дворца до входа в Архангельский собор — усыпальницу российских императоров и членов их семей идти всего ничего. Там тело Алексея положат в белокаменный резной саркофаг, символизирующий собой Свет, закроют тяжелой крышкой и забудут навсегда. По обе стороны от приготовленного для похоронной процессии пути стоят плотно сгрудившиеся люди, лица и одежда которых сливается в разномастный гобелен, который внимательно читает Шувалов следующий за нами в составе небольшой процессии, состоящей из учителей Цесаревича.

Темно-зеленый лакированный гроб так тяжел,

как будто сделан из чугуна. По старой русской традиции мы несем покойника ногами вперед. Впереди идут братья Юсуповы, посередине — Трубецкой и Апраксин, а сзади — я и Бестужев. Нарушая все писаные и неписаные табу, парень идет, повернув голову к гробу, и неотрывно смотрит на мертвое лицо Цесаревича.

Из зеленых глаз Бестужева-младшего текут крупные слезы. Кажется, что все камеры нацелены только на него, и я с ужасом представляю, что уже завтра эту картинку будут обсуждать в Телеграфе, Имперском вестнике и бесчисленном количестве блогов, каналов и желтых газетенок. Что в них нафантазируют авторы, известно одному лишь Разделенному!

Отвлекшись на Бестужева, я теряю бдительность и потому замечаю ангельские личики Мангуста и Кота, когда мы оказываемся в нескольких шагах от них. И узнаю мальчишек только благодаря виноватому взгляду приютской гримерши, направленному на меня. Пацаны одеты в форму воспитанников Царскосельского лицея и стоят по бокам от Марии Пантелеевны, которая играет их заботливую мать, расстроенную смертью наследника Престола. В глазах женщины стоят слезы. Слезы прощания.

Слезы прощания?! Я окидываю взглядом мозаику лиц, и меня прошибает холодный пот! Приютские здесь, почти всем составом?!

На моем левом плече гроб с телом покойного, мы находимся в движении, но, крепко удерживая бронзовую скобу, я умудряюсь обернуться и встретиться взглядом с Великим Князем Шуваловым, который следует за нами на некотором отдалении в компании учителей и слуг Цесаревича.

Великий Князь понимает меня с полуслова. Фиолетовые глаза вспыхивают двумя сапфирами, старик прыгает с места, проносится над нашими головами и приземляется между гробом и мальчишками. Кот и Мангуст срывают с тощих шей цепочки с болтающимися на них крупными кулонами, соединяют их, и на месте пацанов врывается Сверхновая.

Время замедляется, звуки тянутся и уходят в низкий диапазон, а картинка перед глазами практически застывает. Великий Князь поднимает руки, и вспыхнувшая фиолетовая полусфера накрывает гроб с телом и нас шестерых. Вторая, гораздо большая по размеру, вбирает в себя толпу скорбящих, а затем сияющее перед нами рукотворное солнце взрывается.

Оно беснуется между фиолетовыми полусфе-

рами, выжигая всех, кто находится между ними, а я с ужасом наблюдаю за Великим Князем, угасающим на глазах. Пытаюсь отдать ему крохи Силы, которые есть в моем распоряжении, но он не принимает ее, и фигура Шувалова начинает уменьшаться. Она тает, словно эскимо в жаркий летний день, и через несколько секунд на брусчатку падает иссохшее, похожее на мумию, мертвое тело деда.

Ослепительное пламя гаснет, сферы истончаются и исчезают, а я запрокидываю голову к небу, снова ставшему голубым, и ору что есть мочи, даже не пытаясь сдержать хлынувшие из глаз слезы.

Глава 23
Яблочко от яблони

Император всея Руси принимает меня не в тронном зале, а в личном кабинете, достаточно скромном на мой неискушенный взгляд. Хрустальные люстры, мебель из карельской березы, наборные полы из мрамора, привезенного со всех концов страны, и вездесущая позолота — все это стало для меня привычным, но размеры помещения, из которого управляют огромной империей, оказались весьма скромны. Оно всего в два или три раза больше кабинета Главы Рода Фиолетовых, который станет моим, если я выйду от Романова живым.

Николай Александрович Романов суров и молчалив. После взаимных приветствий и соболезнований прошло уже пять минут. Восседая в огромном кресле с высокой резной спинкой за массивным дубовым столом, Император занят правописанием. В его руке старинная перьевая ручка, и он аккуратно выводит ей округлые буквы на пожелтевшем от времени или специальной обработки пергаменте. Самодержец не

обращает на меня внимания, даже косых взглядов не бросает.

Я любуюсь резным позолоченным двуглавым орлом, украшающим стену за спиной самодержца, и на ум приходят слова Хранителя Рода. В некоторых легендах говорится о том, что в древности эта хищная птичка была символом союза Света и Тьмы. До тех пор, пока Бог во плоти не разделил Свет на семь частей и не одарил ими своих сыновей.Интересно все же, зачем он это сделал и сделал ли?

С самого утра я стараюсь думать о чем угодно, только не о смерти деда. Именно деда, а не Великого Князя или Главы Великого Рода. Будучи послан убить его, я полюбил старика, и окончательно понял это только сейчас, после его кончины. Понял и дал себе слово, что убью того, кто в ней виновен.

Весь остаток вчерашнего дня я провел у себя в спальне. Выключил телефон, распорядился никого к себе не пускать и, лежа на кровати, вспоминал наши с дедом встречи. Вспоминал и фиксировал в памяти самые незначительные подробности, чтобы с годами они не выцвели и не потускнели. Разговоров случилось немного, но все они были искренними, и это купило меня

с потрохами. Агент Симпа, привыкший купаться в неискренности и защищавшийся от нее созданным для детей «Кодексом Агента», исчез окончательно.

А поздним вечером пришел Трубецкой. Приперся без приглашения, и Берестов впустил шельмеца. Андрей принес с собой бутылку коньяка «Шуваловский», и мы пили всю ночь, сначала сидя у панорамного окна в моих апартаментах, а затем переместившись на крышу высотки. Благо, погода была сказочная, и рассыпанные по черному небу звезды были видны даже на фоне фиолетового столба света, излучаемого родовым Кристаллом.

Мы пили коньяк, лежа на нагревшейся за день крыше и говорили. Говорили ни о чем и обо всем. О любви, о власти, о девушках и тайных мечтах, которые лелеяли в детстве. Андрей рассказывал о Великих Князьях и Княгинях, о том, какие они на самом деле, если снять сияющий покров властности. А еще он высказал версию по поводу местонахождения посмертной маски Разделенного Бога.

Уснули мы там же — на теплом гудроне, а проснулись с первыми лучами восходящего солнца в окружении вооруженных до зубов бойцов.

Наших, присланных отцом Трубецкого и Князем Бестужевым. Последние должны были срочно доставить меня к Императору. Андрей собрался драться с ними, потому что решил, что меня везут на верную смерть, и сбить благородный порыв мне удалось с превеликим трудом. Разделенный — тот еще шутник: я обрел настоящего друга среди тех, кого должен был уничтожать, не щадя живота своего!

— Готово: теперь ты — Великий Князь Александр Игоревич Шувалов по праву крови и Глава Великого Рода Фиолетовых! — восклицает Император, прерывая мои раздумья и глядя на пергамент в собственных руках, заполненный аккуратным убористым почерком. — Теперь все официально! Грамоту написал собственноручно, как встарь!

Самодержец с гордостью оглядывает бумагу, будто он не сотню слов написал, а положил на поле боя сотню бойцов неприятеля.

— Перед смертью Игорь Всеволодович подал в Императорскую Канцелярию официальный документ о признании тебя сыном и прошение утвердить наследником Рода! — Император поднимает указательный палец и со значением вскидывает брови. — Никогда бы не подумал, что

в таком возрасте можно зачать ребенка!

Николай Александрович смотрит поверх моей головы на противоположную стену со странным выражением на лице. Там висит портрет его отца, Императора Александра Романова, погибшего двадцать лет назад во время покушения Темных. Из всех глав Великих Родов тогда уцелел только дед, и я очень жалею, что не теперь не смогу расспросить его об этом.

— Объявим о твоем вступлении в наследство сразу после окончания траура! — на устах Императора появляется циничная усмешка. — Игорь Всеволодович спас Наследников Великих Родов от атаки Темных, уничтоживших тысячи людей в святая святых — Кремле, и его светлая аура теперь горит на твоем челе. Нужно ковать железо пока горячо!

— Благодарю, Ваше Императорское Высочество! — ровным голосом произношу я, хотя внутри все кипит от возмущения столь неприкрытым цинизмом.

— Не спеши благодарить! — отмахивается Романов и бросает пергамент на стол. — Всего-лишь дань традиции! Есть несколько важных условий, которые ты должен принять безоговорочно!

Что ж, начинается самое интересное — не зря

же меня пригласили на личную аудиенцию. Если бы условий или требований не было, уведомили бы письменно, передав документы курьером.

— Как ты, наверное, знаешь, последние четыреста лет Фиолетовые князья были десницами Русских Императоров, но я намерен нарушить эту традицию, — Император делает паузу, откидывается на спинку кресла и внимательно меня рассматривает, наклонив голову. — Для этой роли ты еще слишком юн и неопытен! Позже, когда войдешь в полную силу и наберешь опыт, мы обязательно это обсудим!

Я безучастно киваю. Выражаю понимание и согласие, скрывая облегчение, хотя больше всего хочется съязвить и ответить что-то типа: «Не очень-то и хотелось, но, если вы настаиваете…». Десницей станет Трубецкой-старший, Андрей сказал мне об этом еще вчера. Идеальный для самодержца вариант: Великий Князь Синих будет охранять императорскую семью с гораздо большим чаянием, чем кто бы то ни было, ведь на будущей Русской Императрице будет женат никто иной, как его родной сын.

— Это первое, но не последнее условие! — сообщает Император не терпящим возражения тоном. — Твоей помолвки с моей дочерью не

будет! Благодари Разделенного, что видео, на котором вы безумствуете с Воронцовой, появилось во всеобщем доступе до официального объявления о ней! В противном случае ты бы отдал душу Тьме еще до вчерашнего покушения! И пойми меня правильно: мне наплевать на то, с кем спят отпрыски Великих Родов, если это остается в тайне от общественности. Возьмем, к примеру, Апраксиных: об оргиях в их высотке ходят легенды, но никто, подчеркиваю — никто не имеет доказательств. А на том, которое мы выкупили, был ты. Совпадение, не иначе? Меня даже рассказанные Натальей сказки про вашу великую любовь и ожидание ребенка не волнуют — в сказке ложь, да в ней намек!

Николай Александрович наклоняется над столом и пристально смотрит мне в лицо. Я отчетливо вижу каждый волосок в его окладистой густой бороде и чувствую запах кофе с корицей, который он пил утром. Не отвожу взгляд и терпеливо жду завершения мысли.

— Мужем Натальи ты не станешь, но отцом моих зеленоглазых внуков будешь! — выдает самодержец.

— Что?! — изумленно спрашиваю я, не понимая, к чему клонит Император. — Наследники,

рожденные вне брака?! Зачем?!

— Почему же вне брака? — теперь изумляется Император. — Замуж она выйдет за Андрея Трубецкого, а детей будет рожать от тебя!

— Но…

— И если хотя бы одна живая душа об этом узнает, в первую очередь Андрей, ты умрешь!

— Давайте сразу перейдем к обсуждению моей смерти — наставлять рога другу я не намерен!

Пораженный моей дерзостью, Император замолкает, слегка изменившись в лице. А затем неожиданно улыбается, покачивая головой, и оглаживает бороду.

— Молодец, одобряю! Но этого и не требуется! — успокоившись, вкрадчиво произносит он. — Пару недель поработаешь донором спермы, а затем продолжай развлекаться, и желательно не под камерами!

— А если я откажусь?!

— Врачи устроят принудительное изъятие семенной жидкости, — губы Романова кривятся от отвращения. — Устроят совместно с людьми Бестужева. Возбуждение и боль в одном флаконе тебе вряд ли понравятся, поэтому настоятельно рекомендую принять к рассмотрению первый вариант! И всю жизнь будешь молчать об этом!

Позора я больше не потерплю! Если оступишься еще раз, случайно или намеренно проговоришься, сперму из тебя извлекут уже из мертвого!

— А с Натальей это обсудили? — уточняю я, хотя ответ очевиден.

— Думаю, она согласится с этой… — Император на мгновение замолкает, подбирая правильное слово. — С этой необходимостью.

— Договорились! — заключаю я и наигранно улыбаюсь. — Буду работать руками до изнеможения — зеленоглазых наследников короны сможете клепать вагонами! И не только наследников — я даю согласие на расширенное донорство! А если спермы не хватит — еще подгоню, запасы воистину бездонные!

Моя дерзость выводит самодержца из себя, и я с удовольствием наблюдаю, как его глаза сужаются, брови сходятся на переносице, а лоб прорезает пульсирующая вертикальная жила. На мгновение Император теряет контроль, и я вижу черные ободки вокруг его изумрудных радужек, которые исчезают настолько же быстро, насколько появляются.

Удивления нет, есть лишь удовлетворение от сбывшихся ожиданий. Я подозревал, что он — такой же скрытый Темный, как и его сын. Яблочко

от яблони недалеко падает. Я невозмутимо смотрю в лицо самому могущественному человеку в Империи и вдруг осознаю, что мне не страшно. Нисколечко. Я перерос страх смерти. Неожиданно для самого себя. Перед лицом смертельной угрозы даже к Силе не обращаюсь. Даже Покров не использую.

— Мои предки казнили и за меньшие дерзости, но в чем-то я тебя понимаю и потому прощаю! — произносит Император ровным голосом, взяв себя в руки. — Если бы ты вел себя более уважительно по отношению к нашему Роду, то и разговор был бы иным! А я, заметь, даже виру не истребовал!

От дешевого пафоса хочется скривиться, словно от оскомины. На кончике языка вертится множество язвительных шуток на тему моего донорства, родства будущих наследников двух Великих Родов и возможности стать отцом всех будущих поколений одаренных, но я благоразумно помалкиваю, ибо умереть здесь и сейчас не могу. Месть — это блюдо, которое подают холодным.

— Переходим к следующему пункту! — продолжает Император. — Ты женишься на Нарышкиной, и она будет рожать тебе детей каждый год! Мне нужны трое, а лучше пятеро мальчишек с

фиолетовыми глазами и сильный Род! Такой же сильный, как сотню лет назад! Сильный и лояльный Российскому Престолу! Фиолетовые должны возродиться!

— А что скажет Глава Великого Рода Желтых, когда возьмет на руки младенца с фиолетовыми глазами? — спрашиваю я, тщательно дозирую градус дерзости.

— Заботу об этом предоставь мне! — уверенно заявляет Романов. — И сам не плошай — поднимай уровень владения Силой! Даст Разделенный, у тебя будет много детей, и всех придется защищать!

Впервые за время нашей напряженной беседы в зеленых глазах самодержца загораются озорные искорки. Он расслабляется и смотрит на меня как многоопытный отец на блудного сына, вернувшегося на правильный, проторенный еще предками путь. При всем при этом эмоционального фона Романова я не чувствую. Против высших одаренных мой Темный дар бессилен, хотя и инициирован.

— Организаторов теракта еще не нашли? — спрашиваю я, внимательно наблюдая за реакцией собеседника.

— Никаких следов! — отвечает Император и

горестно качает головой.

Качает слишком горестно, явно переигрывая. Он врет, я отчетливо вижу это, хотя мой Дар молчит. С большой вероятностью заказчик сидит прямо передо мной. Заказчик и управляющий проектом «Приют» в одном лице. Вот только зачем ему это? Не Приют, а покушение на наследников Великих Родов? Не удивлюсь, если выяснится, что атаку в Царском Селе организовал тоже он! Не удивлюсь, хотя это и не вписывается в логику.

— Бестужев копытом землю роет, но все бесполезно — от нападающих не осталось никаких следов в буквальном смысле — ничего, кроме пепла, — Романов разводит руками и устраивается в кресле поудобнее. — Да ты и сам все видел!

Лучше бы я не видел! Не видел ничего! Ни кружащего по опустевшему двору Кремля пепла, ни высохшего, словно мумия, трупа Шувалова, ни гроба Цесаревича, который мы уронили на брусчатку.

— А чем нас взорвали? — продолжаю гнуть свою линию я. — Никогда не слышал ни о чем подобном!

— И не должен слышать! — самодовольно кивает Император. — Таких мощных амулетов в

музеях Великих Родов нет! Говорят, что ты зачастил ходить среди древних экспозиций? Ищешь что-то?!

— Постигаю историю — восполняю пробелы, так сказать! — подтверждаю я.

— Не мути воду слишком сильно! — с усмешкой произносит Романов. — Это не условие, а просьба! Что бы ты ни делал, действуй осторожно и осмотрительно, а не при напролом! Советую не как Император, а как более старший коллега!

— Буду следовать вашему мудрому совету! — совершенно искренне отвечаю я, слегка склонив голову.

— Что ж, на этом и порешим! — удовлетворенно заключает Император, пристально глядя сне в глаза. — На всякий случай повторю еще раз: мне нужны лояльные Князья! Сначала лояльность, а уже затем ум, честь и сила! Надеюсь, мы друг друга поняли?!

— Безусловно! — подтверждаю я и с облегчением встаю с неудобного кресла. — Разрешите идти?!

Стоило бы добавить «на спермозаготовку», но я осторожничаю.

— Ну, зачем же так официально — мы же не в армии?! — самодержец кривит лицо, встает из-за

стола и подходит ко мне. — Ты теперь — Глава Великого Рода и член совета Семи Великих Князей! Теперь на тебе лежит огромная ответственность! Помни об этом каждую минуту!

Император крепко жмет мою руку, и, попрощавшись, я выхожу из кабинета. Меня обуревают двойственные чувства. С одной стороны, Романов выглядит человеком беспринципным и готовым на все ради сохранения власти. С другой стороны, Император огромной страны и должен быть таким?!

Мне становится грустно. Если мой план осуществится, то вчера Андрей Трубецкой в последний раз был самим собой — просто хорошим парнем, с которым хочется дружить. Уже через несколько дней он станет совсем другим, впрочем, как и я.

Глава 24
Прозрение

До Инициации остается всего двенадцать часов, а голова уже идет кругом от встреч с управляющими активами и доверенными лицами Рода: каждый час на меня выливается колоссальный объем информации. Теперь я сказочно богат, но меня это совершенно не трогает. Когда твое состояние исчисляется десятками миллиардов целковых, вложенных в различные предприятия и банки, оно воспринимается как абстракция, которую невозможно пощупать или обозреть.

Вступив в наследство, я согласился на все условия Императора, но выполнять их не спешу — даже не позвонил Великому Князю Нарышкину и не известил, что готов жениться на его лапочке-дочке. Надеюсь, что после церемонии Инициации мир изменится настолько, что все прежние договоренности потеряют свою ценность. О похоронах деда, которые состоятся после, я стараюсь не думать.

Шеф объявился неожиданно. Сообщение пришло вечером, когда я, наконец, остался в кабинете

деда в одиночестве и отдыхал от череды важных встреч и деловых разговоров с десятком скучных профессионалов, имена которых не отложились в моей памяти. «Жду тебя на чашечку кофе через полчаса. В Онегине. Одного. Столик на твое имя.», — написал он со скрытого номера и поставил стилизованную чашечку кофе вместо подписи.

Встречу старик назначил в Онегине. В одном из самых дорогих и пафосных ресторанов Москвы. Знает, что за полчаса я не успею разработать операцию и убрать его чисто. Боится, значит, и считает, что я не посмею уложить его на глазах у множества одаренных. Ненависть и острое желание убить эту мразь накрывает меня удушающей волной, я сжимаю смартфон в руке, и сенсорный экран идет трещинами.

Берестов является на мой зов через две минуты. Мы отменяем тщательно разработанную операцию по моему проникновению в Храм Разделенного, который перед Инициацией охраняется серьезнее, чем резиденция Императора, и еще пять минут обсуждаем детали новой. Минуту я стою перед зеркалом, тщательно завязывая волосы в хвост. Три минуты уходит на то, чтобы добраться до стоянки и сесть на мотоцикл. На переодевание нет времени, и я еду на встречу в

классическом фиолетовом костюме от Пуаре.

Путь к Неглинной занимает двадцать минут, я несусь между застрявшими в пробках автомобилями, задевая зеркала и отчаянно нарушая правила движения. Если я опоздаю больше, чем на пару минут, Шефа в ресторане уже не будет. У меня есть подозрение, что его там не будет в любом случае, и это лишь первый пункт запутанного квеста по поиску нужной локации, но все же лечу на пленительный огонь, как ночной мотылек — на яркий свет костра.

К ресторану я подкатываю за минуту до назначенного времени. Не обращая внимания на протесты охраны, бросаю байк у ступеней и захожу внутрь. Два амбала в черных костюмах пытаются меня остановить, но фиолетовый огонь в моих радужках пресекает их намерения на корню.

— Добрый вечер! — обращаюсь к администратору, широко и доброжелательно улыбаясь. — Столик забронирован на имя Александра Игоревича Шувалова, проводите, пожалуйста!

— Добрый вечер! — одетый в смокинг седовласый старик с показным равнодушием скользит взглядом по моему лицу, учтиво кивает и предлагает следовать за ним.

Мы проходим в центральный зал ресторана — огромное помещение с высокими расписными потолками и стрельчатыми окнами. Меня окружает привычное классическое убранство, от которого постепенно начинает тошнить: белые стены, позолоченная лепнина, пилястры с капителями и неизменный наборной паркет на полу.

Зал на сотню столиков заполнен до отказа, и я следую за быстро идущим стариком, лавируя между посетителями и официантами. Шеф ждет меня в самом центре зала, наш столик установлен на некотором удалении от остальных, но его устранение будет равносильно бойне с десятками убитых. Этого Император не простит точно.

Шеф тепло улыбается мне, словно старому другу, встает со стула, делает шаг навстречу и кладет руки на плечи, внимательно разглядывая мое лицо. Я улыбаюсь в ответ и беру старика под локти, хотя больше всего мне хочется с хрустом сломать его шею.

— Возмужал! — заявляет он и пытается похлопать меня по щеке, но я уклоняюсь от сомнительного жеста и занимаю приготовленное для меня место.

Некоторые посетители косятся на нас и узнают во мне наследника Великого Рода Шуваловых,

лицо которого смотрит на них с каждой страницы рунета. Они привычно тянутся за телефонами, что мне и нужно. До окончания завтрашней Инициации вся Империя должна быть уверена, что Великий Князь Шувалов-младший был здесь, сражался с Темным? А затем…

— Сомневался, что ты приедешь, — задумчиво произносит Шеф, садясь напротив.

— Сомневался, что застану вас здесь, — парирую я.

— Того доверия, что между нами было когда-то, уже нет, — говорит Шеф с наигранным расстройством, — и я выбрал место для встречи, где наши агрессивные порывы будут связаны.

— Доверие всегда было односторонним, — с иронией отвечаю я. — юный Агент Симпа был слишком доверчив и верил людям. В первую очередь тем, кто его приручил!

— Такой же дерзкий, как и всегда, — со вздохом заключает Шеф, берет со стола бокал с водой и делает глоток, не отрывая от меня наполненного теплотой взгляда. — Я думал, что пребывание в обществе аристократов тебя изменит!

— Оно меня изменило! — я киваю, принимая из рук подошедшего официанта бокал холодного шампанского. — Агента Симпы больше

не существует. Как, впрочем, и всех остальных приютских…

— Этого требовали обстоятельства, — Шеф хмурится, и искусственная улыбка сползает с его лица.

Сейчас он лжет, я чувствую это столь же отчетливо, сколь и неизменный запах кофе, сопровождающий старика. А еще я вижу перед собой пульсирующий черный сгусток. Шеф — Темный. Темный, скрывающий обсидиан глаз за контактными линзами, либо скрытый, такой же, как я или Цесаревич.

— Возможно, Симпы никогда бы и не случилось, потому что тот наивный и веселый мальчишка мог существовать только в созданной мной искусственной реальности Приюта! — с горькой усмешкой произносит Шеф. — Рано или поздно у всех мальчиков мозг начинает превалировать над членом! Поздравляю, ты стал взрослым! Но учти, что это — бесконечный процесс, и новый Симпа будет умирать каждую минуту, чтобы возродиться в новом же Симпе…

— Вы планировали убить в Кремле всех первых наследников Великих Родов одним ударом?! — перебиваю я, не желая философствовать впустую и подавляя потребность сжечь Шефа в фиолето-

вом пламени. — Зачем?! И как это возможно без участия Императорской Гвардии?!

— Я решил встретиться с тобой, чтобы выполнить данное тебе обещание и рассказать о том, что происходит в Империи на самом деле, для чего был нужен Приют и для чего Приюту был нужен ты! — заявляет Шеф вкрадчивым голосом, проигнорировав мой вопрос. — Ты должен это знать, чтобы в дальнейшем действовать осмысленно!

Вот как?! По мнению Шефа, у меня есть будущее, и он не планирует убивать меня здесь и сейчас?! Я молча смотрю в изборожденное морщинами, осунувшееся лицо и стараюсь унять разгорающуюся внутри меня ненависть. Значительную часть пазла уже открыта, но пробелов все еще предостаточно. А, прежде чем приступить к задуманной мной рискованной авантюре, я должен заполнить их все.

— Я буду говорить тебе правду и ничего, кроме правды, а ты сам решай: верить мне или нет! — заявляет Шеф, оглядывая заполненный посетителями зал. — Не думаю, что Бестужев нас слушает, хотя не исключаю этого. А если и так, у него и без этого разговора достаточно поводов не только упечь тебя в зиндан, но и принародно

казнить: чего только захват Храма стоит!

— Я весь — внимание! — спокойно заявляю я, хотя внутри бушует буря, и каждое новое слово Шефа вызывает желание незамедлительно выбить ему зубы.

Старик замолкает и делает знак официанту. Нам приносят кофе по-османски и марципановое пирожное. Я бросаю на Шефа вопросительный взгляд и отодвигаю тарелку в сторону.

— Симпы, действительно, больше нет, — раздосадованный моей реакцией, он тяжело вздыхает, и я чувствую его искреннюю обиду.

— Обещаю, что съем этот сладкий марципановый десерт, если услышу обещанную правду, — поясняю я, чтобы сподвигнуть Шефа на откровения, и делаю глоток кофе.

— Российской Империей правят Темные, — с ходу заявляет старик и замолкает, оценивая мою реакцию.

Что-то подобное я подозревал уже давно, и потому мое лицо остается бесстрастным.

— Все Главы Великих Родов — скрытые Темные, в том числе Император, — продолжает Шеф, не отрывая от меня взгляда серых глаз, и добавляет после еще одного тяжкого вздоха. — Теперь все без исключения!

— Шувалов об этом знал? — я не могу удержаться от этого вопроса.

— Наверняка! — Шеф пожимает плечами. — Единственный Цветной одаренный среди скрытых Темных не мог не знать! Нынешние Главы Великих Родов двадцать лет назад были не старше тебя, и так же, как и тебе сейчас, им казалось, что Империю нужно спасать. Они убили своих отцов во время Инициации. Всех, кроме Шувалова. Официальная версия гласит, что это была атака Темных, и, как ни странно, это правда, вот только истинные Темные террористы правят Империей под личиной Цветных!

Сказать, что я обалдел, значит, не сказать ничего. Особенно, учитывая, что теперь старик говорит правду. Точнее, озвучивает версию, в которую искренне верит.

— Но зачем?

— Власть сладка! — многозначительно заявляет Шеф. — Тебе этого не понять, потому что я воспитывал тебя в другой парадигме! А для тех, кто вырос, купаясь во власти с раннего детства, все обстоит иначе…

— А как же забота о Судьбе России?

— Об этом они думали тоже, — Шеф согласно кивает. — Переворот помогли осуществить Импе-

рии Темных, без них ничего бы не вышло! И это была цена мира! В противном случае случилась бы большая война, и Россией все равно правили бы Темные, но пришедшие из-за рубежа!

— Почему вы уверены, что мы бы проиграли?

— Запомни, мой мальчик, нельзя противостоять всему миру, как, впрочем, и воевать с ним! Темных в десять раз больше, чем нас!

— Я слышу это из уст самого что ни на есть Темного! — фыркаю я.

— Когда я использую термины «Темные» или «Цветные», я подразумеваю не цвет глаз, а цивилизационное мировоззрение! — отвечает Шеф с упреком. — Но на меня не ориентируйся, для всех одаренных цвет магии подобен религиозным убеждениям древности! Самый лучший признак: свой перед тобой, или чужой!

— А невинно убиенные Главы Великих Родов что же? Планировали войну? Не хотели договариваться с Темными? Или просто не разглядели в своих детях опасных моральных уродов?

— Они не были готовы к компромиссам и верили, что смогут противостоять Темным! Вот только среди нас уже пару сотен лет не появлялось ни одного Светлого, без которых противостоять орде Темных равносильно самоубийству! Они не

появлялись вплоть до твоего рождения, — многозначительно заканчивает старик, но я намеренно не реагирую на его намек.

— А Светлые что же, могли нас защитить?!

Какое-то время старик молчит, а затем наклоняется через стол и прикрывает ладонью губы.

— Истинные Светлые могли лишить Дара любого его носителя, — шепчет он. — Ведь черный цвет — это такая же часть спектра, как и все остальные, а белый — их сумма!

Я удивленно смотрю в лицо Шефу и понимаю, что мое представление о мире в очередной раз выворачивается наизнанку. Вспоминаю предложение Светлого, вспоминаю его чудовищную мощь и задаю себе вполне логичные вопросы. Почему он не пользуется такой властью? Почему борется с Темными методами обычных одаренных? Почему играет с ними на равных?

— Как становятся скрытыми Темными?

— Ты уже понял, что Осколки — это своего рода костыли, которые ограничивают выбор цвета магии носителем?

Я киваю, хотя скорее догадывался об этом, нежели осознал в полной мере.

— Осколки для нынешних Глав Великих Родов перенастраивали Имперские Дознаватели, но

не каждый одаренный способен постичь магию Цвета и магию Тьмы одновременно…

— Таких убивал Приют?

— Да, после того как Дознаватели выносили свой вердикт…

— Тогда зачем было столько покушений на меня, ведь дознаватели наверняка увидели мою Темную суть? — перебиваю я Шефа.

— А теперь мы подбираемся к самому интересному, — старик довольно улыбается, словно объевшийся сметаны кот. — Решение о создании Приюта было принято отцом нынешнего Императора, и твой покорный слуга воплотил его в жизнь. Мы собирали бастардов со всей Империи и создавали из вас в первую очередь агентов, а не убийц. И очень надеялись, что многие из вас станут одаренными. Но мы просчитались, даже несмотря на то, что держали вас прямо под Кристаллами Храма Разделенного. Ты оказался единственным исключением…

— И вы послали меня на верную смерть, чтобы это счастливое исключение уничтожить?!

— Мы послали тебя занять место Великого Князя Фиолетовых, и это тебе удалось! — на лице Шефа появляется непривычная мне ироничная улыбка. — Не без нашей помощи, конечно!

— Кто из Глав Великих Родов знает о Приюте?

— Только нынешний Император и его покойный отец!

Тьма меня раздери, Бестужев-старший оказался прав. Я засланный казачок, путь которого был заранее просчитан и обеспечен действиями закулисных кукловодов!

— А Бестужев знает? — уточняю я.

— Только Император! — уверенно повторяет Шеф.

— И все покушения на меня — инсценировка?

— Ну почему же инсценировка? — удивляется Шеф. — Если ты заметил, они были вполне настоящими! Но я был в тебе уверен!

— А Царское Село?

— Не моих рук дело! — Шеф отрицательно качает головой и делает глоток остывающего кофе.

— А клуб «Белый Шум»?

— Некто неизвестный мне ликвидировал почти всех Темных Российской Империи, — Шеф кривит губы и вытирает их салфеткой. — А оставшихся добил Бестужев. Это было просто — все Темные Империи были под его колпаком…

— Зачистка поляны?

— Именно! — старик кивает. — Но с приютскими все иначе…

— И каков мотив их убийства? — нетерпеливо спрашиваю я, хотя ответ уже лежит на поверхности.

— Я убрал свидетелей твоего приютского прошлого и одновременно расчистил финальную часть твоей дороги к трону! Ты должен занять его и изменить Империю!

Во мне снова разгорается слепая ярость, а желание убить Шефа становится нестерпимым, но я держу себя в руках. Прежде мне нужно собрать пазл целиком!

— Напав на нас в Кремле, вы действовали не по приказу Императора?! — уточняю я. — Он не знает о том, что я воспитанник Приюта?

— Глупый агент работает только на хозяина, расчетливый — на хозяина и на себя, а идейный — на идею и только потом — на хозяина! Венцом карьеры последнего должна стать самостоятельная операция, которая резко меняет положение всех фигур на доске!

Шеф замолкает, наклоняет голову над тарелкой и вынимает из глаз контактные линзы. Я непроизвольно откидываюсь на спинку стула, потому что мне непривычно видеть на столь знакомом лице чернь обсидиановых радужек.

— Я всегда любил тебя как сына, которого у

меня никогда не было! — говорит Шеф и встает из-за стола. — Не верь Императору, завтрашней Инициации ты не переживешь! И не забывай о целях, ради которых я собрал вас в Приюте! А зачистка… Зачистка еще не закончена!

Тьма меня раздери! Старик говорит правду, он, действительно, любит меня, я чувствую это. Чувствую и отчетливо понимаю, что произойдет в следующие секунды. Я активирую Покров за мгновение до атаки Шефа. Месяц назад он убил бы меня играючи, но сейчас силы не равны, и он прекрасно это понимает. Понимает, но все равно атакует. Атакует, широко улыбаясь.

Я не убиваю его, а бросаюсь вперед, валю на пол и бью в ненавистную улыбку, чувствуя, как под моими кулаками крошатся зубы человека, которого любил как отца. Я больше не могу сдерживаться и наношу удар за ударом, вспоминая погибших приютских и иссохшее тело Шувалова. Шеф не защищается, не использует Темную магию и продолжает улыбаться окровавленными губами, вздрагивая всем телом от каждого моего тычка.

— Ты сделал то, что должен был сделать, — едва слышно произносит он и закрывает глаза.

А затем за спиной звучит топот ног, в нас

врезаются заряды магострелов, и я тону в ослепительной вспышке. Тону и истошно кричу, запрокинув голову к расписному потолку опустевшего зала. Кричу не потому, что сгораю в адском пламени, а потому, что снова сыграл по навязанным правилам и исполнил чужую волю!

Глава 25
Сущность Разделенного

Великий Князь Игорь Всеволодович Шувалов был прав: убить инициированного фиолетового мага из магострела невозможно. А вот Темного, даже высшего — запросто. Тело Шефа испарилось в ослепляющей вспышке, а я под защитой Покрова даже дискомфорта не почувствовал, если не считать солнечных зайчиков, мечущихся перед глазами. Ничком падаю на пол, закрываю глаза и деактивирую Покров.

Я успеваю заметить, что в зале нет убитых или пострадавших, и мысленно благодарю за это Разделенного. А еще за то, что убил Шефа так быстро. Старый лжец должен был страдать и молить о пощаде, вспоминая каждого приютского, но я проявил милосердие и лишил его жизни быстро.

Рядом раздается громкий топот армейских ботинок: бойцы окружают меня и придавливают к полу. На спину наваливается тяжесть, мне на голову надевают черный светонепроницаемый мешок, хватают за руки и за ноги и выносят из зала. Мои мышцы полностью расслаблены,

сердцебиение замедлено, а голова безвольно болтается из стороны в сторону, свесившись к полу.

Под удивленными взглядами уличных зевак меня бросают в багажник автомобиля, он закрывается, и машина срывается с места. Она мчит по улицам Москвы в сопровождении сигналов возмущенных водителей, маневрирует, нарушая правила, и я бьюсь о стенки багажника, проклиная собственный план отхода из ресторана.

Через десять или пятнадцать минут машина останавливается, взвизгнув тормозами, меня достают из багажника, уносят от машины, поднимают чуть выше, кладут на холодную каменную поверхность гранитного парапета, а затем сбрасывают вниз.

Лечу я недолго, буквально секунду или полторы. Покров не активирую, чтобы дорожные камеры не зафиксировали вспышку фиолетового света, и холодная вода ударяет меня в спину. Тьма меня забери, как же больно! Стремительно ухожу под воду, извиваясь всем телом, и уже там, срываю с головы черный мешок.

Уже через час или два службисты Тайного Сыска проверят записи дорожных камер и доложат, что новоиспеченный Великий Князь Александр Игоревич Шувалов почил в бозе. Точнее, в мут-

ных водах Москва-реки.

Я плыву под водой и бесшумно поднимаюсь на поверхность воды под мостом. Вдыхаю живительный воздух полной грудью и внимательно прислушиваюсь. Судя по всему, сброс человеческого тела в реку проезжающих мимо водителей не заинтересовал: я не слышу ничего, кроме грохота проезжающих над головой автомобилей.

Я раздеваюсь, стуча зубами от холода, завязываю вещи в отяжелевший от воды узел, и плыву к условленному месту у бетонного отбойника, где безопасники Берестова спрятали пакет с парадным родовым мундиром, короткий гидрокостюм, портативный буксир, фонарь и маску для подводного плавания.

Надеваю гидрокостюм и маску, пристегиваю пакет с одеждой к буксиру и сжимаю зубами жесткий загубник трубки. Берусь за руль, напоминающий мотоциклетный, запускаю двигатель и начинаю движение. Гидрокостюм не защищает от холода полностью, но ледяная вода Москва-реки не обжигает кожу на груди и дает возможность думать не только о вожделенном тепле.

Я вспоминаю, как плыл к Храму после операции в особняке Воронцовой, и лишний раз осознаю, что от меня прежнего не осталось ничего. Агента

Симпы, действительно, больше не существует. Я все еще ценю чужие жизни и не считаю других людей грязью под ногами, но со временем изменится и это.

Убийство Шефа — яркое тому свидетельство. Он назначил встречу, чтобы поделиться информацией, которой располагал, одновременно планируя собственное убийство моими руками. Старик знал меня как облупленного и просчитал мои реакции наперед. И я сделал ровно то, что он запланировал: убил его, не в силах сдержать порыв мести. Убил и ничуть не раскаиваюсь!

Гребаный кукловод, Тьма его забери!

Я подавляю захлестывающую меня злость и возвращаюсь к спокойным рассуждениям, размеренно дыша через трубку и аккуратно подруливая под водой.

Мотивы нынешних Глав Великих Родов выглядят благородно: они хотели не допустить войны и сохранить независимость страны, но это лишь слова! Очевидно лишь то, что двадцать лет назад, будучи безусыми юнцами, Цветные маги легли под Темных, убили собственных родителей и прибрали власть в стране к своим окровавленным рукам.

Шестеро Великих Князей Империи, включая

Императора — тайные Темные. Сколько еще цветных аристо носят в себе частичку Тьмы — одному Разделенному известно. На завтрашней Инициации все наследники станут скрытыми Темными, в этом я практически уверен. Но что это им даст? Я тоже несу в себе два начала, но все еще не ощутил себя всемогущим или марионеткой Темных!

Возможно, мне не повезло, и Истинные Темные чувствуют себя Богами, как я, стоя перед Темным Кристаллом в Царском Селе? Вряд ли, скорее я поверю, что со мной произошло нечто из ряда вон выходящее, нечто, свидетельствующее о моей способности собрать в себе три начала и стать… Стать тем самым Всемогущим Светлым, которому подвластны все три стихии?!

Если скрытое Темное начало не влияет на менталитет, а я этого пока не чувствую, то, на первый взгляд в стране ничего страшного не происходит. Темные Главы Родов рядятся в цветные маски, чтобы российский народ не поднял их на вилы Темных на престоле, только и всего. Но зачем они это делают? Должна же быть какая-то цель, помимо реверанса в сторону Темных Империй и пускания пыли в глаза собственному народу?

Старик помог собрать значительную часть

пазла. Помимо истинных целей высокородных аристо, открытой осталась лишь малость — мои двойники и роль таинственного Светлого в моей судьбе. Интуиция подсказывает, что он мой клон, но это предположение столь же невероятно, сколь и существование нескольких одаренных близнецов с глазами разного цвета.

Из головы не выходит фраза Шефа о том, что Истинные Светлые могли лишать других одаренных их Дара. Какой бы фантастичной ни казалась эта информация, она может оказаться правдой. Если Разделенный Бог, самый могущественный одаренный в Истории, мог наделять Даром, то что мешало его лишить?

Я приближаюсь к Храму, его светящиеся разноцветные купола уже видны сквозь толщу воды, и меня пробирает мандраж. То, что я задумал, откровенно попахивает авантюрой. Смертельно опасной авантюрой. И это вовсе не фигура речи: если эксперимент пойдет не по плану, то в лучшем случае не произойдет ничего, а в худшем… В худшем я могу вспыхнуть огнем или стать существом, в котором не останется ничего человеческого!

Я подплываю к Патриаршему мосту и поднимаю голову над водой. Храм, действительно,

охраняется серьезно, как никогда до этого — цепочка вооруженных до зубов бойцов стоит даже вдоль набережной. О том, чтобы проникнуть внутрь по поверхности, можно даже не думать. Радует лишь то, что в России всякая суровость мер компенсируется расхлябанностью исполнителей: в сторону реки никто не смотрит. Солдаты увлеченно болтают, опершись о чугунное ограждение и стоя спиной ко мне.

Никем не замеченный, я бесшумно погружаюсь под воду и плыву к ливневому коллектору, ведущему под Храм. Решетка на месте, ключ — тоже. Во время моего прошлого визита я рассказал о том, как проник в Приют только Шувалову, а он на это лишь рукой махнул.

Открываю решетку, толкаю рычаг и вплываю в тоннель. Поднимаюсь на поверхность, выхожу из воды и иду к бетонной двери, захватив с собой пакет с парадной одеждой, предназначенной для завтрашней инициации. Делаю все на автомате, не раздумывая, и стараюсь выбросить из головы воспоминания об отрочестве, когда преодолевал этот путь каждую неделю и заходил в Приют, стуча зубами и вожделея горячий душ.

Включаю фонарь и приникаю глазом к зеленому стеклу, за которым спрятан сканер. Терпеливо

жду почти минуту, но он не работает — лазерный луч не загорается и сетчатку глаза не считывает. Ругаюсь, будто портовый грузчик, и пытаюсь сдвинуть дверь руками. Ничего не выходит — бетонный прямоугольник не двигается.

Застываю в раздумьях. Шеф говорил о том, что от воздействия излучения Кристаллов Храма Разделенного нас защищал могущественный артефакт. Если его не извлекли после пожара, то в противоположном направлении он должен работать тоже: на поверхности земли применение Силы должно остаться незамеченным.

Мои радужки вспыхивают, тело окутывает Покров, и я создаю конструкт, окутывающий огромную дверь. Заключаю ее в мерцающую оболочку, словно в чехол, и врастаю Покровом в толщу бетона под ногами — законы физики никто не отменял. Чтобы сдвинуть с места эту махину, мне нужна надежная точка опоры.

Упершись босыми подошвами в холодный бетон, я закрываю глаза и двигаю дверь вправо. Понимаю, что любой опытный одаренный открыл бы ее одним лишь усилием воли, без танцев с цимбалами, но иначе пока не получается.

Плита вздрагивает, поддается под моим напором и со скрежетом скользит по направляющим,

открывая место, которое было моим домом почти десять лет. Сейчас из провала пахнет не сдобной выпечкой и жареным мясом, а воняет застарелым пожарищем.

Я осторожно переступаю через порог, освещая путь фонарем, хотя могу проделать его с закрытыми глазами в полной темноте. В Приюте стоит абсолютная тишина. Коридор пуст, как и во время пожара. Я шарю по закопченным стенам ярким лучом и медленно продвигаюсь вперед.

Прохожу мимо своей комнаты и, сжав зубы, захожу внутрь: мне нужно одеться и обуться. Роба послушника и даже кожаные сандалии в шкафу пропитались запахом гари насквозь, но выбирать не приходится. Облачаюсь в монашеское одеяние и распускаю собранный на затылке хвост: послушники такие прически не носят. На мгновение я застываю посередине комнаты и снова ощущаю себя прежним Симпой — свободным, счастливым и полным радужных надежд.

Бетонная переборка, когда-то отделяющая жилую зону Приюта от общественной, лежит на полу. Помещения за ней пострадали гораздо больше, пламя выжгло их до абсолютной черноты. Я пробираюсь к цели, отгоняя воспоминания о собственном детстве, прошедшем здесь, и наде-

юсь, что тайный путь наверх сохранился, так и оставшись тайным.

Дверь на узкую винтовую лестницу является частью массивной колонны, поддерживающей свод Темной комнаты. Она выгорела так же, как и остальные помещения Приюта, и теперь полностью соответствует своему названию.

Нажимаю на рычаги, замаскированные под стальную декоративную окантовку, и вздыхаю с облегчением: полукруглая металлическая дверь послушно сдвигается в сторону. Даже магию применять не приходится.

По узким ступеням я поднимаюсь медленно и бесшумно: тайный ход ведет непосредственно в Храм, но в каком он состоянии, и сохранилась ли шумоизоляция, мне неизвестно. Если заварен или забетонирован, то придется идти на риск и открывать его с помощью Силы.

Полукруглый люк, ведущий из несущей колонны в Храм, в полном порядке. Сценаристы Мосфильма расхохотались бы в голос и сказали, что в жизни так не бывает, а я рассмеялся бы им в лицо. Медленно поворачиваю скрытый в ступени рычаг, открываю три заглушки, приподнимаю тяжелую крышку и прислушиваюсь. Для раннего вечера в Храме необычно тихо. Не слышно

ни тихого шепота посетителей, ни шаркающих шагов престарелых послушников, ни голосов исповедников, увещевающих грешников.

Я выбираюсь в одну из исповедальных кабин, окружающих колонну, закрываю люк и выглядываю наружу. В Храме, действительно, нет ни единой живой души. Закрываю глаза. Мерцающих магическим светом Осколков, украшающих шеи одаренных, я не ощущаю тоже, как, впрочем, и самих одаренных. Мой маскарад оказался излишним: следящие камеры в Храме отсутствуют, ибо ничто не должно нарушать таинство общения с Богом.

Выхожу из исповедальной кабинки и осматриваю Наос. Каменные фигуры Разделенного, освещенные магическим светом, льющимся из разноцветных куполов, все также держат на могучих плечах купол, глядя на установленную в центре зала реплику Светлого Кристалла. Вот только оконные витражи не светятся, потому что за окнами царит тьма. Я усмехаюсь: в этом есть определенный символизм.

Я не обращаюсь к магии, и потому внутреннее убранство Храма выглядит обыденно. Врата Силы не мерцают радужными переливами, цветные стекла в глазницах статуй Разделенного Бога

остаются погасшими, а реплика Светлого Кристалла напоминает большой обломок тусклого хрусталя.

Подавив желание раствориться в плотных потоках энергии, пронизывающей пространство, я решительно направляюсь к Алтарю. На этот раз Врата Силы приходится открывать руками, как обычные двери. Я останавливаюсь в проеме и какое-то время смотрю на мраморную статую Разделенного, простершую вытянутую ко мне длань над Престолом. Кажется, что Бог смотрит прямо на меня, но это всего лишь иллюзия.

По моей просьбе Трубецкой потратил много часов, изучая летописи, предания и дошедшие до нас свидетельства современников Разделенного. То, что с его лица была снята посмертная маска, не вызывало сомнений ни у кого. Ей приписывали чудодейственные свойства: по мнению древних сказителей, надевший ее мог получить Дар и стать магом.

Маска бесследно исчезла уже через несколько лет после смерти человека, впоследствии названного Богом. По мнению современных ученых, она была украдена одним из семи Великих Родов, а затем утрачена навсегда, оставшись погребенной в каком-то защищенном схроне.

Андрей не согласился с учеными и начал копать. Маска исчезла примерно в тот самый момент, когда закончили строительство Храма. Трубецкой предположил, что она спрятана где-то внутри, не спрятана даже, а используется во время Инициации. После рассказа сестры о подробностях священного действа он уверился, что маска скрыта в Престоле, либо является его фрагментом.

Я подхожу к стеклянному, неудобному креслу и касаюсь его пальцами. Медленно провожу подушечками по изящным изгибам и опускаю ладони на сидение — единственную часть, имеющую матовую поверхность. Она и должна быть такой, учитывая, сколько благородных седалищ на ней побывало.

Ощупываю низ сидения и ощущаю такое же стекло, как и сверху, только глянцевое. Если маска Разделенного и спрятана в Престоле, то только внутри сидения, а это означает, что ее либо залили расплавленным стеклом, либо передо мной конструкт, в котором заключен еще один конструкт.

Я кладу ладони на матовую поверхность, закрываю глаза и пытаюсь ощутить Силу, таящуюся внутри Престола. Стою так несколько мгновений,

но ничего не меняется. Наверняка этого предмета касались пальцы тысяч высших одаренных, и будь Престол конструктом, они бы непременно это почувствовали. Или нет? Ведь никто из Глав Родов за всю их историю так и не понял, что посмертные маски Основателей — не жалкие поделки для бездарей, а настоящие конструкты?!

В памяти возникают слова Шефа об Осколках. Понял ли я, что они якорь, который удерживает инициируемого в определенных рамках?! Конечно, понял, и теперь — окончательно!

Я снимаю с шеи Осколок, прячу его в карман и вновь касаюсь матового стекла. Поток Силы ударяет в ладони и отбрасывает их вверх, а пространство наполняется тихим шелестом, напоминающем шепот тысячи голосов.

Стекло трансформируется! Оно становится жидким, сияя, словно расплавленный металл, и превращается в зеркало, в глубине которого возникает объемное изображение лица. Моего лица! Вздрогнув, я делаю шаг назад и отвожу взгляд от прозрачных бездонных радужек.

По зеркальной поверхности пробегает рябь, и жидкое серебро капля за каплей поднимается над Престолом, зависая в воздухе. Сверкающая масса обретает форму, и из нее медленно форми-

руются очертания человеческого лица. Передо мной возникает легендарная посмертная маска Разделенного Бога! Мое сердце колотится от тревожного предчувствия и непостижимого влечения. Пальцы, словно в гипнотическом трансе, обхватывают гладкую поверхность, ощущая таящуюся внутри Силу. Немного помедлив, я прикладываю маску к лицу.

Она садится идеально, как будто всегда была частью меня. В этот момент стекло начинает проникать в кожу, и тысячи невидимых игл пронзают мою плоть. Боль взрывается внутри меня, наполняя каждую клетку и обжигая каждый нерв. Но вместе с болью приходит нечто другое — экстаз, граничащий с божественным откровением. Я чувствую, как древняя Сила, скрытая в маске, пробуждается и сливается с моей сущностью.

Боль и экстаз смешиваются в один неразделимый поток ощущений, заставляя мое тело содрогаться. Я кричу, но звук моего голоса растворяется в воздухе, как будто сам мир меняется вместе со мной, а моя сущность переплавляется в нечто новое.

Спустя вечность я открываю глаза. Маска стала частью меня, невидимой, но ощутимой, и

я познал сущность Разделенного. Чтобы стать всемогущим Истинным Светлым, мне остается лишь одно — пройти третью и последнюю Инициацию.

Глава 26
Кодекс Бога

Инициация идет уже около часа. В Храме Разделенного собрались Главы Великих Родов и их наследники — претенденты на получение Дара. Все это время я просидел в Исповедальне, ожидая оптимального момента для появления Бога из машины, то есть, меня. По поводу моего отсутствия никто не переживает: высшие аристо считают, что я удачно утонул перед самым началом действа, и наверняка мысленно делят наследство Великого Рода Фиолетовых.

Меня же беспокоит другое: слишком длительное отсутствие Светлого. Я не видел его с момента нашей встречи в клубе «Белый Шум», и это странно — он уже должен был появиться на моем пути. Появиться и попытаться перетянуть меня на свою сторону или убить. Но Светлый позволил событиям течь своим чередом, и я стал практически неуязвимым. А после третьей инициации, возможно, стану всемогущим. Если выживу.

Ночь я провел в Приюте, в своей бывшей спальне, но глаз так и не сомкнул. Воображение

рисовало вероятные исходы предстоящей Инициации, и я просчитывал различные варианты ответных действий. Ни один из гипотетических сценариев мне не нравился, но я был уверен, что реальность окажется еще хуже.

В Храм я перебрался поздним утром, после того, как люди Бестужева проверили его еще раз, и с тех пор предаюсь размышлениям в Исповедальне, вполуха слушая торжественные речи Великих Князей.

Пятеро Глав Великих родов уже выступили. Их напутствия наследникам были скучны и бессмысленны — набор стандартных патриотических лозунгов и призывов верно служить Роду и Империи. Император продолжает в том же духе, естественно, делая упор на достижениях правящей династии и верности традициям. Наверное, на его месте я бы говорил примерно то же самое, ибо момент обязывает.

Наконец, славословия самодержца подходят к концу. Он желает успеха претендентам и предлагает им проследовать в алтарь. Ни Главы Великих Родов, ни их дети не знают, что в Престоле больше нет посмертной маски Разделенного: она стала частью меня. Без накачанного древней магией конструкта он превратился в антикварное кресло

сомнительной ценности. Высшие одаренные еще не ведают, что Инициация в прежнем формате невозможна в принципе, но я не позволю им сделать даже попытку.

— Маэсто, ваш выход! — говорю я себе и покидаю кабинку для Исповедей.

К центру Храма я иду не скрываясь. Акустика в зале великолепная, и мои размеренные шаги звучат достаточно громко, чтобы привлечь внимание аристо. Они поворачиваются ко мне один за другим, и породистые лица вытягиваются от удивления: все свято уверены, что мой хладный труп кормит рыб на дне Москвы-реки. Улыбается только Андрей Трубецкой. Улыбается, и едва заметно кивает.

Как я и рассчитывал, агенты Бестужева доложили им, что Александра Шувалова убили из магострелов, а мертвое тело утопили. Покров я активирую за доли секунды до атаки. Он не фиолетовый, а зеркальный, и выражения удивления, застывшие на лицах Глав Великих Родов, сменяются страхом.

Опешив, Император глядит на похожий на расплавленное серебро Покров, и пытается погрузить меня в Стазис. Я нейтрализую парализующую волну и продолжаю движение. Радужки

Романова вспыхивают двумя яркими изумрудами, и он атакует. К атаке присоединяются остальные Главы Родов, и в меня летят смертоносные радужные конструкты различных форм и размеров.

В этот момент стеклянный купол Храма взрывается и осыпается вниз дождем из разноцветных осколков. Светлый приземляется рядом с репликой Светлого Кристалла, одним резким движением отбрасывает его в сторону и атакует высших цветных волной Силы, сверкающей, словно океанские брызги на солнце.

Я останавливаю время.

Светлый, расставивший руки в стороны и окруженный кольцом не сформированной полностью волны, застыл в паре метров за моей спиной, Главы Великих Родов в светящихся Покровах и с мерцающими щитами — в нескольких шагах впереди.

Я оказался между целым сонмом боевых разноцветных конструктов и валом чистой Силы, как известный древнегреческий герой — между Сциллой и Харибдой. Разница между мной и Одиссеем в том, что уже через доли секунды объективного времени Сциллой и Харибдой стану я. Причем в одном лице.

Я становлюсь в центр Храма, в перекрестье взглядов семи статуй Разделенного. Теперь я чувствую, что они вовсе не каменные, а такие же конструкты, как посмертные маска Разделенного и Престол. Чтобы обратиться к Силе, мне не нужно закрывать глаза и впадать в медитативное состояние, достаточно лишь коснуться ее.

Пространство наполняется пересекающимися потоками света. Они постоянно меняют цвет, словно в калейдоскопе, и пульсируют. Субъективное время замедлилось лишь для меня, скорость света осталась практически без изменений. Кристаллы в Куполах светятся нереально ярко, так же ярко, как цветные радужки семи статуй Разделенного Бога. Теперь я вижу не только окружающий меня мир и потоки пронизывающей его Силы, но и энергию, которая их наполняет.

Все это вижу и чувствую только я, только здесь и сейчас, в течение остановившегося мгновения, которое может продлиться для меня несколько секунд или тысячелетий. Ни Светлым, ни Темным, ни Цветным хода в мою персональную временную вселенную нет!

Я мысленно обращаюсь к Силе, и она затапливает разум слепящим сиянием.

Я стою на бесконечном мосту над бесконеч-

ностью и вижу перед собой невообразимые картины: звезды, разрываемые на части черными дырами, галактики, сплетающиеся в узоры поразительной красоты, рождающиеся и умирающие звезды, и планеты, кружащие вокруг светил в бесконечном падении.

Каждое видение — это не просто зрелище, но ощущение, проникающее в самую суть моего бытия. Я становлюсь частью бесконечного космического карнавала, чувствуя, как пространство и время становятся податливыми, словно глина в руках скульптора.

Делаю шаг вперед, и пространство вокруг снова меняется. Ноги твердо ступают по невидимому мосту, ведущему в бесконечность. Сознание расширяется, выходя за пределы обычного восприятия. Я чувствую, что разум и тело сливаются с Силой, как будто сама Вселенная вплетает их в безграничную ткань мироздания.

Перед внутренним взором разворачивается панорама многочисленных миров и эпох, рождающихся и умирающих цивилизаций, самой жизни, которая возникает и гаснет в разных уголках Вселенной. Внутри себя я ощущаю мощь, позволяющую управлять этими процессами, чувствую, что могу подчинить пространство и время

собственной воле.

В этой новой реальности мои мысли материализуются мгновенно, и я понимаю, что обладаю властью, о которой даже не мечтал. Могу ли я создать звезду? Могу ли изменить ход времени? Каждая мысль становится материальной, каждое желание — законом.

Моя душа наполняется трепетом и страхом. Эта непостижимая Сила — не только Дар, но и Испытание. Я понимаю, что любое мое действие теперь имеет последствия, выходящие далеко за пределы прежнего бытия. Но вместо того, чтобы отступить, я принимаю вызов, и в глубине души зарождается решимость.

Я делаю еще один шаг вперед, ощущая, как древняя Сила наполняет меня до краев. Я готов принять свое предназначение и стать хранителем этого величия. Эта новообретенная мощь одновременно пленяет и освобождает меня. Мое прошлое, настоящее и будущее сливаются в единое целое.

Я обретаю власть над реальностью, но и реальность теперь становится частью меня. Мир вокруг меня вновь начинает двигаться, и я, новый, преобразившийся, готов вступить на путь, который навсегда изменит как мою судьбу, так

и судьбу Земли. Я чувствую себя Богом, в чьих руках находятся рычаги бытия.

Ощутив всю мощь мироздания, я возвращаюсь в Храм Разделенного. Накрываю подготовившихся к Инициации наследников небольшим силовым куполом. Вторым, гораздо большего размера, защищаю внутреннюю окружность Храма и возвращаю времени привычный ход.

Все вокруг приходит в движение, запущенная Светлым волна обтекает меня, словно тысячелетний валун, уничтожает радужные конструкты у меня передо мной и врезается в шестерку Высших Цветных. Главы Родов не отступают, и в Светлого несутся новые и новые боевые конструкты. Уходя от атак, он двигается нереально быстро, создается впечатление, что белоглазый танцует босиком на горящих углях. А затем он останавливается, его фигуру окутывает белый мерцающий Покров, а в руках появляются два прозрачных меча.

Светлый запрокидывает голову, громогласно смеется, и его фигура превращается в белый смерч. Он проносится справа от меня, не обращая внимания на врезающиеся в него лезвия, топоры и мечи, запущенные Главами Великих Родов. А затем за моей спиной раздаются приглушенные вскрики.

Я отвернулся, потому что не хочу лицезреть кровавое шоу. Отрешенно смотрю в округлившиеся от страха и бессилия глаза наследников, заключенных внутри купола, наблюдающих за гибелью собственных отцов. Да, я делаю грязную работу чужими руками, оставаясь чистым и незапятнанным.

Цветные сгустки гаснут один за другим, но мне их не жалко. Красный, Оранжевый, Желтый, Зеленый, Голубой и Синий. Карающая длань Светлого принесла им возмездие, которое они заслужили, убив двадцать лет назад собственных отцов. Хвала Разделенному, что мне не пришлось марать кровью собственные руки!

Все стихает уже через минуту. Наступает тишина. В ней отчетливо слышны шаги, направляющегося ко мне Светлого. Удара в спину я не жду, а даже если он последует, то не причинит мне никакого вреда.

— Ну, здравствуй, брат! — нарочито весело произносит Светлый, обходя меня по широкой дуге. — Мне отмщение, и Аз воздам!

Он взмахивает в воздухе двумя прозрачными, окровавленными мечами, и конструкты исчезают, орошая мраморный пол кровавой капелью. Он назвал меня братом, значит мое самое неве-

роятное предположение верно. Светлый — один из шести моих клонов. Теперь я не сомневаюсь, что нас было семь.

— Остальных пятерых убил ты? — уточняю я.

— Или ты! — усмехается он. — Все зависит от точки отсчета! Учитывая, что все мы — воплощения одного человека, я убивал самого себя.

Тьма меня раздери! Испепели Свет! Значит, я не сошел с ума, и воспоминания о собственном прошлом в Выборгском Сиротском Доме — реальность, а не плод моего больного воображения.

— Самое время представиться, — паясничает Светлый. — Как ты уже догадался, меня зовут Александр, как и тебя! Еще десять лет назад мы были единым целым до того момента, пока не посетили этот Храм во время экскурсии! Сюда вошел один мальчик, а вышли семеро. Синеглазый вернулся в Выборг, а остальные шестеро, в том числе ты и я, пошли своей дорогой.

Несмотря на обретенное могущество, меня прошибает холодный пот.

— Посмотри на них! — продолжает мой тезка и указывает рукой на окружающие нас статуи Разделенного Бога. — В Священном Писании сказано, что он разделил Свет на семь частей и вложил частичку своей души в каждого из семи

сыновей. Красивая легенда, не правда ли?

Светлый делает паузу, глядя на меня и наслаждаясь эффектом, которые производят его слова. Я снова не могу вымолвить ни слова, поскольку мой прежний земной мирок опять изменился. Он не перевернулся и не вывернулся наизнанку, он обрушился в бездонную пропасть и восстал снова, но восстал совершенно другим.

— На самом деле никаких сыновей не было, и Бог разделился физически, основав семь могущественных династий! — уверенно заявляет мой клон и замолкает, чтобы я осознал услышанное. — Потому его и назвали Разделенным! Через сотни лет, после очередной междоусобицы, которая едва не погубила Империю, Главы Великих Родов решили подкорректировать святое писание, чтобы уничтожить даже намек на прямое божественное происхождение всех одаренных и исключить повод для претензий на Императорский Престол!

— Ты намекаешь на то, что мы — Боги? — спрашиваю я с неприкрытым сарказмом.

— Почти! — Светлый кивает. — По всей видимости, мы — точная генетическая копия Разделенного! Такова игра Света и Тьмы!

— И почему же мы, по-твоему, разделились?

— Этого я не знаю и могу лишь предполагать, — мой тезка пожимает плечами. — Видимо, нам очень хотелось изменить свою судьбу, что стало триггером разделения!

— Звучит как очередное сказание, в котором нет ни слова правды, — отвечаю я, хотя рассуждения Светлого донельзя логичны, и он верит в то, что говорит. — Ладно, предположим, что все так и есть. Зачем ты убивал наших клонов?

— Бог должен быть один! — с пафосом заявляет Светлый. — А его прошлое — легендарным, поэтому вместе с одним из нас пришлось сжечь сиротский дом в Выборге!

— Почему же ты не убил меня? — я отступаю назад, и Светлый идет навстречу.

— Первая попытка не удалась, потому что в тоннеле тебя спас хорошо знакомый тебе Темный, глава их общины в России, — губы Светлого кривятся. — Вторую, в Царском Селе, отразил ты сам, с подачи этого же Темного…

— Тогда зачем ты спас меня в Приюте? — делаю еще один шаг назад.

— Амулет, который я тебе вручил, должен был показать твою Темную суть, и тебя сожгли бы здесь, в Храме! — Светлый снова лыбится. — В «Белом шуме» я спас тебя по той же причине и

даже предупредил, что все должно произойти в свое время! Сначала все участники партии должны были завершить начатые комбинации! Все пошло не по плану, теперь твои потенциальные убийцы мертвы, и ты умрешь вслед за ними!

— Хочешь стать Императором? — с вызовом спрашиваю я, и Светлый делает шаг навстречу, становясь в перекрестье взглядов статуй Разделенного.

— Бери выше — новым Разделенным! — отвечает Светлый с нескрываемым презрением. — Для этого и понадобилось сегодняшнее шоу! Негоже Темным рядиться в одежды Цветных, как это делали покойники за твоей спиной, и как делаешь это ты! Осталось убить тебя и этих никчемных юнцов, а затем выйти к народу и совершить на ступеньках Храма пару или тройку чудес!

— В чем опасность Темного начала внутри меня? — спрашиваю я, желая закрыть последний открытый фрагмент пазла.

— Рано или поздно Темные возьмут тебя под контроль, и ты станешь их марионеткой в прямом смысле! — снисходит до ответа Светлый после длинной паузы. — А теперь молись! Тьме или Свету — неважно! Мне жаль тебя убивать, ибо ты добился хотя бы чего-то, в отличие от

остальных пятерых!

Самоуверенность моего клона умиляет. Я чувствую, я знаю, что он не постиг весь спектр Силы, и не стал даже Истинным Светлым, которого упоминал Шеф. Ему не хватило малости — он не инициировал в себе Темное начало. Видимо, помещала ненависть к Темным.

В руках Светлого снова появляются два прозрачных меча, а на устах — самоуверенная улыбка. Мой двойник настолько уверен в победе, что идет в бой без Покрова. Я могу превратить его в кровавое месиво, даже не формируя боевые конструкты и не защищая себя Покровом. Но я решаю доиграть партию. Все начатые комбинации должны быть завершены!

Мои глаза разгораются радужными калейдоскопами, и я воздеваю руки к солнцу, которое светит сквозь разрушенный купол. Светлый застывает в неподвижности, его фигура становится черной, будто отлитой из обсидиана, и потоки света, бьющие из моих глаз, мгновенно превращают ее в лужу кипящего черного стекла. Мой клон умирает мгновенно, но я успеваю заметить удивление, мелькнувшее в его глазах.

Я убиваю Светлого светом, хотя мог бы убить тьмой или превратить в каменную статую, но

спектакль для наследников, прячущихся под сотворенным мной защитным куполом, нужно отыграть. Будущая элита Империи не должна сомневаться в моей Силе.

Я закрываю глаза и растворяюсь в окружающем пространстве. После огромной Вселенной объять Землю довольно просто, и я сам поражаюсь легкости, с которой это осуществил. На поверхности земного шара разбросаны цветные и черные точки. Цветные — в основном на территории России, черные — вне ее, а белых нет ни одной, если не считать самой яркой — меня.

Все это — люди, отмеченные Даром Разделенного. Кристаллы кажутся большими по размеру и напоминают кляксы, хотя понятие реального масштаба обманчиво, так рисует картину мира мой изменившийся разум.

Сначала я гашу Кристаллы. Высасываю из них Силу до тех пор, пока цветные и черные конструкты не исчезают полностью. Затем принимаюсь за одаренных. Нет, я не убиваю их, а лишаю Дара. Просто превращаю в бездарей, которых они презирали всю свою сознательную жизнь.

Остается лишь одна ярко светящаяся точка — я. Какое-то время борюсь с искушением лишить Дара себя, но в итоге доводы разума берут верх

над эмоциями, и я открываю глаза.

Наследники не почувствовали ничего, и их взгляды направлены не на меня: парни и девчонки пораженно оглядывают Храм. Удивляться есть чему: Кристаллы исчезли, как и статуи Разделенного Бога. Я гашу защитные купола, и наследники вздрагивают.

Первым на меня обращает взгляд Трубецкой. Он улыбается и машет смартфоном, зажатым в руке, а затем бежит ко мне. Остальные осторожничают и не двигаются с места.

— Получилось! — орет он, обнимая меня за плечи. — Я все заснял, трансляция в Телеграф шла непрерывно! Ты теперь самый сильный маг в Империи!

— Я — единственный маг! — поправляю я друга, но он еще не понимает, что я имею в виду.

— Вот только…

Андрей делает шаг назад, щурит глаза и пальцами правой руки аккуратно гладит мою кожу, внимательно разглядывая лицо.

— Эй, аристо, я, конечно, крут, но это не повод ко мне приставать! — протестую я и убираю его руку.

— Посмотри! — тихо произносит Трубецкой, поднимает смартфон на уровень моих глаз и

поворачивает экраном ко мне.

На ярком экране мое лицо. Еще более заострившееся, постаревшее лет на двадцать и покрытое мелкой сеточкой морщин. Но больше всего поражают глаза. Радужки похожи на залитую под роговицу ртуть, в глубине которой вспыхиваю цветные всполохи.

— Спасибо, друг! — искренне говорю я и крепко обнимаю Андрея. — Попрощайся с отцом и срочно лети с Натальей в Кремль, чуть позже я все объясню!

— Не понял?!

— Мне нужно побыть одному хотя бы пару часов! — молю я.

Трубецкой кивает и делает шаг назад.

Я выхожу из Храма и иду сквозь толпу военных, которые почтительно передо мной расступаются. Иду без опаски. Мне нечего бояться, ибо я — единственный одаренный в этом мире.

Трубецкой и Романова станут родоначальниками обычной династии, династии бездарей. А на ее страже буду стоять я, ибо десницами Российских Императоров всегда были Шуваловы. Я стану не только десницей династии Трубецких и шести Великих Родов, я стану хранителем России и всего этого гребаного мира, ибо я — реинкарнация

Разделенного, всемогущий Бог. А Бог…

Бог всегда обречен на одиночество.

Смешно, но мой путь начался с «Кодекса Агента». Теперь придется создать новый кодекс — «Кодекс Бога»!

Я спускаюсь по ступенькам Храма и бреду по набережной, задрав голову и глядя в голубое до одури небо. Я, наконец, обрел ее. Обрел свободу, о которой всегда мечтал!

К О Н Е Ц

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

#Бояръ-Аниме. Кодекс Агента. Том 3